

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Interview with **Samantha King**: Medicinal Capitalism: Beyond Cancer, Health, Pain and Meat

Рыжова Н. П., Журавская Т. Н.

Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на прекарных рынках труда в Корее и Китае

Дорлинг Д., Гител-Бастен С. Почему важна демография

Казун А. Д. Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы

Экономическая

социология

Т. 23. № 2

Март 2022

Электронный журнал

www.ecsoc.msses.ru

www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,

г. Москва,

ул. Мясницкая,

д. 11, комн. 530

тел.: +7 (495) 628-48-86

email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Journal of Economic Sociology

Vol. 23. No 2.

March 2022

Electronic journal

www.ecsoc.msses.ru

www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530

101000, Moscow,

Russian Federation

phone: +7 (495) 628-48-86

email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 23. № 2.
Март 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 23, No 2.
March 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE University (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE University (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE University (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE University (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

Н. П. Рыжова, Т. Н. Журавская

Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на прекарных рынках труда в Корее и Китае 11

Новые переводы

Д. Дорлинг, С. Гител-Бастен

Почему важна демография..... 36

Дебютные работы

К. В. Галицина, П. А. Калиновская, О. Ю. Хворостянова

Онлайн-дейтинг: рынок или базар? Процесс поиска брачной пары на православном сайте знакомств..... 65

Профессиональные обзоры

А. Д. Казун

Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы 91

Новые книги

А. Ю. Чепуренко

«3D-модель» российской экономики

Рецензия на книгу: Долгопятова Т. Г., Акиндинова Н. В., Симачёв Ю. В., Яковлев А. А. (науч. ред.). 2021. *Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов)*. М.: Изд. дом ВШЭ. 446 с..... 118

Т. С. Мартыненко

Цифровая утопия: труд в эпоху искусственного интеллекта

Рецензия на книгу: Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso. 144 p..... 129

Тексты на английском языке

Interviews

Interview with *Samantha King*

Medicinal Capitalism: Beyond Cancer, Health, Pain and Meat 141

Professional Reviews

К. Adamovich

Conceptual Approaches to the Study of Spatial Inequality: the Case of Russian Education 147

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Natalya Ryzhova, Tatiana Zhuravskaia

The Role of Social Media in the Adaptation of Russians

Working in Precarious Labour Markets in Korea and China..... 11

New Translations

Danny Dorling, Stuart Gietel-Basten

Why Demography Matters (excerpt)..... 36

Debut Studies

Kristina Galitsina, Polina Kalinovskaya, Olga Khvorostianova

Online Dating: Market or Bazaar? The Marriage Partner Search

Process on an Orthodox Dating Site..... 65

Professional Reviews

Anastasia Kazun

Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors..... 91

New Books

Alexander Chepurenko

“3D-model” of the Russian Economy

Book Review: Dolgopyatova T. G., Akindinova N. V., Simachev Y. V.,

Yakovlev A. A. (eds) (2021) *Otvet rossiyskogo biznesa na pandemiyu COVID-19*

(*na primere shesti otraslevykh keysov*) [The Russian Business Response

on the COVID-19 Pandemic (On the Base of six Branch Cases)],

Moscow: HSE Publishing House (in Russian)..... 118

Tatiana Martynenko

Digital Utopia: Labour in the Age of Artificial Intelligence

Book Review: Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*,

London, New York: Verso. 144 p..... 129

Texts in English

Interviews

Interview with *Samantha King*

Medicinal Capitalism: Beyond Cancer, Health, Pain and Meat 141

Professional Reviews

Kseniia Adamovich

Conceptual Approaches to the Study of Spatial Inequality: the Case of Russian Education 147

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

События, начавшиеся 24 февраля 2022 г., существенно изменили общую ситуацию в России и в мире, усложнив нашу академическую деятельность и жизнь в целом. Вскоре один за другим от сотрудничества с нашим журналом поторопились отказаться многие члены Международного совета. Никак не оценивая их поступок, отмечу важный факт: о разрыве отношений написали не все. И мы благодарны тем, кто не поспешил вычеркнуть нас вместе со всеми россиянами из числа своих коллег просто по национальному признаку.

Вопреки всему происходящему, мы считаем своим долгом продолжать профессиональную работу и представляем новый номер нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья д. э. н. *Н. П. Рыжовой* и к. социол. н. *Т. Н. Журавской* (обе — сотрудники Приморской лаборатории Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск) «Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на precarious рынках труда в Корее и Китае». Исследуется группа российских precarious работников за пределами России. Авторы сравнивают корейскую ситуацию, где мигрантам доступны разные социальные медиа (WhatsApp, VK, Viber и др.), и китайскую ситуацию, где преобладает WeChat, чтобы понять, что происходит в условиях одного доминирующего вида медиа. Помимо анализа объявлений о поиске работы и вакансиях в социальных медиа, используются данные лейтмотивных интервью с precarious занятыми (23 интервью с работающими в Китае и 31 интервью с работающими в Корее).

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом из книги профессора *Дэнни Дорлинга* (Университет Оксфорда, Великобритания) и профессора *Стюарта Гител-Бастена* (Гонконгский университет науки и технологии) «Почему важна демография» (М.: Изд. дом ВШЭ, 2022). Публикуется восьмая глава «Население и политика», в которой авторы обращаются к теме политической демографии и сначала поднимают вопросы евгеники в её историческом и современном проявлениях, после чего обсуждают миграцию и паттерны рождаемости прошлых лет, способные влиять на миграцию. Перевод с английского *А. Писарева* под науч. ред. *Э. Сафронова*. Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

Рубрика «**Дебютные работы**» представлена статьёй студенток НИУ ВШЭ *К. В. Галициной*, *П. А. Калиновской* и *О. Ю. Хворостяновой* «Онлайн-дейтинг: рынок или базар? Процесс поиска брачной пары на православном сайте знакомств». На основе проведённых в 2021 г. глубинных полуструктурированных интервью с пользователями православной платформы для знакомств (возраст 18–35 лет, из Москвы и ближайшего Подмосковья) выявляются формы интеграции, подходящей для описания поиска пары на данном сайте. Процесс поиска рассматривается сначала как рынок, в традиции Дж. Акерлофа, где анкета и фото выступают институциональными механизмами преодоления проблемы несовершенства информации и качества товара, а затем, в духе К. Гирца, как базар, на котором переписка является торгом, а пользователи ради нахождения «своего человека» стремятся к клиентелизации. Авторы приходят к выводу, что оптика базара имеет больше преимуществ для описания рассмотренного кейса.

Для рубрики «**Профессиональные обзоры**» канд. социол. н. *А. Д. Казун* (старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ) подготовила аналитический обзор «Конспирологическое мышление: понятие, изме-

рение и факторы». Представлены два принципиально разных подхода для измерения конспирологического мышления: (1) с точки зрения согласия с рядом реальных теорий заговора; (2) в общих терминах, без ссылки на конкретные теории заговора. Приведены примеры инструментария, соответствующего каждому из подходов. Установлено, что конспирологические убеждения более свойственны людям с высокой тревожностью, низкой самооценкой и менее развитыми аналитическими способностями.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу: Долгопятова Т. Г., Акиндинова Н. В., Симачёв Ю. В., Яковлев А. А. (науч. ред.). *Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов)*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. Рецензия подготовлена д. э. н. А. Ю. Чепуренко (НИУ ВШЭ). Макроэкономический анализ в сочетании с анализом ситуации на уровне отрасли и отдельных фирм позволил авторам показать неоднозначную реакцию на пандемию и связанные с ней новые риски и возможности со стороны разных компаний в шести различных секторах российской экономики — розничной торговле, ИТ, туристическом секторе, фармацевтическом производстве, автомобилестроении и химической промышленности. Полученная картина позволяет лучше понять как возможности и ограничения дальнейшего развития, так и вызовы и возможные развилки, стоящие перед российским государством.

Кандидат социол. н. Т. С. Мартыненко (старший преподаватель социологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова) представляет рецензию на книгу Фила Джонса «Работа без работника: труд в эпоху капитализма платформ» (Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso, 2021). Джонс приглашает читателя посмотреть на обратную и весьма неприглядную сторону цифровой утопии. В центре внимания исследователя находится микрозанятость, реализуемая в форме так называемой задачи человеческого интеллекта (*human intelligence task* — HIT), или «искусственного искусственного интеллекта» (*artificial artificial intelligence* — AAI). Показывается, что не функционирование алгоритмов искусственного интеллекта, а выполняемые людьми плохо оплачиваемые и психически разрушительные задачи делают нашу цифровую жизнь более удобной и понятной.

Тексты на английском языке

В этом номере мы возвращаемся к нашей давней рубрике, в которой публикуем **интервью** с ведущими исследователями. В данном случае речь идёт о профессоре Саманте Кинг (Канада), авторе известной книги «Инкорпорация “Розовые ленты”: рак груди и политика филантропии» (2006). В этом интервью Саманта прослеживает недавние изменения благотворительных программ, нацеленных на борьбу с онкологическими заболеваниями, обсуждает политические схватки вокруг пандемии коронавируса и показывает скрытую сторону рынка заместителей протеина, возникшего на волне отказов от использования мяса животных в пользу искусственно созданных продуктов. Интервью записано Е. С. Бердышевой и публикуется на английском языке.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» предлагается статья К. А. Адамович (научный сотрудник Международной лаборатории оценки практик и инноваций в образовании, НИУ ВШЭ) «Концептуальные подходы к изучению пространственного неравенства на примере российского образования». В работе выделены два концептуальных подхода к пониманию пространственного неравенства, которые по-разному отвечают на вопрос о том, сводится ли оно к социально-экономическим различиям между территориями. Первый подход подразумевает, что в силу исторически сложившегося неравномерного распределения экономического капитала в пространстве география становится значимым фактором, который ограничивает возможности учащихся в плане доступа к образовательным ресурсам, в выборе траектории и образовательных достижений. Второй подход открывает перспективы для изучения символического статуса пространства, а также пространственного капитала индивидов, организаций и самих территорий.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Events that started on February 24, 2022 brought radical changes to Russia and the whole world. Both academic activity and daily life have become much more uncertain and complicated. Quite quickly, many members of the International Board cancelled their affiliations with our Journal. We really appreciate the attitude of those who did not cancel their cooperation with us on the basis of our nationality.

Despite all expected difficulties, we have to fulfil our professional duties and present to you the next issue of our journal.

Texts in Russian

Dr. *Natalya Ryzhova* and Dr. *Tatiana Zhuravskaia* (both from the Primorsky Laboratory of the Institute for Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia) present their study ‘The Role of Social Media in the Adaptation of Russians: Working in Precarious Labour Markets in Korea and China.’ The authors investigated a group of Russian citizens employed in the precarious labour markets in China and Korea. They compare the Korean case, where different social digital platforms (WhatsApp, VK, Viber, and others) are available to migrants, and the Chinese case, where WeChat dominates. The aim is to understand whether digital platforms influence changes in the asymmetry of power. The empirical basis of the study was collected from the materials of open groups and closed chats on different platforms (WeChat, VK, Telegram, WhatsApp). A series of interviews with pre-car occupants were also conducted, including 23 interviews with people working in Chinese markets and 31 interviews with people working in Korean markets.

We publish a translation of a fragment from the book ‘Why Demography Matters’ (Cambridge, UK; Medford, USA: Polity Press, 2018) written by Professor *Danny Dorling* (University of Oxford, UK) and Professor *Stuart Gietel-Basten* (Hong Kong University of Science and Technology). We present chapter eight ‘Population and Politics,’ where the authors discuss the political demography. Here they address eugenics, in both its historical and contemporary manifestations, and then look again at migration and past fertility patterns that may influence it. Translated by *A. Pisarev* and edited by *E. Safronov*. Published with kind permission of the HSE University Publishing House.

Kristina Galitsina, *Polina Kalinovskaya*, and *Olga Khvorostianova* (all — students of the HSE University) present their study ‘Online Dating: Market or Bazaar? The Marriage Partner Search Process on an Orthodox Dating Site’. The study is based on the in-depth semi-structured interviews with 18–35-year-old Orthodox online dating platform users from Moscow and the Moscow region. The objective is to identify the form of integration that is suitable for describing the search for a couple on this site. Firstly, search for a partner is studied through G. Akerlof’s perspective as search on the market so that the website’s questionnaire and photos are treated as institutional mechanisms used to tackle the problem of imperfect information and the quality uncertainty. Secondly, the search process in hand is considered as a bazaar in line with C. Geertz’s argument where messaging is bargaining, and users, motivated by the desire to find a soulmate, aim at clientelization. Finally, the authors infer that the bazaar perspective is more relevant for describing the search process in the considered case.

Dr. *Anastasia Kazun* (senior research fellow at Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University) presents an analytical review ‘Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors’. Two funda-

mentally different approaches to measuring conspiracy thinking are presented: (1) in terms of agreement with several real conspiracy theories, (2) in general terms, without reference to specific conspiracy theories. The article provides examples of scales that correspond to each of the approaches. Conspiracy beliefs are more common in people with high anxiety, low self-esteem and less developed analytical skills.

Professor *Alexander Chepurenskiy* reviews a new book: Dolgopyatova T. G., Akindinova N. V., Simachev Y. V., Yakovlev A. A. (eds) (2021) *The Russian Business Response on the COVID-19 Pandemic (On the Base of six Branch Cases)*, Moscow: HSE Publishing House (in Russian). The authors of the book combine a macroeconomic analysis with the medium-level analysis of each of the industries and at the level of individual firms enabled showing an ambiguous reaction to the pandemic of different companies and the new risks and opportunities associated with it in six sectors of the Russian economy. This includes retail trade, IT, the tourism sector, pharmaceutical production, automotive industry and the chemical industry are considered. The resulting picture allows us to better understand both the opportunities and limitations of further development, as well as the challenges and possible junctions the Russian state policy is facing.

Dr. *Tatiana Martynenko* (Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University) reviews a book: Jones Ph. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*, London; New York: Verso, 2021. Jones invites the reader to look at the reverse and very unsightly side of the digital utopia. The focus of the research is microwork, realized in the form of the so-called “human intelligence task” (HIT) or “artificial intelligence” (AAI). The author demonstrates that it is the poorly paid and mentally destructive tasks performed by humans that make our digital lives more convenient and understandable, and not the functioning of artificial intelligence algorithms.

Texts in English

In this issue, we returned to our tradition of having interviews with distinguished scholars. In this case, *Elena Berdysheva* recorded interview with Professor *Samantha King* (Queen’s University School of Kinesiology and Health Studies, Canada), the author of the famous *Pink Ribbons, Inc: Breast Cancer and the Politics of Philanthropy* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006). In this interview Samantha traces the changes in anti-cancer philanthropy in recent years, comments on the political struggles behind the COVID-19 pandemic and points to the hidden layers of protein supplements market challenged by the post-humanistic ban on eating animals, emerging laboratory-meat supply, and ecological concern.

Kseniia Adamovich (Research Fellow at the International Laboratory for Evaluation of Practices and Innovations in Education, HSE University) presents a paper ‘Conceptual Approaches to the Study of Spatial Inequality: the Case of Russian Education.’ This paper presents two conceptual approaches to understanding spatial inequality, and, respectively, two different answers to the question of whether socio-economic differences between territories is the main factor in educational inequality. The first approach implies that due to the historically uneven distribution of economic capital in space, geography is becoming a significant factor that limits students’ opportunities in terms of access to educational resources, choice of trajectory and educational achievement. The second approach opens up prospects for studying the symbolic status of space, as well as the spatial capital of individuals, organizations, and the territories themselves.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Н. П. Рыжова, Т. Н. Журавская

Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на прекарных рынках труда в Корее и Китае¹

РЫЖОВА Наталья Петровна — доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией Института экономических исследований ДВО РАН. Адрес: 680042, Россия, Хабаровск, Тихоокеанская ул., д. 153.

Email: n.p.ryzhova@gmail.com

Как мигранты используют социальные медиа для адаптации, в том числе на рынке труда? Имеет ли значение для адаптации, какие социальные медиа доступны и каково их количество? В данной статье, отвечая на эти вопросы, мы обращаем внимание на весьма специфичную социальную группу российских граждан, занятых на прекарных работах в Китае и Южной Корее. Данные сегменты рынка труда почти не описаны в научной литературе в основном потому, что российские трудовые мигранты в Корею и Китай не наблюдаемы ни для страны приёма, ни для страны отправления. Как правило, эти люди не имеют урегулированного миграционного статуса, то есть у них нет разрешений на работу, долгосрочное проживание, страховок, других необходимых миграционных документов. Свою задачу мы видим в том, чтобы сравнить две ситуации — корейскую, где мигрантам доступны разные социальные медиа (WhatsApp, VK, Viber и другие), и китайскую, где преобладает WeChat, чтобы понять, что происходит в условиях одного доминирующего вида медиа. Помимо анализа объявлений о поиске работы и вакансиях в социальных медиа (WeChat, VK, Telegram, WhatsApp), мы проводили лейтмотивные интервью с прекарными занятыми (23 интервью с людьми, работавшими на китайских прекарных рынках, и 31 интервью с людьми, занятыми на корейских прекарных рынках)².

Ключевые слова: трудовые мигранты; прекарные рынки труда; социальные медиа; адаптация на рынке труда; миграционная инфраструктура; социальная топология.

Введение

Миграционные исследования достигли в последние десятилетия дисциплинарной зрелости: стремительно растёт количество публикаций, увеличивается тематическое разнообразие, в том числе за счёт заимствования подходов и расширения спектра используемых методов [Vargas-Silva 2012; Zapata-Barrero, Yalaz 2018]. Впрочем, эта позитивная ситуация остаётся фрагментарной: большая часть проектов по изучению миграций финансируются европейскими структурами, что определяет смещённую географию, европеизированное производство знаний и повышенное внимание к исследованию трудовых миграций по направлению с глобального Юга на Север

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ 19-010-00540 А «Миграционные политики, инфраструктура и экстралегальное миграционное поведение на восточных границах России».

² В сборе данных нам помогали наши коллеги и студенты: Ю. О. Корешкова, Д. В. Крылов, Р. А. Куропатова, Е. В. Моргун, Е. В. Рыжова. Мы выражаем свою огромную признательность за оказанное содействие в работе.

ЖУРАВСКАЯ Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приморской лаборатории Института экономических исследований ДВО РАН. Адрес: 680042, Россия, Хабаровск, Тихоокеанская ул., д. 153. Доцент Школы экономики и менеджмента ДВФУ. Адрес: 690922, Россия, Приморский край, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10.

Email: wellshy@mail.ru

[Morawska 2017]. «Локальный поворот», в рамках которого исследователи миграций концентрируются на особенных географических кейсах [Zapata-Barrero, Caponio, Scholten 2017], к сожалению, не характерен для российского Дальнего Востока, особенно если говорить о трудовой мобильности россиян в Китай или Южную Корею (далее — Корея). Можно привести лишь несколько работ, в которых этот феномен упоминается, при этом авторы подчёркивают ограниченность данных, сложность доступа к информантам и проч. [Фетисова 2008; Зуенко 2014; Рязанцев et al. 2018].

Вместе с тем изучение миграционного потока из России в Китай и Корею (то есть с «условного Севера» на «глобальный Восток») крайне важно из-за экстраординарности, необычности этого географического направления. Говоря о необычности, мы имеем в виду, что этот миграционный поток в некотором смысле идёт в противоположном направлении от наиболее изученного и описанного в научной литературе — с «глобального Юга» на «глобальный Север». Анализ «выпадающих» случаев позволяет социологам сопоставлять, уточнять и опровергать фундаментальные представления о причинах, типах и процессах международных трудовых миграций, углублять понимание особенностей адаптации в зависимости от страны исхода и приёма мигрантов. Из предыдущих публикаций хорошо известно, что представляют собой основные миграционные потоки на «глобальный Север». Если оставить в стороне ограниченное количество нанимаемых высококвалифицированных рабочих, руководителей и представителей креативного класса, то основную часть этого потока составят низкооплачиваемые работники [Held, Kaaya 2007; Sassen 2013; Castles 2016], которые трудятся в таких секторах, как сельское хозяйство, строительство, домашняя работа, производство продуктов питания, сфера торговли [McDowell, Batnitzky, Dyer 2008; Scott 2017], и часто сталкиваются с проблемами урегулирования миграционного статуса³ [Sunderhaus 2007; Visser, Meléndez 2015].

Где (в каких секторах), на каких позициях и на каких условиях (с социальными гарантиями или без них) трудятся россияне в странах «глобального Востока», по сути, почти неизвестно. Мы стремимся заполнить этот пробел, хотя можем сделать это лишь частично; наши методика и данные позволяют утверждать, что российские мигранты в Китае и Корее, как и большинство мигрантов по всему миру, часто сталкиваются с невозможностью урегулирования миграционного статуса, а в Корее ещё и заняты в основном на низкооплачиваемых позициях. Однако следует оговориться: из-за того, что официальные (количественные) данные о российских трудовых мигрантах в Китае и Корее в принципе отсутствуют, наша методика и данные не позволяют сделать выводы о том, есть ли в изучаемых странах российские граждане, занятые легально (и тем более о том, каково соотношение тех и других). Иначе говоря, мы не утверждаем, что результаты нашего исследования релевантны по отношению ко всем работающим в Китае и Корее россиянам.

³ Спектр неурегулированных отношений включает работу без оформления трудовой визы (при наличии деловой, туристической визы или при въезде без оформления визы), отсутствие разрешений на работу или ведение предпринимательской деятельности, регистраций (временных) по месту пребывания, медицинских страховок и проч.

Итак, описанные в этой работе сегменты рынка труда объединяются по критерию невозможности урегулирования миграционного статуса. Социологи нередко осмысливают эту проблему в терминах неформальной или даже нелегальной миграции [Алешковский 2014]. Такой подход скорее фокусирует объяснение на отношениях людей с государством, устанавливающим барьеры на пути свободного перемещения [De Genova 2002], нежели обращает внимание на особенности экономической жизни и социальной адаптации на рынке труда. Поскольку эти особенности представляются более интересными и менее изученными, мы отказываемся от фреймирования изучаемых ситуаций в терминах неформальности.

Экономическая жизнь наших респондентов характеризуется отсутствием трудовых договоров, медицинских страховок или оплачиваемых отпусков; люди вынуждены часто менять места жительства, сталкиваются с невозможностью совместного проживания с семьёй (даже матерей и несовершеннолетних детей). Сами респонденты описывают свою работу и жизнь как нестабильную, уязвимую. Занятые часто меняют место работы, переходя, например, из сельского хозяйства в строительство и обратно или из учителей в модели или хостес; при этом они, как правило, работают не по своей основной профессии (а некоторые и вовсе никогда не проходили профессионального обучения), что принято называть депрофессионализацией. Совокупность этих характеристик уже не раз описывалась социологами, в том числе изучавшими российский рынок труда, в терминах «прекаризации» [Тощенко 2015; Тощенко, Анисимов 2019]. Соответственно, учитывая сходство респондентов по критерию уязвимости и большое разнообразие их прочих социодемографических характеристик (мужчины и женщины в возрасте 19–45 лет; выходцы из крупных дальневосточных (сибирских) городов и маленьких деревень; наличие в выборке выпускников престижных университетов и людей, едва закончивших школу; с разбросом доходов в 10 раз⁴), мы используем для обозначения сегмента изучаемых рынков термины «прекарный» и «прекариат».

Изучая экономическую жизнь прекарных занятых, мы делали особый акцент на том, как они попадали на китайские и корейские рынки труда, искали и меняли работу, обустроивались, то есть на том, как проходила их адаптация. Миграционными исследованиями по всему миру уже выявлено, что новые информационно-коммуникационные технологии (телефоны, социальные сети и приложения) принципиально изменили способы поиска работы и адаптации мигрантов на новом месте. Социальные медиа стали тем ресурсом, который позволяет «собираться, мобилизоваться и действовать через границы» [Nedelcu, Soysüren 2020]. Но так ли это в случае китайского и корейского прекарных рынков? Существуют ли между ними какие-то отличия, учитывая принципиально разные подходы к регулированию интернет-пространства в этих странах (напомним, что в Китае доступ к привычным для европейцев социальным медиа затруднён)?

Статья состоит из семи разделов, включая введение и заключение. В теоретическом обзоре рассматривается развитие подходов к изучению миграционной инфраструктуры, чтобы объяснить, почему мы считаем эту концепцию удачной для изучения адаптации мигрантов на рынках труда и как возникло внимание к технологиям (социальным медиа). В методологическом разделе статьи обсуждается, почему акторно-сетевая теория и конкретно множественный метод описания социального пространства [Law, Mol 2001] хорошо подходит для объяснения того, как технологии взаимодействуют с другими измерениями миграционной инфраструктуры. В следующем разделе даётся характеристика использованных данных и методов. В четвёртом разделе представлены эмпирические данные — по два кейса о прекарной занятости в Китае и Корее. В пятом — анализируются эмпирические данные и обосновывается основной тезис статьи о возрастании уязвимости прекарных занятых в условиях ограниченности доступа к социальным медиа. В заключении мы пытаемся поместить основной тезис статьи в более широкую теоретическую дискуссию.

⁴ Модель в Китае vs горничная в дешёвой корейской гостинице.

Прекарность мигрантов и развитие концепции «миграционная инфраструктура»

Как мы уже отметили во введении, прекарность как уязвимость, не гарантированность, нестабильность является основной характеристикой тех сегментов рынка, которые мы изучали. О том, что мигранты — уязвимая категория населения, с ними часто не заключаются контракты, они лишены доступа к медицинским услугам, социологи стали говорить уже в середине XX века, ещё до введения в широкий научный оборот термина «неформальная занятость» [Hart 1985]. Это внимание шло рука об руку с использованием термина «миграционная инфраструктура». Конвенция Международной организации труда 1949 г. [Dubbert, Ebert 2018] рекомендовала мигрантам пересекать границы с помощью государственных служб занятости в странах происхождения и приема, с подписанием двусторонних соглашений, регулирующих заработную плату и другие условия, влияющие на работу. Иными словами, предполагалось, что решение проблемы защиты прав трудовых мигрантов — это государственный контроль и поддержка.

Такая модель доминировала в 1950–1960-х гг. в Европе и Северной Америке, но миграционная инфраструктура как государственное сопровождение миграционного потока не превратилась в норму для азиатских стран [Martin 2015]. В 1970-х гг. потоки трудовых миграций из этих стран и между ними постоянно увеличивались, в основном благодаря развитию частного посредничества. Это привело к многочисленным нарушениям прав трудовых мигрантов, где снижение их заработной платы — далеко не самая критичная проблема. Особенно остро проблемы ощущались в отношении низкоквалифицированных (и, как правило, с низким уровнем образования) работников — строителей, рабочих, занятых в сельском хозяйстве, на сборочных производствах, домашней прислуги и т. п.

В ответ на многочисленные свидетельства нарушения прав мигрантов и под давлением общественных организаций, в том числе Международной организации труда (МОТ), правительства начали принимать меры, направленные на регулирование деятельности частных торговцев рабочей силой, вводя обязательные лицензии, сборы, требования к набору документов, которыми должны обеспечить посредники перед отправкой людей за границу. Государственное регулирование имело разные последствия в разных странах, однако общей тенденцией оказалось то, что международная миграция низкоквалифицированной рабочей силы стала одновременно и более лёгкой, и более громоздкой. Лёгкость заключалась в том, что всё больше людей получили легальный доступ к возможностям трудоустройства за рубежом, а поездки превратились в более быстрые и безопасные. Но сам процесс миграции при этом усложнился: выросло число регулирующих органов, норм и правил, а следовательно, трудовые мигранты должны были разбираться в большем количестве правовых нюансов и (или) расходовать больше ресурсов на то, чтобы им помогли в них разобраться [Xiang, Lindquist 2014]. В некоторых случаях эти правила вообще сделали самостоятельную трудовую миграцию почти невозможной: в Китае до начала 2000-х гг. только работники государственных предприятий, имеющие разрешение правительства, могли работать за границей на законных основаниях [Xiang 2017].

Вводимые государствами ограничения не предотвратили нарушения прав трудовых мигрантов, а в ряде случаев даже усугубили вненормативные или откровенно криминальные практики посредников, включая торговлю людьми. Это происходило повсюду в мире, но в Азии в силу разных причин в большей степени, чем в Европе.

Описанные трансформации обусловили развитие термина «миграционная инфраструктура», который теперь стал включать не только государственные службы занятости, но и частных официально (не)зарегистрированных посредников; социальные сети поддержки — взаимной помощи мигрантов, в том числе в трудоустройстве; законодательство, регулирующее и процесс мобильности, и деятельность посредников [Xiang, Lindquist 2014]. Бао Сян и Йохан Линдквист определили миграционную инфра-

структуру как систематически взаимосвязанные технологии, институты и субъекты, которые способствуют мобильности и обуславливают её. Эти авторы предложили выделить пять составных частей миграционной инфраструктуры — коммерческую (посредники, занимающиеся поиском персонала и (или) вакансий и наймом), регуляторную (государственный аппарат с его процедурами документирования, лицензирования, обучения), технологическую (связь и транспорт), гуманитарную (некоммерческие в основном международные организации) и социальные (миграционные сети). Эти составные части не дискретны, они постоянно перетекают друг в друга, наслаиваются, взаимодействуют, становятся важными элементами друг друга. Например, посредники, которые помогают выходцам из России найти работу в Корею, как правило, сами являются частью миграционных сетей, нередко имеют в прошлом опыт подобной прекарной занятости; они часто управляют несколькими социальными медиа, через которые предлагают свои услуги по поиску работников или вакансий для рабочих; их основные компетенции определяются пониманием корейских регуляторных особенностей — визовых требований, правил поиска работы, последствий и возможностей уклонения от выполнения миграционных требований и т. п.

В этом определении миграционной инфраструктуры уже заложены относительно недавно возникшие, но быстро ставшие важной составляющей социальные медиа. Раньше поиск посредника для нахождения работы за рубежом предполагал использование социальных контактов. Это означало, что и посредник, и партнёры по работе или в процессе перемещения из страны исхода в страну приёма входили — хотя бы через слабые связи — в социальные сети мигранта. Теперь, при наличии социальных медиа, миграционный процесс может происходить с разрывом «привычных» социальных связей: человек находит посредника в сети, подписывает договор, используя мобильную почту, получает все инструкции онлайн, также делает перевод за услуги, даже не узнав, кто помогал его мобильности. Многие исследователи расценили такой шаг как эмансипативный, но эмпирика показала, что эти надежды были преждевременными [Diminescu 2008]. Не только мигранты, но и регуляторы вооружаются новыми технологиями и получают возможность извлекать или трассировать цифровые следы людей, отслеживать их намерения и передвижения онлайн, изучать политические, религиозные и прочие убеждения мигрантов и предотвращать мобильность тех, кто нежелателен [Beduschi 2018; Chi et al. 2020].

Таким образом, изменения в процессах трудовых миграций сопровождалось развитием концепции миграционной инфраструктуры. Доминирование государственных служб занятости в миграционных процессах связывало социологию миграции с теорией международных отношений. При развитии феномена посредничества на передний план вышли некантитативные исследования, этнография и социология миграций сблизилась с антропологией. Внимание к социальным сетям актуализировало разные типы сетевого анализа. И наконец, рост влияния информационно-коммуникационных технологий спровоцировал новый поворот, хорошо реализованный в ряде работ [Lindquist, Xiang, Yeoh 2012; Xiang, Lindquist 2014], чьи авторы, обращаясь к достижениям Б. Латура раскрывают «чёрный ящик» миграции, в котором государственное регулирование неотделимо от технологий, а те — от социальных сетей. Перефразируя фразу Латура о никуда не летящем американском пилоте, если не включаются живые и неживые актанты и сети, обеспечивающие полёт, исследователи показывают, что индонезийская работница никуда не мигрирует без всех тех актантов и сетей, живых и неживых, которые делают ее переезд и работу в новой стране возможной. Не все актанты и сети облегчают процесс мобильности: многочисленные бумаги, требующие оплаты, или новые законы и правила, принуждающие людей искать пути их обхода, делают процесс более сложным, но именно вся их совокупность превращает женщину в мигрантку-прислугу.

Методология исследования социальных медиа как части миграционной инфраструктуры

Поскольку новые свойства миграционной инфраструктуры требуют обращать внимание на живых и неживых актантов и сети, очевидным методологическим выбором представляется использование спектра методов и подходов, так или иначе укладывающихся в акторно-сетевую теорию [Latour 2005]. Изначально отказываясь от обычных иерархических конструкций и настаивая на том, чтобы мыслить все отношения между живыми и неживыми актантами, как равноправные, акторно-сетевая теория, по мнению исследователей [McLean, Hassard 2004], позволяет изучать распределение, изменение власти, так как выявляет, как любой актант, удалённый из сети или добавленный к ней, может принципиально влиять на её функционирование [Doolin, Lowe 2002].

Однако, как можно понять, если речь идёт о социальных медиа (или о других технологиях), насколько они сами, а не люди, ими управляющие, перераспределяют власть? Например, в ответ на часто дискутируемые вопросы о том, будут ли влиятельные социальные медиа (или цифровые платформы) контролировать наши экономические решения или что технологии сделают с нами, Эндрю Макафи и Эрик Бриньолфсон утверждают, что технология — это только инструмент, который не решает, что произойдёт с людьми [Макафи, Бриньолфсон 2019]. На наш взгляд, отделить решающие платформы от людей, принимающих решения о действии платформ, можно, если использовать подход социальной топологии [Law, Mol 2001; Law 2002]. Эннмари Мол и Джон Ло предложили идею о существовании множественности форм социальной пространственности, в которой евклидово пространство (или пространство регионов) пересекается с пространством сетей и пространством потоков.

В пространстве регионов объекты сохраняют свою преимственность, если их набор координат остаётся стабильным по отношению друг к другу при любом перемещении. Это самый простой, очевидный тип пространства. Любой живой человек находится в нём и остаётся стабильным, если сохраняется целостность его тела. Перемещение в евклидовом пространстве происходит, когда тело перемещается из географической точки А в точку В.

Вторая, альтернативная, форма пространства — это сети, состоящие из человеческих и нечеловеческих существ, а также отношений между ними. Объект в пространстве сетей устойчив, если устойчив набор связей с другими сущностями, то есть если все участники сети вовлечены и задействованы. Например, любой человек входит в множество пересекающихся социальных сетей; отправляясь в другую страну, он может выпасть из части сетей. Допустим, он был репетитором английского языка и преподавал только онлайн. Сеть его учеников может остаться стабильной, если все живые и неживые существа в ней будут действовать, как и раньше, но может разрушиться, если наш мобильный в евклидовом пространстве актант не учёл, что его компьютер окажется незадействованным, выключенным из-за запрета в новой стране на пользование теми приложениями, через которые он работал в стране исхода.

Следующее пространство — это пространство потоков. Эннмари Мол и Джон Ло обращаются к устройству зимбабвийского втулочного насоса, чтобы показать механику текучей технологии. Эта технология, чтобы быть устойчивой, должна оставаться гибкой, текучей, а текучесть проявляется в том, как насос был изобретён, используется и выполняет свою функцию. Это означает, например, что установка насоса ни в одном месте не происходит по шаблону — могут использоваться разные подручные живые и неживые части и способы взаимодействия между ними. Если бы насос пытались устанавливать, чётко следуя шаблону, он, скорее всего, не работал бы.

Рассматривая передвижение трудовых мигрантов в каждом из этих пространств, можно выявить, как и благодаря чему и (или) кому мигранты находят работу, как они адаптируются на рынке труда и в новом

социальном пространстве, то есть увидеть, как работают миграционная инфраструктура и её отдельные составляющие, включая социальные медиа. Прежде чем переходить к анализу сетей, складывающихся и распадающихся на российско-китайских и российско-корейских прекарных рынках труда, опишем источники наших данных и представим несколько этнографических случаев.

Источники данных и характеристика прекарных рынков труда россиян, работающих в Корее и Китае

Мы уже не раз в своих работах обращались к миграционным ситуациям на российско-китайской границе [Рыжова 2009; Журавская 2016; Ryzhova 2018; Журавская, Рыжова 2021], но собранные ранее данные служат, скорее, контекстом, позволяющим понять трансграничные миграционные процессы на российском Дальнем Востоке. Настоящая статья подготовлена на новом этнографическом материале об исходящей мобильности российских граждан в азиатские страны. Этот миграционный поток остаётся слепой зоной; исследовательское невнимание к нему связано со сложностью получения данных. Показатели государственного статистического наблюдения отсутствуют, построить выборку для проведения количественных опросов невозможно, а чувствительность тематик (прекарность позиций и неурегулированность миграционных статусов) затрудняет качественные исследования. По этой причине исследовательский дизайн для этой статьи предполагал (1) использование методов цифровой этнографии (анализ форумов и чатов, специализированных порталов работодателей и соискателей, закрытых и открытых групп в социальных медиа) и (2) проведение серии глубинных лейтмотивных интервью непосредственно в Китае, Корее и в дальневосточных населённых пунктах.

Методология цифровой этнографии в настоящее время активно развивается. Это, однако, означает, что исследователи не пришли к согласию по поводу того, что она собой представляет. В самом общем виде можно утверждать, что цифровой этнограф работает в поле, но не в обычном, а в цифровом, участвует в чатах или форумах либо просто читает их, анализирует аккаунты, сторис в Instagram⁵ или моменты в WeChat. Исследователь может для этого использовать разные методы — от количественного или качественного анализа контента до насыщенного описания. Он также может проводить любые глубинные интервью, используя при этом Skype или Zoom, либо переписываться в мессенджерах [Pink et al. 2015].

Общеизвестно, что Китай и Корея принципиально по-разному подходят к государственному регулированию своего цифрового пространства: в Китае запрещены европейские социальные медиа. Мы хотели понять, как это сказывается (если вообще сказывается) на адаптации российских граждан. Быстро подтвердилась гипотеза о том, что в Корее в большинстве случаев прекарные занятые россияне использовали столь же разнообразные социальные медиа, как и дома (VK, Viber, WhatsApp, FB⁶, Instagram). Работавшие в Китае, напротив, были вынуждены перейти на одну доминирующую платформу, а именно на WeChat. Нередко этот вынужденный переход происходил ещё дома, во время подготовки к поездке. Те объявления о работе в Китае, которые можно найти в других социальных медиа, как правило, дублируют объявления, опубликованные в WeChat. Часть посредников используют как преимущество своё знание языка и наличие аккаунтов и контактов (включённости в группы) в WeChat, и мы это подробнее обсудим ниже.

⁵ Роскомнадзор внёс Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) в реестр запрещённых сайтов; социальная сеть прекратила работу на территории РФ с полуночи 14 марта 2022 г. *Источник:* https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru — *Примеч. ред.*

⁶ Роскомнадзор принял решение о блокировке доступа к Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещённой в России) на территории Российской Федерации 4 марта 2022 г. *Источник:* <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm> — *Примеч. ред.*

Сделав вывод о различиях в использовании социальных медиа в двух изучаемых странах, мы задумались об их корректном маркировании. Термин «полимедиа» мы заимствовали у Мирка Мадьяноу и Дэниэлла Миллера, которые так обозначают ситуацию доступности и возможности использования разных социальных медиа, в которой каждая из них имеет свою нишу и сочетается с остальными в зависимости от контекстов [Madianou, Miller 2011]. Хотя антонимом к «полимедиа» должен был бы выступить термин «мономедиа», но, на наш взгляд, он не отражал бы той структурирующей повседневности силы, которую имеет в Китае WeChat, поэтому для называния одного используемого медиа мы используем термин «доминирующая платформа». «Доминирование» на начальном этапе нашего анализа означало только доминирование на рынке, среди других социальных медиа, но, как выяснилось позднее, и это, мы полагаем, является важнейшим нашим результатом «доминирование» имеет в данном случае и иное значение, о чём пойдёт речь позднее.

Изначально мы планировали, что цифровая этнография станет методологией только поискового этапа. Мы предполагали, что используем обычные интервью после того, как соберём создаваемые в цифровом пространстве артефакты (тексты объявлений о поиске работы или вакансиях) и на их основании подготовим гайды и выборку для проведения нецифровых интервью. Мировая пандемия сделала невозможными запланированные экспедиции в Корею и Китай и поставила нас перед необходимостью использовать преимущественно цифровые данные. В отличие от интервью с занятыми в Корее, часть которых собирались в 2018–2019 гг., а часть — в условиях пандемии, китайские данные полностью собирались в пандемические 2020–2021 гг., поэтому эти интервью были получены через социальные медиа. Сравнивая качество корейских и китайских интервью, мы можем утверждать, что контакт, опосредованный Skype или WeChat, несколько не ухудшил доверие респондента, а в некоторых случаях сделал интервью даже более свободными. Поиск респондентов через открытые источники (те же группы VK или WhatsApp), на которые мы возлагали большие надежды, почти не дал результатов. Быстро выяснилось, что большинство precarious занятых в той или иной степени испытывают сложности с соблюдением норм миграционного регулирования. В 2019 г. искать респондентов было намного проще и работали в том числе открытые источники; в 2020 г. работали в основном личные контакты; в 2021 г. на precarious рынках остались единицы. Неурегулированность их миграционного статуса ежегодно ухудшалась и стала в 2021 г. уже настолько критичной и очевидной, что люди отказывались от участия в интервьюировании. Таким образом, самая успешная стратегия поиска респондентов — это использование личных связей, то есть наших коллег, студентов, их контактов и контактов наших детей; метод отбора — снежный ком. Мы искренне признательны всем, кто нам помогал и соглашался дать интервью.

Наша китайская выборка (23 интервью) — это люди в возрасте 20–32 лет; корейская выборка (31 интервью) — это люди в возрасте 19–45 лет. Качественные методы не снимают вопроса о валидности. Но для валидации выборки нет никаких официальных данных о том, кто уезжает на работу в Китай или Корею. По этой причине мы использовали объявления о вакансиях и поиске работы, размещённые в социальных сетях, имея в виду, что вакансии хорошо отражают структуру precarious сегментов рынка. Так, например, если посредники, публикующие объявления о работе в Корее, указывают требуемый возраст до 45 лет (а как правило, ниже), то в выборку также не должны попасть люди более старших возрастов. Если нам не встретилась ни одна вакансия врача для работы в Китае, то в нашей выборке их также не могло оказаться. Мы хотим подчеркнуть: это не означает, что ни один российский врач не работает в Китае, но можно обоснованно предполагать, что врачи не ищут работу через социальные медиа, равно как и компании не ищут врачей через социальные медиа. Более того, не менее обоснованным будет предположение о том, что социальные медиа являются значимой частью миграционной инфраструктуры именно для precarious занятых (особенно в Китае, как мы покажем далее). А россияне, работающие по формальным контрактам в Корее или Китае, встраиваются в иную конфигурацию миграционной инфраструктуры. Например, большее значение для защищённых контрактами работников должны, видимо, иметь официальные (государственные) посредники.

Анализ объявлений о поиске работы или вакансий в социальных медиа потребовал от нас ещё одного методического шага. Мы обнаружили более 10 тыс. различных объявлений; но периоды их опубликования не совпадали для разных социальных медиа. Это связано с тем, что, попадая в Telegram-канал, каждый получает доступ ко всем объявлениям, сделанным ранее, а попадая в мессенджер WhatsApp — доступ только к объявлениям, опубликованным после входа. Выгруженные объявления могли включать сведения о месте, типе работы, размере заработной платы, требования к возрасту и физической форме, о поле, необходимой плате за вакансию (комиссия посредника), графике работы, условиях питания, проживания, периодичности выплаты заработной платы, о нужной визе, опыте работы, уровне знания языка. Все объявления сделаны на так называемом естественном языке, то есть содержат сокращения, ошибки, повторы и т. п. Более того, источники объявлений, судя по номерам телефонов, используемым именам или ID-номерам, пересекаются; сами объявления повторяются (но не обязательно дословно), копируются из одних социальных медиа в другие (особенно часто копируют из WeChat). Такое качество (переплетение медиа, естественность языка), а также количество выгруженных данных не позволяет применить простой количественный контент-анализ.

Мы применили разные стратегии анализа для русско- и китайскоязычных объявлений. Выгруженные из WeChat объявления (315 штук) были переведены на русский язык и подвергнуты простейшему контент-анализу для извлечения из них списка существующих вакансий⁷. Затем мы проверили, насколько совпадает этот спектр с теми вакансиями в Китае, что публикуются в сетях VK и Telegram. Для этого, а также для анализа вакансий в Корее был разработан и использован алгоритм интеллектуального анализа текстовых данных (natural language processing — NLP)⁸. На данный момент алгоритм реализован частично: выявлен спектр имеющихся в Китае и Корее вакансий, но не получены надёжные выводы о секторальной, географической, гендерной, возрастной структуре прекарных рынков труда. Для данной статьи скромность полученных результатов не является помехой, но позволяет обосновать валидность качественной выборки.

Итак, судя по структуре объявлений о вакансиях и поиске работы, российские прекарные занятые в Китае трудоустроены на позициях танцоров, певцов, диджеев, моделей, гимнастов, инструкторов по фитнесу и йоге, хореографов, тренеров, барменов, официантов, учителей английского языка, хостесов (данные позиции могут скрывать большой спектр занятости вплоть до проституции). Рекламируемые в социальных медиа позиции по Корее включают людей, занятых как хостесы, бармены и официанты, работники отелей (чаще всего как горничные), рабочие на сборочном производстве, в строительстве, сельском хозяйстве, а также разнорабочих.

Различия адаптации прекарных занятых россиян в Китае и Корее

В данном разделе приведены типичные случаи адаптации российских прекарных занятых — по два для Китая и Кореи. При выборе этих случаев мы исходили, конечно, не из структуры рынков труда, но из повторяющихся поведенческих паттернов наших информантов (того, как принимали решение, как происходили поиск работы, перемещение, адаптация на новом месте, смена работы, как решались проблемы, связанные с прекарностью, уязвимостью).

Обеспечение прекарной занятости в Китае

Любопытным открытием, к которому мы пришли, анализируя спектр вакансий, стала востребованность учителей. Мы говорим «востребованность», имея в виду, что такие объявления появляются

⁷ Благодарим Юлию Корешкову за выполненную работу.

⁸ Благодарим Дениса Крылова за выполненную работу.

регулярно. Как стало понятно из анализа интервью с учителями, причина спроса на русских — их европейская внешность, а не какие-то особые компетенции. Школы английского языка, на которые существует спрос в Китае, выдают русских учителей за носителей языка (чаще за «экзотических» канадцев и австралийцев с «не вполне обычным акцентом», чем за «правильных»⁹ британцев и американцев). Важным аргументом в пользу прекарности их позиций является то, что учителя-россияне, как правило, не просто не являются носителями английского языка, но и не имеют специального педагогического образования. Это могут быть выпускники факультетов международных отношений либо люди, учившие язык с репетиторами, имевшие опыт проживания за рубежом (например, по программам Work-and-Travel). В этом смысле данная занятость в отсутствие профессионального диплома мало чем отличается от занятости русских танцоров, тренеров американского футбола: «экзотическая» для местного рынка внешность заменяет документ о профессиональной подготовке. Как мы покажем далее, даже если у этих сотрудников есть контракты, все они трудоустроены временно, весьма уязвимы и часто имеют проблемы с миграционными документами.

Итак, наш *случай первый* — «канадская» учительница российского происхождения Вера. Ей 22 года, родилась в небольшом городе, получила высшее образование во Владивостоке, была на стажировке в Канаде, работала учительницей английского языка в Шанхае, выехала из Китая в Россию с началом пандемии и не может вернуться обратно.

Вера увидела на сети Facebook, что её сокурсница преподаёт английский язык в Шанхае. В родном городе Вера работу найти не могла («С учётом съёма жилья, одежды и еды я могла бы работать только в минус, то есть без помощи мамы не покрывала бы свои расходы»), решила ехать в Китай.

В поисках работы обратилась в китайское официальное агентство, которое нашла через группу в WeChat, где размещаются объявления для носителей языка (в неё за небольшое вознаграждение пригласила бывшая сокурсница). Прошла онлайн-собеседование, после чего компания выслала приглашение и якобы начала оформление рабочей визы (как выяснится позднее, на самом деле никто этим не занимался). Вера въехала в Китай по бизнес-визе в надежде получить рабочую визу от школы уже в процессе работы. При собеседовании ей сказали, что раз она была на стажировке в Канаде, то будет считать канадкой. Заработную плату предложили 17 тыс. юаней, что, как стало известно позднее, в три-четыре раза выше, чем у китайок на тех же позициях, но в два раза меньше, чем у реальных носителей языка (настоящий канадец, с которым позднее познакомилась Вера, получал 42 тыс. юаней).

В русское агентство по трудоустройству за рубежом Вера не обращалась, потому что «все русские агентства — это посредники от посредников от посредников» (такого мнения придерживаются все наши респонденты). Через русское туристическое агентство оформила так называемую бизнес-визу; оформляется она быстро и позволяет оставаться в Китае до шести месяцев, стоит в приграничных городах около 15 тыс. руб., а центральных городах её стоимость доходит до 25 тыс. руб. Турагентства имеют долгосрочные отношения с фирмами в Китае, которые выписывают бизнес-приглашения и предоставляют все документы, необходимые для китайского консульства или посольства. На руках у Веры остался только паспорт с бизнес-визой (то есть с визой, которая позволяет заниматься предпринимательской деятельностью — например, участвовать в переговорах, ярмарках, закупать образцы товара и т. п.). К такой визе должен прилагаться пакет документов (например, лицензии потенциальных партнёров, официальные приглашения на переговоры, другие мероприятия). Вера не знала даже, какая фирма её официально «пригласила». По бизнес-визе работать категорически запрещено, все об этом осведомлены, но это основной способ легализации не только для учителей, но и для танцоров, моделей, хостес, барменов.

⁹ Эпитеты, которыми сами респонденты описывали соответствующие позиции.

Достаточно простой и быстрый въезд в Китай обернулся столь же быстрыми проблемами. Через две недели Вера потеряла работу, официально — из-за «плохого произношения». Сразу же потребовали освободить предоставленную школой квартиру. Контракт, который был подписан ещё дома, оказался разорванным за минуту. Про рабочую визу никто не вспомнил.

Ещё дома Вера дополнительно (на всякий случай) написала посредникам (обычно используется термин *agent*), контакты которых дали знакомые. Один из посредников, которому Вера писала ещё из дома, сразу после разрыва контракта написал: «Ищешь работу?» — и в этот же день предоставил три новых рабочих контакта. Следующие два дня Вера ходила на собеседования, в двух школах ей предложили работу. Посредник за услуги потребовал 40% зарплаты и, как оказалось, ещё и удерживал (оставлял себе) деньги, выплачиваемые при полной занятости за праздничные и выходные дни. Впоследствии Вера несколько раз меняла посредников, находила их через группы в WeChat. Несмотря на небольшой обман, ей, в принципе, повезло: она сразу попала на «белого» посредника. Есть группы в WeChat, где российские и другие иностранные мигранты обсуждают «белых» и «черных» агентов; эти последние обманывают чаще, больше удерживают с зарплаты¹⁰, могут даже сдать полиции.

Вера начала работать, но денег едва хватало только на оплату съёмного жилья и еду. Про рабочую визу пришлось забыть... Для её получения была необходима легализация дипломов, нужно оформить справку о несудимости, перевести документы на китайский и официально их заверить, сделать медицинскую страховку. На это не было денег. Не только мигрант может быть недокументированным, но и места работы. Первая школа, в которой работала Вера, не имела лицензии, чтобы нанимать иностранных работников. Из этой школы Вера решила уволиться через два месяца, предупредила заранее, но не получила заработную плату за второй месяц. Обращаться в полицию не имело смысла: неурегулированность статуса делала смысл договора ничтожным. При обнаружении недокументированного мигранта полиция в лучшем случае выписывает штраф (около 10 тыс. юаней). При обнаружении во второй раз депортирует и запрещает возвращаться в течение пяти лет. В некоторых случаях работающих незаконно арестовывают.

Первые шесть месяцев Вера работала в двух школах, в тренинговом центре, детском садике. Несколько раз работала моделью и снималась в массовке в кино. Мигранты не задерживаются на одном месте работы ещё и потому, что им приходится скрываться, прятаться от полиции и людей, которые могут на них донести. Вера старалась менять внешность, надевая кепки, капюшоны, перекрашивая волосы, чтобы работающие вокруг люди не замечали, что один и тот же человек регулярно ходит в одну и ту же школу. Тех, кто уже попал под подозрение, контролируют жёстче. Например, у девушки, с которой Вера снимала квартиру, полиция требовала скидывать местоположение в WeChat в реальном времени: рядом со школой находится IKEA, девушке пришлось остановить урок и бежать делать чекин в реальном времени. Ни Вера, ни её подруга не ходили по улицам с детьми — полиция сразу понимает, что идёт учитель. Подруга пряталась на кухне в шкафу, в кладовке в школе, прыгала через живую изгородь, когда видела полицейских около дома.

Через шесть месяцев Вера выехала в Россию для повторного оформления бизнес-визы. На этот раз она не обращалась в турагентство, а оформляла бизнес-визу по приглашению, выданному директором школы. Приглашение было выдано не на преподавание, а на работу менеджером, и не в школе, а в другой фирме директора школы. Этот же директор предложил работать напрямую, без посредников, что увеличило доход в два раза.

¹⁰ Обман возможен, потому что, как правило, заработная плата не поступает напрямую работнику, а зачисляется на счет посредника.

WeChat сопровождал Веру во всех её повседневных заботах: помимо группы поиска работы для англоговорящих, она состоит в группах по поиску временной работы или подработки для русскоговорящих; в группах по поиску агентов; группах, где можно узнать об агентах; группах, где предлагаются услуги по аренде квартир или маникюру; группы по земляческому принципу (из того же региона, откуда сама Вера). Каждая школьная группа, где Вера преподавала, тоже имеет свою группу в WeChat. Ученики скидывают туда домашнее задание, а учитель может его тут же проверять и комментировать. Расписание уроков тоже выкладывается в WeChat. Земляческие группы очень полезны: помощь с переездом, поиск квартиры, работы, обмен валюты, доступ к WeChat-кошельку — у самого мигранта, как правило, нет китайской карты, её можно получить только по рабочей визе. Несмотря на такое значение WeChat, каждый мигрант вынужден регулярно убирать приложение и устанавливать его заново. Регулярность различается: сама Вера удаляла приложение только перед пересечением границы: пограничный контроль имеет право проверить телефон въезжающего, его контакты и группы в WeChat. При обнаружении школьных групп, посредников, групп по поиску работы могут запретить въезд. Подруга Веры, попав под подозрение полиции, была вынуждена удалять и устанавливать WeChat каждый день, так как боялась проверки на улице.

WeChat служил способом адаптации в том смысле, что Вера поддерживала с его помощью социальные связи с другими русскими, живущими в самом Китае. Но как средство поддержания социальных связей с родиной WeChat был существенно менее полезен (далеко не у всех он установлен), а использование других социальных медиа, как известно, в Китае сильно затруднено.

Случай второй — русская «экзотическая» танцовщица по имени Дина. Ей 23 года, она из Благовещенска; танцами и английским языком занималась с детства, в Китае начала учить китайский язык. Сфера занятости — клубные танцы, *go-go* (танцы, предназначенные для развлечения посетителей дискотек и других развлекательных мероприятий), *modelling* (сфера деятельности, в которой внешность модели используется для продвижения товаров и услуг). Последнее время работает в Пекине, но сменила за время пребывания в Китае несколько городов; осталась в Китае во время пандемии.

Впервые Дина поехала в Китай в 2014 г., ещё школьницей, со своей танцевальной студией, на гастроли в Гуанчжоу на три летних месяца. Организаторы гастролей оплатили питание, проживание и развлечения, а также выдавали детям небольшое вознаграждение «на карманные расходы». Большой китайский город начал манить юную Дину. Через пару лет из Китая вернулась старшая двоюродная сестра, которая также танцевала. Дина попросила контакты посредников и через одного из них поехала по бизнес-визе на четыре месяца танцевать в Харбине. Этот опыт оказался гораздо менее приятным. Не понравился город, и хотя гонорары были выше первых «карманных денег», они оставались скромными по сравнению с тем, что зарабатывала сестра, и тем более с тем, что Дина получает сейчас. Но основное беспокойство вызывало отсутствие рабочей визы, которая даже гипотетически не могла быть получена, поскольку Дине тогда ещё не исполнилось 18 лет.

Через год Дине исполнилось 18, она отказалась от услуг посредника, оформила трудовую визу и начала сама искать работу. Помимо основной работы в ночном клубе, Дина подрабатывала моделью, актрисой в рекламных роликах и в начале даже как хостес («*Есть контакт <...> с ним связываешься. Отправляешь ему свой profile (набор данных, включающих физические параметры, фотографии, места предыдущей работы, перечисление стилей танцев, которыми владеет претендент, ссылки на конкретные номера), договариваешься по цене*»). Соглашаясь отпустить свою актрису, «босс» часто требовал часть гонорара (в некоторых случаях из 10 тыс. юаней восемь уходило «боссу»). По этой причине со временем Дина решила отказаться от контракта, полностью перейдя на фриланс (*freelance*). Когда Дина перешла на фриланс, пришлось платить за документы для подачи на визу намного больше. Сейчас она состоит в неформальном браке; заботу о документах взял на себя её муж.

Посредников, основную работу и подработку Дина подыскивала и подыскивает в WeChat («Он добавит тебя во все группы, и ты офигеешь от того, сколько, оказывается, есть работы, а ты этого не знаешь»). Умение добавлять себя в группы — одно из самых полезных умений актёра на фрилансе («На любой подработке, при любом контакте в клубе, в киностудии надо пытаться это сделать. Есть группы, куда закрыт доступ, так как превышен лимит, но куда все хотят попасть. Как только место освобождается, вас могут туда добавить»). Дина думает, что при необходимости вернуться в Россию эти контакты могут быть капитализированы: имея сейчас не менее 150 тематических групп «артистов», Дина может стать посредником, который будет отправлять девушек на работу. Впрочем, вернуться Дина совсем не стремится.

Обеспечение прекарной занятости в Корее

Случай третий — студентка-хостес Амалия. Ей 19 лет, учится в университете во Владивостоке, родилась в Ростове-на-Дону, работает консультантом в табачном магазине. Об опыте её работы в качестве хостеса мы узнали из аккаунта в Instagram: Амалия активно размещала фото своей поездки в Ансан и регулярно публиковала сторис.

У Амалии умерла мать, ещё когда девочка была школьницей; воспитывал её отец — работник торгового порта во Владивостоке. Он настоял на том, чтобы Амалия пошла учиться в университет, но доступным оказалось только платное обучение. Когда Амалия училась на втором курсе, отец получил травму; для семьи настали сложные времена. Работать отец долгое время не мог, родственников рядом не было. Помимо платы за обучение, необходимо было также выплачивать кредит на автомобиль. Амалия нашла работу официантки в баре, отчего обучение в университете пошло гораздо хуже.

О работе хостеса Амалия, конечно, слышала и раньше. Необходимость оплачивать следующий год обучения в вузе подтолкнул её к поиску подходящих вариантов. Работать хостесом в Корее можно в клубах, караоке-барах, стриптиз-клубах и т. п. Самый популярный и рекламируемый посредниками вариант — караоке-бары, которые в этой сфере можно разделить на несколько классов в зависимости от степени дозволенного взаимодействия хостеса с клиентами. Работа хостеса формально не предполагает оказания секс-услуг клиентам караоке-баров, однако один из типов баров («тип D»), по сути, является публичным домом, где клиенты напрямую платят именно за оказание секс-услуг. На предварительном этапе девушки оговаривают с посредниками условия, оперируя понятием «тач» (*touch*), что означает (не)разрешение клиентам прикасаться к хостесу. Бары типа А придерживаются самых строгих правил, там девушки не оказывают интимных услуг. Более остальных, со слов наших информантов, распространены караоке-бары типа С, где девушки получают оплату «коктейлями» — около 20% от того, что закажет клиент в клубе. Тип В предполагает оплату услуг без участия самого бара, но девушки вправе отказать. Довольно часто в объявлениях о работе хостесом, в том числе в группах в мессенджерах, встречается типовая фраза «тач минимальный», однако, по словам наших информантов, «девушки-недотроги» довольно быстро отправляются домой и испытывают давление управляющего бара, нередко психологическое и даже физическое насилие из-за потерянных клиентов.

Амалия начала поиск подходящих вариантов на различных открытых площадках в сети. Нашла группу в сети VK с объявлениями о работе в Корее. Для связи с посредником нужно поставить плюс в комментариях с объявлением о вакансии. После того, как Амалия выбрала подходящий вариант и поставила плюс, с ней связался мужчина и попросил ссылку на аккаунт в Telegram для безопасной переписки. Амалия проверила его страницу в сети VK, не увидела никаких фото, никаких записей и всего восемь друзей. Это её насторожило, но она списала всё на характер взаимодействия («Меня это смутило, но я понимаю, что это всё нелегально, я оправдала это для себя так»). В Telegram посредник подробно объяснил, в чём суть работы хостеса, какие он предлагает условия: «никакого тача», то есть прикосно-

вений, оплаченный перелёт, работа в «крутом» клубе. После этого попросил предоплату 3000 рублей на QIWI-кошелёк, на что Амалия легко согласилась («Эндорфин¹¹ пошёл от озвучки суммы, которую я могу получить»). Как только деньги ушли, посредник заблокировал все чаты.

Спустя некоторое время Амалия снова начала искать вакансию и тоже на открытых площадках, но теперь старалась смотреть на «проверенные» варианты — агентства, более известные онлайн-группы. Однако поехала она от агентства, которое было первым в поиске, поскольку только оно предложило оплатить комиссию уже после начала работы. Амалия написала на электронную почту; в ответ на письмо пришла анкета с просьбой указать вес, рост, возраст и прикрепить фото. В анкете можно было указать предпочтительный город, оставить какие-то пожелания по жилью и проч. В агентстве заключили договор, перед которым было короткое собеседование и простой тест на знание английского языка. По внешним параметрам Амалию тоже оценили: в приоритете были светлокожие голубоглазые стройные блондинки с ростом выше 170 см. К договору прилагалась подробная инструкция о прохождении контроля на границе («Ну, одеться поскромнее, значок с корейскими мальчиками прилепить на кофту»). Кроме договора об оплате взноса (с суммы контракта удерживалось 6000 рублей за первый месяц), в агентстве также выдали расписку о получении оплаченных билетов (официально агентство является туристической фирмой). Сказав отцу, что поехала на работу в Ливадию, Амалия полетела в Ансан. Сообщила об этом только близкой подруге, которая попросила «регулярно ей писать где-нибудь» о том, что происходит, и все ли в порядке.

Амалию встретила «русская девочка», администратор клуба. Агент также связался с Амалией сразу по прибытии, чтобы узнать, все ли в порядке, и пожелать удачи в работе. Амалия работала в клубе «закрытого типа», без оказания интимных услуг клиентам, жила в хостеле. Формально она в клубе была в статусе туриста, никакого контракта с клубом подписано не было, работала по 14 часов. Через два месяца работы должна была получить 160 тыс. рублей, 40 из которых — от «коктейлей». Однако менеджер клуба за два дня до отъезда предъявил счёт на 60 тыс. за хостел и 30 тыс. за питание, хотя эти условия не были оговорены. Амалия обратилась к администратору клуба и написала в агентство, в результате все разрешилось в её пользу: менеджера уволили, Амалия получила полный расчёт и благополучно вернулась домой.

Случай четвёртый — Николай из Улан-Удэ, посредник. Он родился в Узбекистане, инвалид второй группы по зрению. Его мать — кореянка. Впервые приехал в Корею в 2005 г. по пятилетней визе для «этнических корейцев», о которой услышал от случайного знакомого в поезде, по дороге во Владивосток. Женат, имеет детей, недавно открыл небольшое кафе корейской кухни в Улан-Удэ. Основной заработок ему приносит работа посредником по трудоустройству мигрантов в Корею; Николай — один из самых известных в этих кругах бурятский посредник.

Николай окончил юридический факультет, но по специальности проработал всего два года, а потом его попросили уйти. Поехал в Корею, имея много долгов и большие кредиты, со 125 дол. в кармане, 100 из которых отдал девушке-землячке из Бурятии. Её телефон он раздобыл с трудом у знакомых, а больше не знал о ней ничего. Она пообещала его встретить и помочь обустроиться, но по поводу работы не обещала ничего. Николай прожил у девушки два дня, она его познакомила с подругой, которая была замужем за корейцем. Эта пара и помогла найти первую работу на заводе по производству соломенных щитов для стрельбы из лука. Там он проработал около девяти месяцев за зарплату 900 дол.; все, что мог, отправлял домой. Пока работал на заводе, добыл несколько номеров земляков, мигрантов из Бурятии. Через месяц, когда немного привык, начал учить корейский язык («Тогда не было Интернета, не было таких возможностей, как сейчас. Я вот купил себе амбарную тетрадь, купил ручку и написал большими буквами на первой странице: “Я выучу корейский язык”»).

¹¹ Ощущение счастья, восторг.

Через девять месяцев у Николая украли заработную плату за месяц, он оказался на улице. Попросив телефон для звонка у кореянки, Николай позвонил землячке в Корею, и та отправила деньги — на карту той самой случайной кореянки, которая разрешила позвонить со своего мобильного. Землячка также помогла найти «арбайт» (неформальная биржа для мигрантов, где практикуется краткосрочный наём на разные виды работ). Так Николай познакомился с разными видами работ и «прошёл весь путь», что сейчас очень помогает ему как посреднику: он знает, как всё устроено, знает, на что отправляет людей, на какие работы (*«Понял, что лучше на заводах потеть, чем на полях потеть»*).

В своей работе Николай использует несколько популярных мессенджеров — Viber, WhatsApp, Telegram. Сейчас у Николая 80 групп на разных платформах; суммарно в них около 40 тыс. участников (при этом один и тот же человек может быть членом всех 80 групп одновременно). Первые группы мигрантов для общения появились в Viber. Николай вступил в такие группы, которых было совсем немного в начале его работы, чтобы помогать людям в Корею. Он хорошо и грамотно отвечал на вопросы примерно месяц, администраторы групп помалкивали в основном. Вопросы были самые разные — о жизни в Корею, где переночевать, где купить лекарства, где поесть родной еды, сколько стоит такси... Через месяц администратор группы предложил Николаю тоже стать администратором, поскольку хотел передать эту функцию хорошему человеку, а не мошеннику. Николай согласился, и первым делом решил устроить встречу земляков в Пусане. Такие встречи он назвал «Пусанские игры». Сейчас это мероприятие проводит друг Николая. Люди стали просить помочь в разных вопросах, в том числе к Николаю обращались «саджаны» (работодатели) в поисках хороших работников.

Тот, кто ищет работу, звонит Николаю по Viber, например, и оставляет свой номер телефона. Николай сам звонит работодателям, поскольку знает их склонность игнорировать входящие анонимные звонки (*«Корейцы предпочитают вообще только со знакомыми корейскими номерами говорить»*). Так Николай бесплатно устроил на работу за два месяца около 100 человек и решил брать за это деньги, потому что такая помощь начала отнимать много времени. Помимо посредничества, он в это время работал на хорошем заводе в Тегу по 12 часов в сутки. Из-за разговоров по телефону в рабочее время его трижды чуть не уволили. Решив зарабатывать на посредничестве, Николай стал искать старые контакты «саджанов», у которых работал, создавать новые группы.

Как-то у Николая отобрали одну хорошо раскрученную группу в Viber. Группу создала женщина, но не очень активно ею занималась и передала права администратора двум мужчинам, в том числе и Николаю. Но заметив, что группа стала популярной, она удалила их из группы (*«Я очень, очень помню тот день <...> Удар в спину был вообще»*). В группе на тот момент было максимально возможное число участников — 200 человек; только опция «суперадминистратор» даёт возможность добавлять большее число участников в публичную группу.

Популярность таких групп среди мигрантов в поиске работы очень высока. Люди стараются их не покидать, пока работают в Корею, поскольку в любой момент можно остаться без работы (увольнение, конец сезона, ухудшение условий или личный конфликт). У Николая есть список заводов, с которыми он работает уже три-четыре года. На них постоянно нужны люди. Николай старается для таких «саджанов» искать работников на более длительный срок. Он постоянно мониторит ситуацию (*«Надо знать, где какая работа начинается, где какая работа заканчивается, когда открывается один сезон и заканчивается другой...»*) и ищет подходящих людей для разных работ. С работодателями отношения выстраиваются индивидуально: с кем-то надо встречаться (*«Для некоторых принципиально увидеть тебя в лицо»*), кто-то, наоборот, просит о встрече только через видеочат. Будущим работникам Николай никогда не даёт гарантий. Ничего нельзя обещать, даже если имеешь дело с давно проверенным работодателем.

База работодателей складывалась постепенно, часто сами «саджаны» присылали номера телефонов других работодателей. Так, за лето 2019 г. у Николая появились 17 новых работодателей, имеющих вакансии на сборе арбузов (один из самых тяжёлых, но хорошо оплачиваемых видов работ). «Саджан» за поиск людей платит комиссию посреднику, плату же с самих работников Николай тоже берёт, но не делает её обязательным условием своего посредничества. Большинство ему не платят за вакансии. Это не типично, посредник в основном получают деньги от работников по разным схемам, чаще — в качестве комиссии от зарплаты.

Отличия миграционных инфраструктур: влияние доступности социальных медиа

Анализируя этнографические данные, мы были поначалу удивлены, что WeChat оказался таким важным ресурсом для мигрантов, занятых на прекарном рынке труда в Китае. Для мигрантов, занятых в Корее, любой дигитальный актант (VK, WhatsApp, или Viber) — это, скорее, инструмент, подчинённый интересам и задачам мигранта и не сильно отличающийся от, скажем, велосипеда. Но для мигранта в Китае WeChat — важная часть социального мира, в который не просто попасть и где нелегко адаптироваться. Более того, WeChat не всегда безопасно использовать, однако без этой единственной платформы повседневная жизнь становится клубком бесконечных проблем: нельзя получить или перевести деньги, найти работу, найти жильё. Далее, используя аналитическую схему, изложенную выше, в разделе о методологии исследования, мы постараемся объяснить, как WeChat становится актантом, формирующим социальные взаимодействия, доминирующим не столько над другими подобными медиа, а над человеческими существами (в нашем случае — мигрантами).

Миграционная инфраструктура для каждого прекарного актанта может быть описана в терминах социального — евклидового, сетевого и потокового — пространства. Так, например, перемещение физического тела мигранта из, скажем, российского Благовещенска в китайский Пекин или из Шэньяна во Владивосток — это перемещение в евклидовом пространстве. Оно возможно потому, что самолёт совершает перелёт из географической точки А в точку В, трудовой мигрант имеет на руках пакет документов (как минимум — заграничный паспорт; в случае Китая — визу, иногда — договор на работу или проживание, порой не вполне легитимный).

Физическое перемещение становится возможным не само по себе, а потому что «работают» сети. Во всех четырёх описанных нами случаях наши прекарные занятые изучали объявления, публикуемые в социальных медиа, обращались к посредникам или использовали свои социальные контакты. Мигрант перемещался не только благодаря самолёту, но и благодаря работе пространства сетей; благодаря тому, что он связался с нужными людьми, они помогли оформить документы, найти работу, перевести деньги, потому что посредники, работающие через WeChat или WhatsApp, своевременно доставили нужную информацию и т. п. Если какой-то участник пространства сети вдруг выбывает (скажем, посредника вдруг депортируют из страны), мигрант не может совершить свою поездку, хотя и самолёт, и документы остаются подключёнными к сети.

Наконец, миграционная инфраструктура перемещающегося лица, занятого на прекарном рынке труда, может быть описана в терминах пространства потока. Так, учительница не оказалась выброшенной с рынка труда, оставалась включённой в него лишь потому, что её сеть собиралась, распадалась и снова собиралась. Нередко пересборка сети происходила без непосредственного участия прекарной занятой, которая так и не поняла, как именно агент узнала о том, что она осталась без работы. Мы полагаем, что эта информация стала известна благодаря «работе» WeChat. И это было возможным именно и, видимо, даже только потому, что миграционная инфраструктура была текучей: части прошлой сети учительницы пересобирались в новой конфигурации благодаря WeChat, ни один другой актант не был так важен, как эта цифровая платформа — «насос» работал потому, что подключался WeChat. Сети

российских мигрантов, занятых на прекарных рынках в Китае, намного более нестабильны, чем сети в Корее. Актанты в Китае (агенты, «боссы», посредники, документы и проч.) постоянно выпадают, перестают работать, выключаются, и именно WeChat позволяет их переподключить. Без WeChat мобильность россиянина, занятого на прекарном рынке в Китае, замрёт, остановится, а сам он может при этом оказаться на одной или другой стороне границы. На корейском прекарном рынке ссора с посредником, который выстроил сети, используя WhatsApp и VK, будет означать, что мигрант сможет уйти в другую сеть, созданную на этих или других платформах. Впрочем, потеря «своего» посредника окажется гораздо болезненнее, чем потеря посредника в Китае.

Хотя миграционная инфраструктура обоих прекарных рынков может быть описана во всех трех типах пространств, для корейского рынка лучше «работает» сетевое описание, а для китайского — потоковое. Миграционная инфраструктура корейского прекарного рынка труда состоит из всех пяти составных частей [Xiang, Lindquist 2014], то есть коммерческой, регуляторной, технологической, гуманитарной и социальной (см. подробнее выше, в разделе о миграционной инфраструктуре), но сети и посредники имеют, видимо, наибольшее значение. Посредники используют, «подключают» одну или другую платформу, создают документы, коммуницируют с регулятором и т. п. Миграционная инфраструктура прекарного рынка в Китае также состоит из всех пяти частей, но роль технологий (конкретно WeChat) существенно выше. Мигрант может сгрузить WeChat с телефона перед пересечением границы или переустанавливать каждый день, если возникает опасность быть депортированным (отправленным по инфраструктуре обратно). Именно благодаря текучести WeChat российский мигрант может осуществлять свои перемещения к прекарному рынку труда и находить на нём своё временное место. Но WeChat помогает не только прекарному занятому, но и регулятору (государству), позволяя отслеживать следы, управлять, выдвигать, делать жизнь уязвимого прекарного занятого ещё более уязвимой.

Таким образом, в условиях, где существует ситуация полимедиа (а это, конечно, корейский случай), посредники и социальные сети продолжают доминировать в миграционной инфраструктуре прекарных рынков. В условиях доминирующей платформы она сама начинает играть роль миграционной инфраструктуры, что сильно облегчает регулятору (государству) выполнение его функций. Иначе говоря, в ситуации полимедиа мигранты и посредники подключаются к социальным медиа, чтобы влиять (хотя бы отчасти) на миграционную инфраструктуру, а в условиях доминирующей платформы люди подключаются к ней как к миграционной инфраструктуре, чтобы она управляла ими.

Заключение

Как показало наше исследование, трудовые миграции россиян в Корею — это преимущественно низкоквалифицированный, малооплачиваемый труд при слабой (близкой к нулевой) защите трудовых прав. Любопытно при этом, что данный сегмент труда является, видимо, весьма устойчивым — многие наши информанты так и не вернулись домой за время пандемии и подтвердили, что аналогично поступили большинство их знакомых. Важно, что большая часть выехавших в Корею — это люди, проживавшие до отъезда в Восточной Сибири или на российском Дальнем Востоке, то есть в регионах, стойко ассоциируемых в российских медиа и политическом дискурсе с «дефицитом трудовых ресурсов»¹². Объясняя своё решение о выезде на работу за рубеж, респонденты указывали, что труд на низкоквалифицированной позиции без заключения официального договора в Корее оплачивается существенно лучше, чем имеющиеся альтернативы в России.

¹² См.: 4 вакансии в одну минуту. 2017. Ведомости. 6 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/09/04/732297-4-vakansii>; Программа трудовой мобильности. 2018. Минвостокразвития. 13 февраля. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/12777/>; Роскосмос: на Востоке сложился дефицит рабочих и материалов. 2022. EastRussia. 12 февраля. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/roskosmos-na-vostochnom-slozhilsya-defitsit-rabochikh-i-materialov/>

Структура занятости россиян в Китае намного более разнообразна и смещена в сторону индустрии развлечений и дополнительного образования для детей. В отличие от корейского сегмента, в китайском заняты преимущественно молодые люди, доход некоторых из них (моделей или диджеев) выше, чем даже в Корее (где всё же уровень жизни и средний размер оплаты труда выше). Оба сегмента объединяет прекарность. В отличие от корейского сегмента, информанты, работавшие в Китае, всё же вернулись в Россию из-за Covid-19 («Из-за боязни пандемии и отсутствия денег на лечение»; «Из-за опасения слишком большой просрочки визы, из-за чего можно даже в тюрьму попасть»), но главное — из-за закрытия индустрии развлечений и образовательных услуг).

Социальные медиа имели значение для адаптации прекарных занятых на рынках труда и в Корее, и в Китае. Однако в ситуации полимедиа люди используют социальные медиа, чтобы влиять (хотя бы отчасти) на миграционную инфраструктуру, а в условиях доминирующей платформы люди подключаются к социальным медиа, чтобы они управляли ими.

Представляется, что этот — основной — тезис нашей статьи является частным случаем другого вопроса, находящегося на острие исследовательской социальной повестки, а именно: что (интернет-) технологии делают с людьми? Макафи и Бриньолфсон уверены в неправильности такой постановки. В своей книге они пытаются доказать, что правильно спрашивать: «Что мы хотим сделать с помощью технологий?», при этом, показывают, что такая субъектность существует (появляется) далеко не у всех [Макафи, Бриньолфсон 2019]. Самыми уязвимыми оказываются низкоквалифицированные работники, против которых теперь работают технологии по всему миру.

Мы также показали, что благодаря развитию технологий традиционно самые уязвимые работники — мигранты на прекарных рынках — могут становиться ещё более уязвимыми, если государственное регулирование ведёт к доминированию одной социальной медиа.

Литература

- Алешковский И. А. 2014. Нелегальная миграция как феномен глобального мира. *Век глобализации : исследование современных глобальных процессов*. 2: 129–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-kak-fenomen-globalnogo-mira>
- Журавская Т. Н. 2016. Миграция из стран СНГ в Амурскую область в контексте синтетической теории. *Пространственная экономика*. 3: 105–132. URL: <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.105-132>
- Журавская Т. Н., Рыжова Н. 2021. Экономика качеств трансграничного рынка: шоп-туризм как перформативная практика. *Социологическое обозрение*. 20 (2): 200–223. URL: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-200-223>
- Зуенко И. 2014. Русскоязычная диаспора в Китае на современном этапе. В кн.: Ларин В. Л. (отв. ред.) *Россия и Китай: опыт и потенциал регионального приграничного взаимодействия*. Владивосток: Дальнаука; 188–197.
- Макафи Э., Бриньолфсон Э. 2019. *Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Рыжова Н. П. (отв. ред.) 2009. *Интеграция экономических мигрантов в регионах России*. Иркутск: Оттиск.

- Рязанцев С. et al. 2018. Современная эмиграция из России и формирование русскоязычных сообществ за рубежом. *Мировая экономика и международные отношения*. 62 (6): 93–107. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107>
- Тощенко Ж. Т. 2015. Прекариат — новый социальный класс. *Социологические исследования*. 6: 3–13.
- Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И. 2019. Прекарный труд в России: состояние и тенденции. *Экономическое возрождение России*. 2 (60): 93–103.
- Фетисова Е. Н. 2008. Женская трудовая миграция как фактор социального преобразования (опыт качественного исследования). *Экономическая социология*. 9 (1): 79–87. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26593816.html>
- Beduschi A. 2018. The Big Data of International Migration: Opportunities and Challenges for States under International Human Rights Law. *Georgetown Journal of International Law*. 49 (4): 990-1017.
- Castles S. 2016. Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. In: Amelina A., Horvath K., Meeu B. (eds) *An Anthology of Migration and Social Transformation: European Perspectives*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing (IMISCOE Research Series); 19–41.
- Chi G. et al. 2020. A General Approach to Detecting Migration Events in Digital Trace Data. *PLOS ONE*. 15 (10): e0239408. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239408>
- De Genova N. P. 2002. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology*. 31 (1): 419–47. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432>
- Diminescu D. 2008. The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto. *Social Science Information*. 47 (4): 565–79. URL: <https://doi.org/10.1177/0539018408096447>
- Doolin B., Lowe A. 2002. To Reveal Is to Critique: Actor-Network Theory and Critical Information Systems Research. *Journal of Information Technology*. 17 (2): 69–78. URL: <https://doi.org/10.1080/02683960210145986>
- Dubbert S., Ebert F. C. 2018. ILO Convention 81 Labour Inspection Convention, 1949 (No. 81). In: Ales E. et al. (eds) *International and European Labour Law: Article-by-Article Commentary*. Baden-Baden: Nomos; München: Beck; Oxford: Hart; 1073–1093. doi: 10.5771/9783845266190-1089.
- Hart K. 1985. The Informal Economy. *Cambridge Anthropology*. 10 (2): 54–58.
- Held D., Kaya A. 2007. *Global Inequality: Patterns and Explanations*. Cambridge, UK: Polity.
- Latour B. 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Clarendon Lectures in Management Studies. Oxford ; New York: Oxford University Press.
- Law J. 2002. Objects and Spaces. *Theory, Culture and Society*. 19 (5–6): 91–105. URL: <https://doi.org/10.1177%2F026327602761899165>
- Law J., Mol A. 2001. Situating Technoscience: An Inquiry into Spatialities. *Environment and Planning D: Society and Space*. 19 (5): 609–621. URL: <https://doi.org/10.1068/d243t>

- Lindquist J., Xiang B., Yeoh B. S. Y. 2012. Introduction: Opening the Black Box of Migration: Brokers, the Organization of Transnational Mobility and the Changing Political Economy in Asia. *Pacific Affairs*. 85 (1): 7–19.
- Madianou M., Miller D. 2011. *Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia*. Abingdon; New York: Routledge.
- Martin Ph. 2015. Merchants of Labor: Agents of the Evolving Migration Infrastructure. Working Papers id:7877. *eSocialSciences*. URL: <https://ideas.repec.org/p/ess/wpaper/id7877.html>
- McDowell L., Batnitzky A., Dyer S. 2008. Internationalization and the Spaces of Temporary Labour: The Global Assembly of a Local Workforce. *British Journal of Industrial Relations*. 46 (4): 750–770. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2008.00686.x>.
- McLean C., Hassard J. 2004. Symmetrical Absence/Symmetrical Absurdity: Critical Notes on the Production of Actor-Network Accounts. *Journal of Management Studies*. 41 (3): 493–519. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2004.00442.x>
- Morawska E. 2017. *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity*. Abingdon; New York: Routledge.
- Nedelcu M., Soysüren I. 2020. Precarious Migrants, Migration Regimes and Digital Technologies: The Empowerment-Control Nexus. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1796263>
- Pink S. et al. 2015. *Digital Ethnography: Principles and Practice*. Los Angeles: SAGE Publications Ltd.
- Ryzhova N. 2018. Invisible Trade: Sovereign Decisions on the Sino–Russian Border. In: Horstmann A., Saxer M., Rippa A. (eds) *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. Abingdon; New York: Routledge; 334–344.
- Sassen S. 2013. *Deciphering the Global: Its Scales, Spaces and Subjects*. Abingdon; New York: Routledge.
- Scott S. 2017. Informalisation in Low-Wage Labour Markets: A Case Study of the UK Food Industry. *Population, Space and Place*. 23 (7): e2043. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2043>
- Sunderhaus S. 2007. Regularization Programs for Undocumented Migrants. *Migration Letters*. 4 (1): 65–76.
- Vargas-Silva C. 2012. *Handbook of Research Methods in Migration*. Cheltenham, UK ; Northampton, MA: Edward Elgar Pub.
- Visser M. A., Meléndez E. 2015. Working in the New Low-Wage Economy: Understanding Participation in Low-Wage Employment in the Recessionary Era. *WorkingUSA*. 18 (1): 7–29. URL: <https://doi.org/10.1163/17434580-01801003>.
- Xiang B. 2017. The Base: A Case of Infrastructural Governance of Labour Outmigration in China. *Mobilities*. 12: (2): 175–187. URL: <https://doi.org/10.1080/17450101.2017.1292775>
- Xiang B., Lindquist J. 2014. Migration Infrastructure. *International Migration Review*. 48 (1S): 122–148. URL: <https://doi.org/10.1111/imre.12141>

Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. 2017. Theorizing the “Local Turn” in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies. *International Review of Administrative Sciences*. 83 (2): 241–246. URL: <https://doi.org/10.1177/0020852316688426>

Zapata-Barrero R., Yalaz E. (eds) 2018. *Qualitative Research in European Migration Studies*. Cham, Switzerland: Springer Open (IMISCOE Research Series).

NEW TEXTS

Natalya Ryzhova, Tatiana Zhuravskaia

The Role of Social Media in the Adaptation of Russians Working in Precarious Labour Markets in Korea and China

RYZHOVA, Natalya — Doctor of Science (in Economics), Head of the Primorsky Laboratory of the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 153 Pacific str., 680042, Khabarovsk, Russian Federation.

Email: n.p.ryzhova@gmail.com

ZHURAVSKAIA, Tatiana — Candidate of Science (in Sociology), Senior Researcher at the Primorsky Laboratory of the Institute for Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 153 Pacific str., 680042, Khabarovsk, Russian Federation. Assistant Professor at the Far Eastern Federal University Campus. Address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russian Federation.

Email: wellshy@mail.ru

Abstract

How do migrants use social media to adapt to new social conditions, including those in the labour market? Does it matter which social media and how many of them are available for migrants? Answering these questions, we focus on particular social groups—Russian citizens engaged in precarious work in China and South Korea. These labour market segments have hardly been described in the academic literature, mainly because such migrant flows are not observable in the receiving or sending country. As a rule, these people do not have legal migration status (they do not have work permits, long-term residence permits, insurance, and other necessary documents). We aim to compare two situations—the Korean one, where different social media (WhatsApp, VK, Viber, and others) are available to migrants, and the Chinese one, where WeChat dominates, and hence, in so doing to understand what happens in the context of one dominant media. In addition to analyzing work requests and job vacancies published in social media (WeChat, VK, Telegram, WhatsApp), we use in-depth interviews with precarious workers (23 interviews obtained in China and 31 in Korea).

Keywords: labour migrants; precarious markets; social media; social adaptation at the labour market; migration infrastructure, social topology.

Acknowledgements

The study is supported by RFBR 19-010-00540 «Migration Policies, Infrastructure and Extra-Legal Migration Behavior on the Eastern Borders of Russia».

We would like to express our sincere gratitude for the support provided by our colleagues and students Y. O. Koreshkova, D. V. Krylov, R. A. Kuropatova, E. V. Morgun, and E. V. Ryzhova.

References

Aleshkovskiy I. A. (2014) Nelegal'naya migratsiya kak fenomen global'nogo mira [Illegal Migration as a Phenomenon of the Global World]. *The Age of Globalization = Vek globalizatsii*, vol. 2, pp. 129–136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-migratsiya-kak-fenomen-globalnogo-mira> (accessed 4 January 2022) (in Russian).

- Beduschi A. (2018) The Big Data of International Migration: Opportunities and Challenges for States under International Human Rights Law. *Georgetown Journal of International Law*. 49 (4): 990–1017.
- Castles S. (2016) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. *An Anthology of Migration and Social Transformation: European Perspectives* (eds. A. Amelina, K. Horvath, B. Meeu), Cham, Switzerland: Springer International Publishing, pp. 19–41 (IMISCOE Research Series).
- Chi G. et al. (2020) A General Approach to Detecting Migration Events in Digital Trace Data. *PLOS ONE*. 15 (10): e0239408. DOI: [10.1371/journal.pone.0239408](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239408)
- De Genova N. P. (2002) Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology*. 31 (1): 419–47. DOI: [10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432](https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432)
- Diminescu D. (2008) The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto. *Social Science Information*. 47 (4): 565–79. DOI: [10.1177/0539018408096447](https://doi.org/10.1177/0539018408096447)
- Doolin B., Lowe A. (2002) To Reveal Is to Critique: Actor-Network Theory and Critical Information Systems Research. *Journal of Information Technology*. 17 (2): 69–78. DOI: [10.1080/02683960210145986](https://doi.org/10.1080/02683960210145986)
- Dubbett S., Ebert F. C. (2018) ‘ILO Convention 81 Labour Inspection Convention, 1949 (No. 81)’. *International and European Labour Law: Article-by-Article Commentary* (eds. E. Ales, M. Bell, O. Deinert, S. Robin-Olivier), Baden-Baden: Nomos; München: Beck; Oxford: Hart, pp. 1073–1093. DOI: [10.5771/9783845266190-1089](https://doi.org/10.5771/9783845266190-1089).
- Fetisova Ye. (2008) Zhenskaya trudovaya migratsiya kak actor sotsial’nogo preobrazovaniya (opyt kachestvennogo issledovaniya) [Women’s Labor Migration as a Factor of Social Transformation (example of qualitative study)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no 1, pp. 79–87. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26593816.html> (accessed 9 January 2022) (in Russian).
- Hart K. (1985) The Informal Economy. *Cambridge Anthropology*, vol. 10, no 2, pp. 54–58.
- Held D., Kaya A. (2007) *Global Inequality: Patterns and Explanations*, Cambridge, UK: Polity.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Clarendon Lectures in Management Studies, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Law J. (2002) Objects and Spaces. *Theory, Culture and Society*, vol. 19, no 5–6, pp. 91–105. DOI: [10.1177/02626327602761899165](https://doi.org/10.1177/02626327602761899165)
- Law J., Mol A. (2001) Situating Technoscience: An Inquiry into Spatialities. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 19, no 5, pp. 609–621. DOI: [10.1068/d243t](https://doi.org/10.1068/d243t)
- Lindquist J., Xiang B., Yeoh B. S. Y. (2012) Introduction: Opening the Black Box of Migration: Brokers, the Organization of Transnational Mobility and the Changing Political Economy in Asia. *Pacific Affairs*, vol. 85, no 1, pp. 7–19.
- Madianou M., Miller D. (2011) *Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia*, Abingdon; New York: Routledge.

- Martin Ph. (2015) Merchants of Labor: Agents of the Evolving Migration Infrastructure. Working Papers id:7877. *eSocialSciences*. Available at: <https://ideas.repec.org/p/ess/wpaper/id7877.html> (accessed 10 January 2022).
- McAfee A., Brynjolfsson E. (2019) *Mashina, platphorma, tolpa. Nashe tsiphrovoye budushcheye* [Car, Platform, Crowd. Our Digital Future], Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).
- McDowell L., Batnitzky A., Dyer S. (2008) Internationalization and the Spaces of Temporary Labour: The Global Assembly of a Local Workforce. *British Journal of Industrial Relations*, vol. 46, no 4, pp. 750–770. DOI: [10.1111/j.1467-8543.2008.00686.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2008.00686.x)
- McLean C., Hassard J. (2004) Symmetrical Absence/Symmetrical Absurdity: Critical Notes on the Production of Actor-Network Accounts. *Journal of Management Studies*, vol. 41, no 3, pp. 493–519. DOI: [10.1111/j.1467-6486.2004.00442.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2004.00442.x)
- Morawska E. (2017) *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity*, Abingdon; New York: Routledge.
- Nedelcu M., Soysüren I. (2020) Precarious Migrants, Migration Regimes and Digital Technologies: The Empowerment-Control Nexus. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Available at: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1796263> (accessed 10 January 2022).
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J. (2015) *Digital Ethnography: Principles and Practice*, Los Angeles: SAGE Publications Ltd.
- Ryazantsev S., Pismenny E., Lukyanets A., Sivopliasova S., Khramova M. (2018) Sovremennaya emigratsiya iz Rossii i phormirovaniye russkoyazychnykh soobshchestv za rubezhom [Modern Emigration from Russia and the Formation of Russian-Speaking Communities Abroad]. *World Economy and International Relations = Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 62, no 6, pp. 93–107. Available at: [https://doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107) (accessed 9 January 2022) (in Russian).
- Ryzhova N. (ed.) (2009) *Integratsiya ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii* [Integration of Economic Migrants in the Russian Regions], Irkutsk: Ottisk (in Russian).
- Ryzhova N. (2018) Invisible Trade: Sovereign Decisions on the Sino–Russian Border. *Routledge Handbook of Asian Borderlands* (eds. A. Horstmann, M. Saxer, A. Rippa), Abingdon; New York: Routledge, pp. 334–344.
- Sassen S. (2013) *Deciphering the Global: Its Scales, Spaces and Subjects*, Abingdon; New York: Routledge.
- Scott S. (2017) Informalisation in Low-Wage Labour Markets: A Case Study of the UK Food Industry. *Population, Space and Place*, vol. 23, no 7, art. e2043. Available at: [https://doi: 10.1002/psp.2043](https://doi.org/10.1002/psp.2043) (accessed 10 January 2022).
- Sunderhaus S. (2007) Regularization Programs for Undocumented Migrants. *Migration Letters*, vol. 4, no 1, pp. 65–76.
- Toshchenko Zh. T. (2015) Prekariat — novyy sotsial’nyy klass [Precariat: A new Social Class]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 6, pp. 3–13 (in Russian).

- Toshchenko Zh. T., Anisimov R. I. (2019) Prekarnyy trud v Rossii: sostoyaniye i tendentsii [Precarious Labor in Russia: State and Trends]. *Economic Revival of Russia = Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*, no 2, (60), pp. 93–103 (in Russian).
- Vargas-Silva C. (2012) *Handbook of Research Methods in Migration*, Cheltenham, UK ; Northampton, MA: Edward Elgar Pub.
- Visser M. A., Meléndez E. (2015) Working in the New Low-Wage Economy: Understanding Participation in Low-Wage Employment in the Recessionary Era. *Working USA*, vol. 18, no 1, pp. 7–29. DOI: [10.1163/17434580-01801003](https://doi.org/10.1163/17434580-01801003)
- Xiang B. (2017) The Base: A Case of Infrastructural Governance of Labour Outmigration in China. *Mobilities*, vol. 12, no 2, pp. 175–187. DOI: [10.1080/17450101.2017.1292775](https://doi.org/10.1080/17450101.2017.1292775)
- Xiang B., Lindquist J. (2014) Migration Infrastructure. *International Migration Review*, vol. 48, no 1S, pp. 122–148. DOI: [10.1111/imre.12141](https://doi.org/10.1111/imre.12141)
- Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. (2017) Theorizing the “Local Turn” in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies. *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, no 2, pp. 241–246. DOI: [10.1177/0020852316688426](https://doi.org/10.1177/0020852316688426)
- Zapata-Barrero R., Yalaz E. (eds) (2018) *Qualitative Research in European Migration Studies*. Cham, Switzerland: Springer Open (IMISCOE Research Series).
- Zhuravskaya T. (2016) Migratsiya iz stran SNG v Amurskuyu oblast' v kontekste sinteticheskoy teorii [Migration from the CIS Countries to the Amur Region in the Context of Synthetic Theory]. *Spatial Economics = Prostranstvennaya ekonomika*, no 3, pp. 105–132. DOI: [10.14530/se.2016.3.105-132](https://doi.org/10.14530/se.2016.3.105-132) (in Russian).
- Zhuravskaya T., Ryzhova N. (2021) Ekonomika kachestv transgranichnogo rynka: shop-turizm kak performativnaya praktika [Economics of the Qualities of the Cross-Border Market: Shop Tourism as a Performative Practice]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 20, no 2, pp. 200–223. DOI: [10.17323/1728-192x-2021-2-200-223](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-200-223) (in Russian).
- Zuyenko I. (2014) Russkoyazychnaya diaspora v Kitaye na sovremennom etape [Russian-speaking diaspora in China at the present stage]. *Rossiya i Kitay: opyt i potentsial regional'nogo prigranichnogo vzaimodeystviya* [Russia and China: Experience and Potential of Regional Cross-Border Cooperation] (ed. V. L. Larin), Vladivostok: Dalnauka, pp. 188–197 (in Russian).

Received: January 13, 2022

Citation: Ryzhova N., Zhuravskaya T. (2022) Rol' sotsial'nykh media v adaptatsii rossiyan, zanyatykh na prekarnykh rynkakh truda v Koree i Kitae [The Role of Social Media in the Adaptation of Russians Working in Precarious Labor Markets in Korea and China]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*. vol. 23, no 2, pp. 11–35. Doi: [10.17323/1726-3247-2022-2-11-35](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-11-35) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Д. Дорлинг, С. Гител-Бастен

Почему важна демография

ДОРЛИНГ Дэни — профессор им. Сэра Хэлфорда Джона Маккиндера, факультет географии и окружающей среды, Университет Оксфорда. Адрес: Великобритания, OX1 3QY, г. Оксфорд, Юг-Паркс-роуд.

Email: danny.dorling@ouce.ox.ac.uk

Демография — не судьба. Как больше двух веков назад говорил Джакомо Казанова, «судьбы не существует, мы сами определяем свои жизни». Сегодня мы определяем свои жизни и жизнь общества больше, чем когда бы то ни было прежде. Ещё никогда в мировом масштабе у нас не было так мало детей в пересчёте на одного взрослого: численность нашего населения близка к стабилизации, хотя мы и не знаем, когда и на отметке какой численности это произойдёт и что будет потом. Эта стабилизация будет результатом миллиардов частных решений, принятых под влиянием множества событий и политических мер, и некоторые из них будут менее предсказуемы, чем другие. Сегодня по миру передвигаются больше людей, чем когда-либо прежде, но мы слишком часто воспринимаем их как угрозу, а не как знак возросшей свободы. И точно так же мы слишком часто сокрушаемся по поводу старения населения вместо того, чтобы признать его потрясающим и полезным достижением человечества, к которому мы должны адаптироваться.

Журнал «Экономическая социология» публикует восьмую главу — «Население и политика» («Population and Politics») — книги Д. Дорлинга и С. Гител-Бастена «Почему важна демография». В этой главе авторы обращаются к теме политической демографии, сначала поднимая вопросы евгеники в её историческом и современном проявлениях, а затем обсуждая миграцию и паттерны рождаемости прошлых лет, которые могут на миграцию влиять.

Ключевые слова: демография; политика; миграция; сокращение численности населения; образование; история.

Демография и политика

В 2016 г. демография была на передовой политики. Дональд Трамп стал кандидатом от республиканцев на президентских выборах в США и пообещал построить стену на границе с Мексикой. После избрания он подтвердил, что выполнит обещание и что заплатят за это мексиканцы; мексиканский президент отказался с ним встречаться. В Великобритании референдум о её членстве в Европейском союзе (Брексит) закончился тем, что большинство граждан — 52 против 48% — при явке 72% проголосовали за выход из состава ЕС. Главной темой дискуссий вокруг референдума была иммиграция. После того как в США был избран Трамп, премьер-министр Великобритании Тереза Мэй заявила, что в её планах «жёсткий Брексит», который позволит, насколько это возможно, минимизировать миграцию в страну. Тем временем в Китае уже смягчённая политика одного ребёнка была смягчена ещё сильнее, поскольку демографическое будущее страны вызывало у

ГИТЕЛ-БАСТЕН

Стюарт — профессор в области социальных наук и публичной политики, Гонконгский университет науки и технологии. Адрес: Китай, г. Гонконг, район Сайкун.

Email: sgb@ust.hk

Источники: Дорлинг Д., Гител-Бастен С. 2022. *Почему важна демография* / перев. с англ. А. Писарева; под науч. ред. Э. Сафронова. М.: Изд. дом ВШЭ.

Dorling D., Gietel-Basten S. 2018. *Why Demography Matters*. Cambridge, UK Polity Press.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ

китайских политических лидеров всё большую тревогу. В странах Европы показатели смертности уже не снижались так быстро, как раньше, — возможно, из-за Великой рецессии, начавшейся в 2008 г., а возможно, и потому, что в предыдущие десятилетия это снижение было частично обусловлено факторами, которые улучшали жизненные шансы главным образом людей очень молодого и среднего возрастов и гораздо меньше — людей пожилого возраста. Как бы то ни было, в Европе смертность больше всего снизилась в Великобритании [2020 Delivery 2017]. Политики больше беспокоились о расходах на пенсии и правильно повысили пенсионный возраст в странах всего континента, несмотря на то что снижение смертности замедлилось. Одновременно в большинстве стран Африки и Азии ускорялось падение показателей рождаемости, а в Латинской Америке благодаря новой политике, охватившей континент, сильно упали показатели экономического неравенства. Но эта новая политика неожиданно забуксовала в 2016 г. в самой населённой стране, Бразилии, где рождаемость ранее уже снизилась. Во всем мире общим местом стала неопределённость по поводу ближайшего будущего. Факт, что в нём будет меньше молодых людей, вполне может потребовать совсем другой политики и новой экономики. Эпоха замедления роста населения может стать эрой более контролируемого экономического роста и более тщательного контроля за тем, как распределяется власть. Не в последнюю очередь потому, что именно в эту эпоху мы узнаем, какими будут последствия усилившегося глобального потепления, вызванного человеком.

Политика, демография и история

В демографическом плане мир изменился после 1492 г., когда Старый Свет встретился с Новым (см. главу 4 «Демографический взрыв»). Население Нового Света столкнулось с новыми болезнями, а затем и с колонизацией. Юг Старого Света тоже страдал. Африка обезлюдела из-за работорговли и сопровождавших её разорений. Европа начала сравнительно быстро богатеть за счёт награбленного серебра. Сначала это были Испания и Португалия, затем — торговый город Венеция, позднее — Амстердам, где концентрировались и деньги, и люди. Регион, который сейчас известен как Нидерланды, в XVI веке пережил рост населения на 58%, а к XVII веку стал богатейшей страной мира. Население Великобритании в XVI веке увеличилось на 57%, а Англия, Уэльс и Шотландия (и в гораздо меньшей степени Ирландия) стали самой богатой в мире группой стран. В XVIII веке из-за произошедшей ранее на американских континентах демографической катастрофы и последующего образования избытка людских ресурсов в Европе население региона, который позднее станет США, увеличилось почти на 900%, и это после двух веков его сокращения! Свержение династии Мин в Китае в XVII веке и медленный рост населения Японии — вот лишь два из многих неординарных явлений, стоящих за цифрами в таблице 1.

Политика и демография неотделимы друг от друга. Политика включает борьбу за власть и её отправление, а следовательно, она касается изменения возможностей, которые есть у людей. До сих пор вопросы, представляющие политический интерес, присутствовали в каждой главе этой книги, здесь же мы поговорим о них напрямую. По краткому введению выше видно, сколь

велика затронутая тема. Благодаря историческому взгляду в прошлое можно обсуждать события, произошедших много столетий назад, гораздо глубже и говорить о них более беспристрастно. Но, по правде говоря, всё равно есть много способов их интерпретации. Немногие среди историков уделяют достаточно внимания демографическим изменениям, сопровождавшим масштабные политические перемены, которые мир пережил после 1492 г. Население увеличивалось не везде, а во многих регионах оно сокращалось, особенно там, где процветала работорговля, и обычно быстрее всего росло либо там, где до того сильнее всего сокращалось, либо там, где было сосредоточено больше всего политической власти.

Таблица 1

Численность мирового населения, 1500–1820 гг.

Страны и регионы	Численность населения (млн чел.)		Изменение численности населения за столетие (%)	
	1500 г.	1820 г.	XVI век	XVII век
Нидерланды	1	2	58	27
Великобритания	4	21	57	39
Китай	103	381	55	– 14
Азия	284	710	33	6
Западная Европа	57	133	29	10
Индия	110	209	23	22
Япония	15	31	20	46
Африка	47	74	19	10
США	2	10	– 25	– 33
Латинская Америка	18	22	– 51	40
Мексика	8	7	– 67	80
Перу	4	1	– 68	0
Остальные регионы	31	92	23	20
Мировое население	438	1042	27	9

Слово *statistics* происходит от слова *state*, поскольку именно государству первому понадобился демографический учёт. Первые образцы статистики не особенно интересовались людьми, уж точно не теми из них, которые не умели считать. В «Книге Страшного суда» лучше подсчитаны плуги, чем крестьяне. Собранные в 1086 г. сведения по Англии нужны были для налогообложения, поэтому в них фиксировались площади поместий, подробная информация о живших там владельцах и возделываемых пахотных землях. Производства в те времена почти не было. Книга была составлена через 20 лет после вторжения Вильгельма Завоевателя в Англию. Он подозревал землевладельцев в уклонении от уплаты налогов (хоть что-то в этом мире не меняется!). Если верить недавним археологическим раскопкам, население Великобритании на самом деле было гораздо больше, чем сообщают записи «Книги Страшного суда» [Wright 2017].

Первая современная перепись населения относится к 1703 г. Король Дании пожелал узнать имена, возраст и социальный статус жителей Исландии [UNESCO 2017]. И снова демографическая статистика собиралась по политическим причинам. Так было и в случае американской переписи 1790 г., в ходе которой подсчитывались «свободные белые мужчины от 16 лет (дабы оценить промышленный и военный потенциал страны); свободные белые мужчины до 16 лет; свободные белые женщины; все другие свободные люди; рабы» [USCB 2017]. И в этом случае причины — политические. Война за независимость завершилась в 1782 г., и новая страна не знала свои настоящие возможности ни в военном плане, ни в промышленном.

В Великобритании первая перепись была проведена в 1801 г. на волне страхов, вызванных публикацией в 1798 г. книги Мальтуса «Опыт закона о народонаселении». В переписи регистрировались число жилых и нежилых домов, крещений и похорон, а также численность населения в каждом церковном приходе.

Первая перепись Англии и Уэльса показала их совокупное население — 8,87 млн человек, что вместе с почти полумиллионом военных, матросов и заключённых, которые не были включены в перепись, составляло примерно 9,4 млн <...> это близко к оценке предыдущего года — 9,2 млн [National Archives 2017].

Мы могли бы продолжить, обсудив первую французскую перепись населения 1772 г. или то, как в Германии 1930-х гг. переписи проводились для того, чтобы определить долю евреев среди населения и даже наметить территории, с которых евреев будут изгонять во время Холокоста. Ещё можно углубиться в прошлое и поговорить о переписи в римской провинции Иудея, упомянутой в Новом Завете (по поводу сроков этой переписи, надо признать, есть путаница¹).

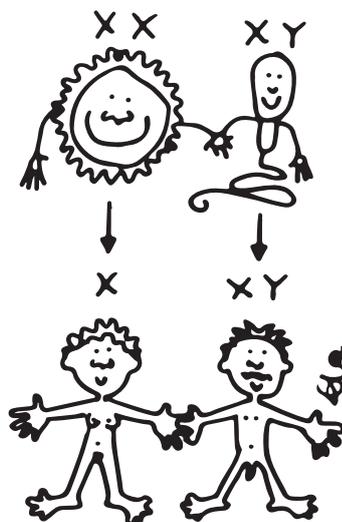
Демографическую политику можно обнаружить в древних империях и королевствах, правители которых были озабочены тем, платит ли народ налоги, рождается ли достаточно рекрутов для армии и хватает ли женщин для производства нужного числа мужчин (и женщин!) — или же они рожают слишком много; а также тем, не сокращается ли количество рабов. Демографические данные часто политически некорректны, они включают многие из наших прежних предрассудков — от навешивания на людей ярлыков слабоумных и калек (так было когда-то в британских переписях) до непризнания гомосексуальных партнёрств в самом недавнем времени. Кто-то почти наверняка будет критиковать и эту книгу, написанную двумя белыми мужчинами среднего класса, которые всю жизнь работали в элитарных университетах, за то, что она способствует закреплению бинарного деления человечества на мужчин и женщин. В этом вопросе может быть полезен рисунок, сделанный нашей подругой Эллой Фурнесс, когда ей было 14 лет и она скучала на уроке в школе (см. рис. 1). Этот рисунок объясняет, почему демографы всё ещё используют «бинаризм» мужчины и женщины, даже если в нашей социальной жизни он часто не должен иметь никакого значения, но, к сожалению, часто имеет. К счастью, мы наконец прекратили пересказывать шутку о «разбивке по возрасту и полу»².

Элла была в школе, где в тот день было чрезвычайно скучно. Но её обязанностью было присутствие на уроках. На самом деле человеку вменяется гораздо больше обязанностей. Государство, а до него институционализируемая религия в течение тысяч лет претендовали на политическое владение людьми. Если человек является подданным монарха, то, например, самоубийство — это преступление против государства, поскольку человек — его собственность. Аборт — преступление или грех в зависимости от правил конкретного места и времени, которые определяют, принадлежит вам плод или нет. Контрацепцию можно или запрещено использовать из-за схожих, с трудом меняющихся правил, и, естественно, раньше для большинства людей она не была так легко доступна, как сейчас. Точно также, часто

¹ Нулевого года нет. Перепись прошла в 6 г. Автор Евангелия от Луки использует её в качестве нарративного средства, благодаря которому Иисус был рождён в Вифлееме (Лук. 2, 1–5), и относит её к годам правления Ирода Великого, который на самом деле умер 10 годами ранее, в 4 г. до н. э. Этому противоречию не было дано никакого удовлетворительного объяснения, способного разрешить его, и большинство исследователей считают, что Лука ошибся, ставя под сомнение другие «удобные» детали. Перепись была предпринята потому, что местные жители должны были отдать римскому императору то, что он вменил им в качестве долга. Легко провести параллели с переписью и регистрацией населения в странах Среднего Востока сегодня.

² Оригинальная шутка, основанная на игре слов, звучит так: «*Old statisticians never die; they just get broken down by age and sex*». С одной стороны, старые статистики никогда не умирают, их просто добивают возраст и секс, а с другой — они никогда не умирают, а просто становятся единицами в таблицах возрастного и полового распределения. — *Примеч. перев.*

по политическим причинам, у людей не было никакого сексуального образования. А добровольная эвтаназия в большинстве стран по-прежнему является преступлением.

Источник. Рисунок Эллы Фурнесс, 14 лет.

Рис. 1. Основы биологии

Политика часто переплетается с сексом — кто, когда и с кем может им заниматься; кто может стать родителем или родительницей, а кто может или должен сделать аборт. Ранее мы упоминали Сингапур в связи с его политикой, направленной на стимулирование конкретной категории населения (но не другой) заводить детей. Это страна с одним из самых низких показателей ранней неонатальной смертности в мире [Dorling 2013]. На первый взгляд это означает, что люди в Сингапуре меньше других страдают от этой проблемы. Бесспорно, в Сингапуре первоклассная система здравоохранения. Но перед тем как радоваться этому факту, обратите внимание на знаменатель. Демографов всегда беспокоит знаменатель. Кто были теми людьми, которых измеряли?

В 2000 г. Япония и Сингапур поделили первое место в рейтинге 200 стран как государства с самым низким в мире показателем зарегистрированной ранней неонатальной смертности. Для Японии это не удивительно, учитывая всё, что известно об этой стране. Но странно, что в Сингапуре — стране с очень высоким уровнем неравенства доходов и благосостояния — уровень младенческого здоровья настолько высок. В 2009 г. в Сингапуре из каждой 1000 рождённых живыми младенцев лишь два ребёнка умирали до своего первого дня рождения. Согласно данным, представленным в таблице 2, в 2000 г. лишь один из 1000 умирал в первую неделю жизни. Сингапур сообщал тогда (и сообщает до сих пор) о самом низком в мире показателе младенческой смертности. Чтобы понять, почему эта страна так успешна в указанной области, придётся изучить обратную сторону сенсационной статистики. Главное, нужно обратить внимание на знаменатель, по которому высчитывается этот показатель. А в знаменателе — «живые рождения». Если рождения не происходит, то оно не включается в статистику. Однако не все женщины, живущие в Сингапуре, вольны рожать. Многие из них, имеющие самый низкий уровень дохода, — это горничные, работающие примерно в каждом пятом домохозяйстве среднего класса в качестве личных уборщиц, помощниц по хозяйству и нянь. Большинство из них — работницы-иностранки, не являющиеся гражданками Сингапура и приехавшие из-за рубежа. Будучи таковыми, они не имеют права остаться в стране. Каждые три месяца горничные должны делать тест на беременность. Если обнаруживается, что такая работница беременна, её депортируют. В 2015 г. беременность всё ещё была незаконна для таких горничных:

Таблица 2

Страны с самой низкой и самой высокой ранней неонатальной смертностью в мире* по состоянию на 2000 г.

Место	Страна	Число младенческих смертей на 1000 рождений
1	Мавритания	52
2	Либерия	48
3	Ирак	46
4	Афганистан	45
5	Кот-д'Ивуар	44
6	Сьерра-Леоне	42
7	Нигерия	40
8	Мали	40
9	Ангола	40
10	Пакистан	38
	...	
185	Франция	2
185	Германия	2
185	Южная Корея	2
185	Италия	2
185	Испания	2
185	Бельгия	2
185	Швеция	2
185	Чехия	2
199	Сингапур	1
199	Япония	1

Источник. Данные из отчета Всемирной организации здравоохранения за 2005 г. — «The World Health Report 2005».

* Ранняя неонатальная смерть — смерть ребёнка в первую неделю его жизни; 14 стран сообщили о двух ранних неонатальных смертях на 1000 успешных рождений (Австрия, Норвегия, Финляндия, Исландия, Монако и Сан-Марино не показаны в таблице); четыре страны сообщили о 38 таких смертях. Эфиопия, Гвинея и Центрально-Африканская Республика не показаны. В таблице показаны те страны, в которых было больше всего рождений; подробнее см.: http://www.worldmapper.org/posters/worldmapper_map260_ver5.pdf

«Беременность и деторождение запрещены правилами трудовой регистрации домашней работницы. По закону работодатели технически обязаны сообщать о фактах беременности в Министерство трудовых ресурсов. Беременность ведёт к отмене разрешения на работу и депортации работницы» [Sian 2015].

В совокупности трудовые мигранты составляют около четверти населения Сингапура и находятся преимущественно в самом низу шкалы доходов, где можно ожидать, что младенческая смертность будет самой высокой. Эта часть населения успешно изымается из общей картины при помощи депортации или её угрозы. Удерживание более бедных женщин от зачатия ребёнка и удаление их из страны — это способы, позволяющие эффективно сократить младенческую смертность. Младенцы, которые могли бы умереть, так никогда и не родились: они либо abortируются, либо рождаются за границей и в случае смерти учитываются в статистике другой страны. Именно поэтому в Сингапуре такой низкий показатель младенческой смертности.

Ситуация очень медленно улучшается, но это пока не касается права сингапурских горничных становиться матерями. В марте 2012 г. были анонсированы планы разрешить 200 тыс. домашних работниц несколько свободных часов в неделю. В 2012 г. 88% горничных работали без выходных [Hodal 2012]. Оплата их труда варьируется от 20 до 60 центов в час, и это в стране, где к 2010 г. средний ВВП на душу населения превышал 40 тыс. дол. США. В стране с очень большим экономическим неравенством величина среднего дохода крайне малоинформативна, также как мало о чём говорит и чрезвычайно низкий показатель младенческой смертности.

Ночной кошмар работодателей горничных

Согласно сингапурскому закону, если горничная беременеет, её немедленно репатрируют. В противном случае работодатель теряет свой страховой депозит в размере 5000 дол. США.

Однако в случае горничной Нины, работавшей у мадам В. Л. Лим, регулярные медицинские тесты не обнаруживали беременность, и в итоге Нина родила недоношенного мальчика.

Если верить заметке в местной газете, мадам Лим была шокирована, когда ей позвонили из полиции и сообщили, что её Нина только что родила. Мадам Лим и в голову не приходило, что это возможно, ведь врач проверял тест Нины всего двумя месяцами ранее. И уж точно ничто не предвещало размер счёта из клиники.

И без того немалый счёт в 5500 дол. США за кесарево сечение, сделанное горничной 11 декабря, увеличился до 67 тыс. дол. из-за госпитализации недоношенного 27-недельного мальчика Нины в отделение интенсивной терапии Клиники матери и ребёнка.

Ночной кошмар работодателя как будто воплотился наяву. По мнению доктора Джулианы Абу-Вонг, гинеколога и акушерки с более чем десятилетним стажем, используемые ныне тесты на беременность включают исследование мочи и абдоминальное обследование, точность которых составляет 90–95%. «Как же получилось, что врач не смог понять, что моя горничная на четвёртом месяце беременности?» — спрашивала мадам Лим.

Анализ крови на беременность был бы точнее. Его не сделали обязательным, чтобы сократить издержки для работодателей. Но в случае мадам Лим эти дополнительные траты были бы малой ценой за то, чтобы избежать стресса, вызванного родами Нины.

В защиту мадам Лим адвокат мистер Марк Гох заявил, что договор с клиникой был подписан подружкой Нины — мисс Шушма, тоже горничной. «Правила требуют от работодателя нести все расходы на медицинское обслуживание горничной, однако нигде в правилах не сказано, что работодатель должен оплачивать медицинские счета её родственников», — сообщил мистер Гох.

Позиция клиники однозначна: она не будет требовать оплаты от мисс Шушма.

Вот что сообщил мистер Джонни Куэй, финансовый директор клиники: «Обсуждение финансовой стороны дела является частью процесса госпитализации. Поскольку нашей сотруднице не удалось связаться с работодателем Нины, она объяснила примерную стоимость её подруге, и поставленная подружкой подпись служила не более чем подтверждением того, что она поняла информацию о стоимости и передаст её работодателю Нины».

Источник: [Asia One News 2008].

Нельзя принимать на веру статистику вроде средних показателей по стране, сперва их нужно внимательно изучить. Следует быть особенно осторожными, если к делу могут иметь отношение политические вопросы. Выявление ситуаций наподобие сингапурской очень часто поучительно, поскольку они не всегда обусловлены ошибкой [Palen 1986]. Часто есть какие-то ключи к разгадке. На имеющем широкое хождение графике (см. рис. 2) все значения имеют собственные специфические причины для того, чтобы располагаться на своём месте.

Источник: [Wilkinson, Pickett 2009].

Рис. 2. Показатели младенческой смертности в сравнении с неравенством доходов в богатых странах

За темой контроля рождаемости скрывается грязный мир евгеники. В этой книге мы ещё её не упоминали. Решили, что лучше оставить её напоследок. Роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» («Brave New World», 1931 г.) был написан как критика евгеники и сделал фразу «дети-альфы, дети-беты и дети-гаммы» широко известной в качестве критики идеи, что дети рождаются с сильно варьирующимися способностями, которые тесно связаны с предполагаемыми способностями их родителей. Евгеника — скверная часть истории демографии, которую сегодня часто скрывают, потому что память о ней ещё свежа. Евгенические идеи вышли на первый план после публикации трактата Чарльза Дарвина «О происхождении видов путём естественного отбора» («On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life», 1859 г.), когда горстка людей стала выдвигать предположения о наследственных биологических факторах в качестве оснований того, почему низшие слои общества являются таковыми. «Выживание наиболее приспособленных» было предьявлено как объяснение выживания британской классовой структуры. Люди якобы поднимались на верхние ступени «цивилизованного» человеческого общества, потому что и они и их потомки были более приспособленными, более способными, лучше подходили для лидерства. Другие же оказывались слабее и предназначенными для того, чтобы быть ведомыми, а в пределе — людьми, которых следует уничтожить ради коллективного будущего и блага расы. Стерилизация людей, считавшихся слабоумными, была обычной практикой в Скандинавских странах вплоть до 1970-х гг., и примерно до того же времени в Южных штатах США была распространена стерилизация темнокожих.

Все это, разумеется, сильно противоречило самой теории естественного отбора. Она толкует о целых биологических видах, а не об индивидах. Вид перемешивается, из-за этого его особи становятся поразительно похожими друг на друга. Случайным образом, благодаря генетической мутации, где-то в

популяции вида происходит адаптация. Если адаптация выгодна, то, скорее всего, она со временем распространится внутри вида (именно поэтому почти у всех людей на руке отстоящий большой палец³). Если же адаптация невыгодна, то вероятность выживания особей, которые её приобрели, снижается, и сбой исчезает. Самая недавняя и часто упоминаемая возможная адаптация человека, обусловленная естественным отбором, связана с относительно высокой склонностью афроамериканцев к повышенному кровяному давлению. Это свойство приписывалось генам, которые повысили вероятность выживания их предков во время перехода через океан, когда работорговцы насильно перевозили их в Америку. Однако достоверность этой идеи подвергалась сомнению на протяжении как минимум 10 лет [Kaufman 2006].

Истоки евгеники можно обнаружить в далёком прошлом, уже у Платона, который предложил избирательное спаривание для воспроизводства сословия стражей и утверждал, что души детей от рождения могут быть золотыми, серебряными или железными. Гораздо позднее, в XIX веке, благодаря усилиям Фрэнсиса Гальтона (троюродный брат Дарвина) теории евгеники стали настолько популярными, что даже прогрессивные политики верили в них до середины XX века. Сегодня ситуация обратная, и ни один уважающий себя исследователь не станет утверждать, что внутри населения есть кардинальные различия, которые отделяют слабых от сильных с точки зрения ментальных способностей и генетически передаются следующему поколению. Американский биолог Раймонд Пирл забил гвоздь в гроб этой теории в 1927 г., написав о Шекспире, Линкольне, Пастере и их родителях [Pearl 1927a; b]. Однако допущения, лежащие в основе евгеники, никогда полностью не исчезали. Сколь многие успешные люди до сих пор убеждены, что их дети будут более способными, чем чужие, благодаря унаследованным генетическим преимуществам, и не признают в случае успеха детей, что дело во всех остальных преимуществах, которые они смогли им дать, или же попросту в удаче. Даже если какие-то особенности ментальных способностей и наследуются, теперь мы знаем, что на наследуемость интеллекта влияют мириады менделевских крошечных эффектов. Именно перетасовка таких менделевских эффектов, утверждал Пирл, «ответственна за рождение в будущем, равно как и в прошлом, шекспиров, линкольнов и пастеров с социально и экономически скромным происхождением» [Davey Smith 2012: 238]⁴.

Евгенисты не понимали, что самым важным фактором, не позволившим проявиться подавляющему большинству потенциальных писателей, политиков и изобретателей, был экономический. В этом месте мы могли бы поговорить о теории нормального распределения способностей и общественных установках, преобладавших до и после её появления⁵. Могли бы обсудить, как из-за расовых предрассудков англичане позволяли усиливаться голоду в Ирландии и особенно часто в Индии, которая регулярно страдала от этого при британском владычестве; в какой мере американское общество до сих пор в силу расизма поделено по расовому критерию. Но мы подозреваем, что вы, читатели, уже обдумали все это. По этой причине позвольте нам перейти к более поздним проблемам: сперва к событиям 2016 г., а затем к демографической политике школьного образования в богатых странах и к тому, что, возможно, больше всего сегодня влияет на способности.

³ Три фаланги в большом пальце (как и во всех остальных) — это очень редкое врождённое отклонение, которое обычно приводит к тому, что этот палец не может отстоять; см. подробнее: dia.org/wiki/Triphalangeal_thumb

⁴ Полная цитата на научном языке того времени начинается так: «Почти бесконечное многообразие зародышево-плазматических рекомбинаций может быть ответственно за...».

⁵ IQ статистически задуман так, чтобы соответствовать графику нормального распределения; то же самое касается многих других статистик, например, Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, (PISA), курируемой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Программа оценивает математическую, естественно-научную, компьютерную и читательскую грамотность 15-летних школьников.

Опасность демографии

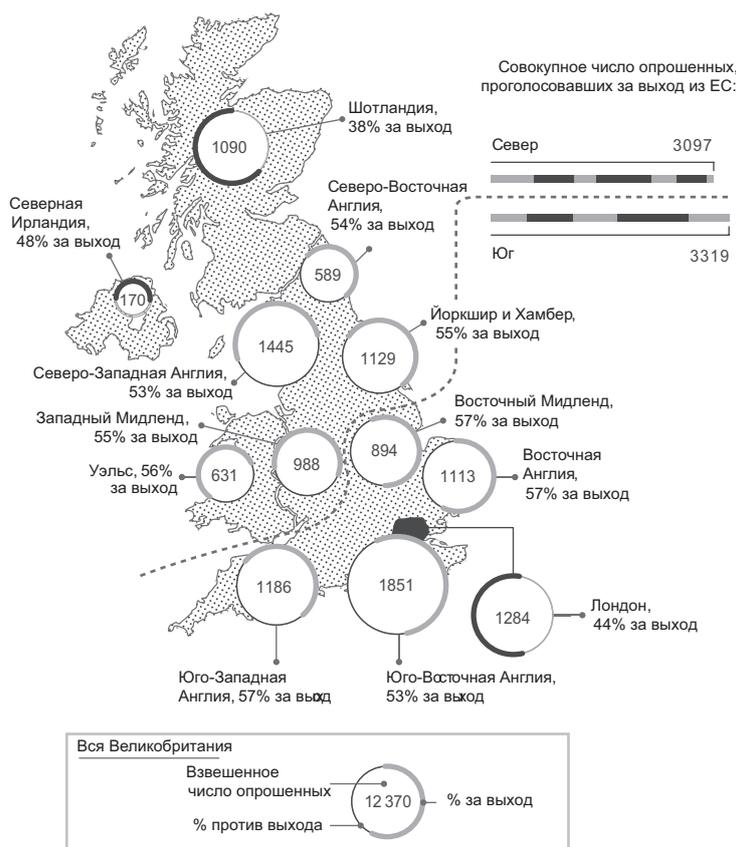
Наименьшей в ряду многих задач этой книги является попытка показать, что извлечение политического капитала из демографических прогнозов может иметь опасные последствия, а злоупотребление этими прогнозами ради устрашения людей — часто совсем не безобидная политическая тактика. В особенности наглядно это продемонстрировали результаты британского референдума по членству в Европейском союзе, проведённого в 2016 г. Некоторые британские политики десятилетиями предупреждали о слишком интенсивной иммиграции, даже не объясняя, почему она такова и что произойдёт, если упадёт её темп или вырастет эмиграция. При этом на мигрантов возложили ответственность за никакого отношения к ним не имеющие социальные проблемы, которые были напрямую связаны со всё более высоким уровнем экономического неравенства и нехваткой инвестиций в инфраструктуру. Когда дошло до голосования, 52% пришедших на избирательные участки проголосовали за сокращение иммиграции. Это была самая заметная тема референдума [Clarke, Goodwin, Whitely 2017].

Согласно данным, большинство голосовавших за выход из Евросоюза жили на юге Англии, хотя на менее населённом севере доля таких голосов чуть выше (см. рис. 3). В Уэльсе голосовали почти так же, как в среднем по Великобритании, тогда как в Северной Ирландии, Шотландии и Лондоне большинство выступили против выхода из ЕС. На рисунке 3 с помощью размеров кругов выделяются знаменатель (число голосовавших), а заодно и числитель из формулы голосования. Первый шаг демографически осторожного размышления часто состоит в том, чтобы обращать внимание на то, сколько людей включены в тот или иной тренд, а не только на то, где этот тренд наиболее типичен.

Голосуя за выход из Европейского союза, британские граждане сообщали, что им настолько не нравится ситуация с миграцией в Великобританию, что они готовы покинуть ЕС и отказаться от всех выгод членства в нем, лишь бы сократить иммиграцию. Предсказания и предостережения о росте численности населения на этом «переполненном острове» подтолкнули людей к такому голосованию, которое, скорее всего, изменит размер будущего населения Великобритании, однако произойдёт это, вероятно, не по тем причинам, в которые заставили поверить проголосовавших за выход.

Великобритания внезапно стала гораздо менее привлекательным местом миграции для тех, у кого был выбор, где в Европе жить и работать. Так что следует ожидать уменьшения потока высококвалифицированных мигрантов (в том числе хороших врачей и учителей) в место, где им явно не рады. Одновременно страну покинет больше, чем обычно, граждан других европейских стран, живущих в Великобритании, потому что теперь они чувствуют себя здесь непрошеными гостями. Повторимся: с наибольшей вероятностью откажутся от жизни в Великобритании те, у кого больше всего вариантов выбора на европейском рынке труда, и произойдёт это задолго до того, как будут приняты какие-либо изменения в иммиграционной политике.

Результаты голосования могут спровоцировать и другие миграционные эффекты, которые зачастую не предсказывались в ходе дебатов до референдума. Когда в 1960-е гг. права британских граждан, живших в бывших британских колониях, аннулировали, это спровоцировало огромный приток людей, пытавшихся въехать в страну до того, как запреты на въезд вступят в силу, в том числе пожилых родственников тех, кто уже жил в Великобритании. В результате показатели смертности в стране резко повысились. В этот раз пожилые британцы, живущие в других европейских странах, тоже могут захотеть вернуться в страну после референдума, опасаясь, что вскоре лишатся права на бесплатную медицинскую помощь в других государствах. Вполне можно ожидать, что в ближайшем будущем Великобритания станет страной, где будет меньше молодых и трудолюбивых мигрантов и больше уязвимых пожилых людей, чем могло быть в случае иного исхода референдума.

Источники: Лорд Эшкрофт и подсчёты авторов.

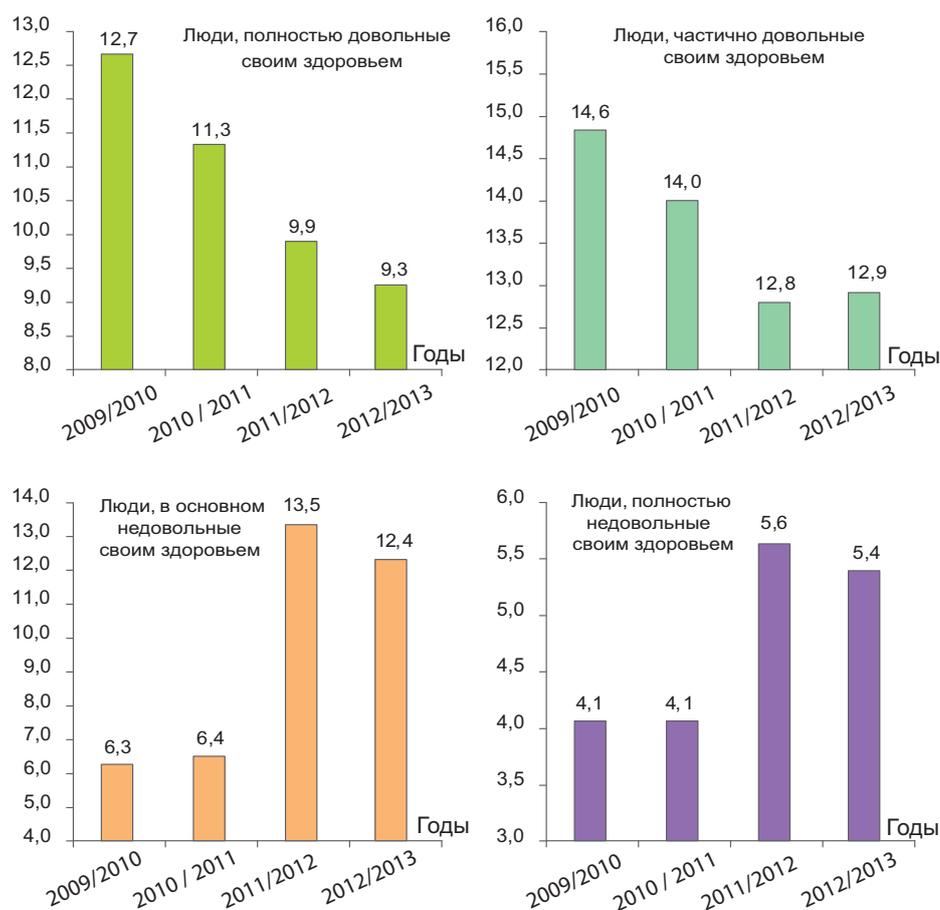
Примечание: 12 370 человек были опрошены в день референдума после голосования на предмет оценки ошибки выборки.

Рис. 3. География голосования на референдуме 2016 г. в Великобритании

Самыми важными движущими силами иммиграции почти всегда являются экономические. Если в будущем в Великобритании будет меньше экономических возможностей, то больше людей эмигрирует и меньше приедет или останется надолго, если приедет. Прогнозируя сохранение высокого уровня иммиграции в будущем, а затем инициируя референдум из-за опасений по этому поводу, те, кто делал такие заявления, вполне могут изменить направление демографических трендов, но так и не добиться тех социальных и экономических выгод, которые, как они думали и обещали, принесёт сокращение миграции. Играя с прогнозами, следует быть осторожным.

Бывший канцлер Казначейства Великобритании Джордж Осборн в личной беседе предостерегал от проведения референдума. Учитывая, что из-за результатов референдума он потерял работу, Осборн в своём предсказании был прав не только в отношении совокупного влияния голосования на британскую экономику (фунт стерлингов потерял одну пятую своей стоимости в течение нескольких дней после голосования), но и по поводу собственного экономического достатка. Помимо прочего, это касается его личного состояния, которое зависит от реакций жилищного рынка и от того, как идут дела в его семейной компании, продающей дорогие обои богатым людям. Впрочем, он быстро нашёл себе работу в американской финансовой компании Blackrock и на следующий год после увольнения с поста канцлера записал на свой счёт доход примерно в 1 млн ф. ст. Очевидно, он считал, что в будущем ему вполне могут понадобиться дополнительные средства. Если бы богатые стали немного беднее, а их дома упали в цене вследствие результатов голосования, то, возможно, в будущем им пришлось бы довольствоваться более дешёвыми обоями; их выбор сократился бы.

Однако Джордж Осборн и сам был причастен к курсу демографической политики, который предшествовал судьбоносному голосованию. В ноябре 2015 г. большая группа религиозных лидеров, в основном христианских, осудила новую меру Осборна, ограничивавшую социальные выплаты любым семьям с двумя первыми детьми, как «глубоко антисемейную» [Bingham 2015]. Независимо от того, поддерживала ли она семью или была направлена против неё, сама идея, что некоторых (в основном местных) детей следует считать от рождения менее достойными, противоречила естественной справедливости. Мера Осборна не была направлена на проблему миграции в Великобританию, её задачей было побудить определённую группу людей заводить меньше детей под угрозой усугубления бедности в случае, если они заведут третьего или четвёртого ребёнка [Stone 2016]. Беспокоило ли его, что в будущем в стране будет слишком много детей или что слишком много детей будет в бедных семьях⁶?

Источники: ONS, Understanding Society Survey.

Рис. 4. Тренды показателя субъективного здоровья, используемого Бюро национальной статистики Великобритании в ежегодных отчётах о благосостоянии населения, 2009–2013 гг.

Всё это происходило на фоне быстрого роста показателей смертности и заболеваемости в Великобритании. График, представленный на рисунке 4, показывает, насколько сильно в стране вырос уровень субъективной болезненности (*self-reported illness*) в период пребывания Осборна на посту канцлера Казначейства, и этот показатель рос ещё быстрее в последние годы его работы (они не показаны на графике). Между двумя из показанных годов незначительно изменился метод сбора данных — бумажные опросы заменили на компьютеризированный сбор информации, но это не объясняет общего снижения

⁶ В 2014–2015 г. 29% всех британских детей (3,9 млн) жили в бедных семьях (в 2012–2013 гг. этот показатель составлял 27%).

уровня субъективного здоровья. В 2015 г. в Великобритании произошёл самый большой с 1940 г. прирост абсолютного числа смертей и показателя смертности. Ирония в том, что обнаружилось это, только когда были опубликованы официальные данные (по случайному совпадению это произошло в день референдума 23 июня 2016 г.) [Dorling 2016]. Комментариев тогда было немного, и эта плохая новость потонула под валом ещё более плохих новостей.

Эта недавняя история из Великобритании демонстрирует, насколько взаимосвязаны политические меры, влияющие на рождаемость, смертность и миграцию, и как при определенных комбинациях они могут порождать токсичные политические последствия. От ухудшения здравоохранения, сопровождавшего работу Казначейства под управлением Осборна, пострадали в основном пожилые люди. И в основном пожилые проголосовали за выход Великобритании из Евросоюза, потому что им сказали, что в таком случае многое станет лучше.

Главным образом молодые люди пострадали от бюджетной экономии и сокращения социальных выплат, но при этом пожилые всё ещё полагались на молодых в том, что касалось ухода во время болезни, и прежде всего на мигрантов из Европы, которые работали в домах престарелых и больницах. На долю многих социальных и медицинских работников, занятых в этой сфере, выпадали переработки, стресс, очень низкая оплата труда и постоянная угроза сокращений. Иногда они вынуждены были браться за вторую работу, чтобы сводить концы с концами. Когда под ударом оказываются молодые, это затрагивает не только их. Страдает и уход за пожилыми, когда он нужен им больше всего. Возможно, пожилые люди, у которых нашлось достаточно сил, чтобы дойти до избирательных пунктов на всеобщих выборах в мае 2015 г., когда к власти вернулись консерваторы, думали, что все это как-нибудь не коснётся их лично. Однако к июлю 2015 г. за предшествующие 12 месяцев в Великобритании умерло на 52 тыс. пожилых людей больше, чем за предыдущий аналогичный период.

Школы, политика и демография

Политику, вовлечённую в демографию, часто легко увидеть. Если демографические прогнозы не реализуются или реализуются плохо, то в школах будет слишком мало мест, финансируемых государством. Есть небольшая группа людей, которым не нравится идея государственных школ, и они считают, что всё достойное школьное образование должно обеспечиваться частным сектором. Другие полагают, что детей нужно обучать на дому; в некоторых странах это в особенности относится к девочкам. Для тех, кто придерживается таких взглядов, прогнозирование необходимого количества мест в школах на основе статистики рождений и миграции является плохой практикой. С их точки зрения, она поощряет государство к планированию за самих родителей. Давать прогнозы на среднесрочную перспективу трудно, но прогнозирование необходимого количества мест в школах — не что-то сверхсложное. Рассматривая связи между политикой и демографией, мы часто переходим от общих проблем к частностям. На протяжении веков обеспечение детей школьным образованием не было проблемой, потому что для большинства его попросту не существовало. Но в последние примерно 120 лет большинство детей в богатых странах вроде Великобритании обеспечиваются местами в школе до всё более и более взрослого возраста. Большую часть этого периода главной проблемой было то, что с каждым годом требовалось всё больше мест. В Великобритании с начала 1990-х гг. эта проблема смягчалась из-за падения показателей рождаемости в 1970–1980-е гг. Возможно, отчасти поэтому озабоченность просто обеспечением достаточного количества мест в школах сменилась озабоченностью по поводу того, какое, собственно, образование даётся. Не так давно в Великобритании пытались добиться того, чтобы все новые школы стали «свободными» (*free schools*) — весьма обманчивая формулировка. Эти школы учреждаются группами родителей, когда они решают, что по месту их жительства для их детей нет необходимого школьного образования, или то, которое уже есть, их не устраивает. В таком случае государство финансирует школу, но не занимается планированием. Если у родителей в каком-то районе

нет необходимых средств, чтобы воспользоваться этими возможностями, и их дети вынуждены ходить в школы, не отвечающие их требованиям, то это родители виноваты в том, что не организовали свободную школу. Разумеется, такая ситуация очень вероятна в районах с высокой текучестью населения, но тогда — рассуждают политики — умный родитель постарается уехать из такого района к тому времени, когда его или её дети достигнут школьного возраста. Грубость такого подхода сложно преувеличить, но очень многие родители в стране были вынуждены его принять. В 2012 г. исследование подтвердило корреляцию (о которой давно подозревали) между школами и стоимостью недвижимости, а в 2016 г. газетные заголовки сообщали, что «близость ведущих школ на 25% повышает стоимость жилья», а «соседство с “выдающейся”, согласно рейтингу Ofsted⁷, начальной школой увеличивает цены на жильё на 44 тыс. ф. ст.».

Если вы считаете, что государство не должно заниматься планированием количества будущих школьных мест, то, возможно, вы также полагаете пустой тратой денег сбор данных, необходимых для точного прогнозирования меняющейся потребности в этих местах. Возможно, вы даже думаете, что такая демографическая работа способствует установлению культуры безопасности, ведь родители не берут на себя ответственность за будущее своих детей. В Великобритании и некоторых других богатых странах был издавна развитый частный сектор школьного образования, и элита на протяжении поколений брала на себя ответственность за подбор школы для своих детей. Продолжат ли такие школы работать или закроются, будут успешны или потерпят крах, определялось рыночным механизмом.

В таком случае новая школа открывается, если есть кто-то достаточно предприимчивый, чтобы её открыть, и закрывается, если большое число родителей решают больше не отправлять в неё своих детей учиться. Никакого государственного планирования не нужно, раз рынок, как считается, обеспечивает высокое качество школьного образования. Но поскольку у большинства людей нет достаточного дохода, чтобы оплачивать это «высокое качество», части общества требуется помощь [Kirby 2016]. В 1950-е гг. Милтон Фридман, не будучи тогда ещё столь известным учёным, доказывал, что необходимо ввести систему школьных ваучеров, чтобы родители, у которых нет достаточной суммы денег, чтобы воспользоваться услугами частного сектора, могли вести себя так, будто она у них есть, хотя в распоряжение им давалось бы гораздо меньше средств. Деньги последуют за ребёнком в школу, а её выбор должен стать доступным. Успешные школы смогут устанавливать планку и принимать только тех детей, которые продемонстрируют достаточные способности к учёбе. Неуспешными школы окажутся из-за решений родителей не отправлять в них своих детей. Чтобы такой рынок работал, школьных мест должно быть больше, чем детей, но это была бы цена, которую стоит заплатить за общий рост эффективности вследствие внедрения механизма выживания наиболее приспособленных.

Шестьдесят лет спустя в школьной системе Великобритании мест больше, чем учеников. Большинство государственных средних школ скоро станут так называемыми академическими школами, и у них появится возможность отказывать в обучении местным детям в возрасте 16 лет, если школа сочтёт, что их результаты недостаточно хороши (в том числе детям, которые учились в школе с 11 лет). Этим детям придётся искать место в другой школе, и деньги на обучение последуют за ними туда. В рамках этой системы считается, что прогнозы будущей потребности школ в местах только вносят сумятицу: всё решит рынок, а не плановики и демографы.

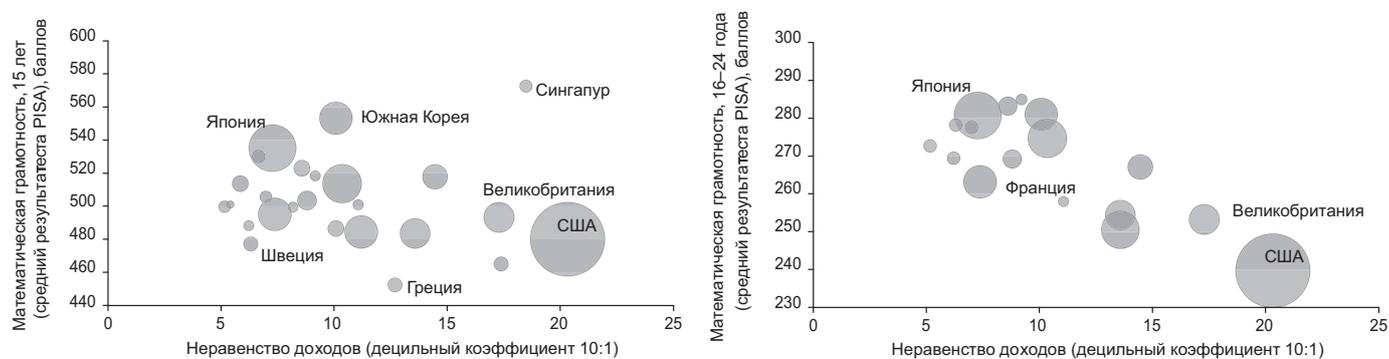
Впрочем, такой подход подвергся массивной критике, и это уберегло большинство богатых стран от следования совету Фридмана. Одна из проблем его системы состоит в том, что родители и дети не являются информированными потребителями образования и не могут ими быть. У родителей обычно есть только собственный уникальный опыт школьного обучения целое поколение назад и мало сведений о том,

⁷ Ofsted (Office for Standards in Education) — Комитет по стандартам в сфере образования. — *Примеч. перев.*

каковы другие школы. Дети же по определению не могут опереться ни на какой опыт, чтобы понять, какой будет школа в следующем году или ещё через год. Школьное образование — это не покупка одежды, на ошибках не научишься. Гораздо лучше попытаться сделать так, чтобы каждая школа была хорошей, и минимизировать расстояние, которое детям нужно ежедневно преодолевать, чтобы посещать школу, в особенности если им приходится добираться туда пешком или на велосипеде и их никто не довозит.

В ответ на эту критику защитники свободных школ и свободного их выбора пытаются заверить, что сегодня доступно огромное количество информации о школах, чтобы потребители (школьники) и их родители (или опекуны) стали информированными. То же касается и университетского образования. Рейтингов учебных заведений всё больше, и даже начали проводиться исследования удовлетворённости учеников и студентов получаемым образованием. Всё важнее для школ становятся результаты экзаменов⁸. При этом стрессом, который переживают из-за них дети (и их учителя), пренебрегают⁹. Трудных детей исключают, чтобы улучшить результаты школы. Парадоксально, что, несмотря на вытеснение демографии из школьного планирования, количество статистических данных (многие из которых могут представляться так, что вводят в заблуждение) о школах резко возросло. Но делает ли этот рынок школы лучше?

Два графика на рисунке 5 показывают средний результат по математике детей и молодых людей в богатых странах, которых тестировали в 15 лет и затем ещё раз до 24 лет. Каждая страна изображена кругом, размер которого пропорционален численности её населения. Чем выше страна на графике, тем лучше результаты её детей и молодых людей по математике при прохождении стандартизированного международного теста. Почти такие же результаты получаются при проверке способности решать задачи и грамотности [Stotesbury, Dorling 2015]. Взгляните на графики и подумайте, что они говорят о трендах в образовании в разных странах в последние десятилетия. Чем правее расположена страна на графике, тем выше в ней уровень экономического неравенства.

Источник: [Stotesbury, Dorling 2015].

Рис. 5. Математическая грамотность в самых богатых странах мира в 2012 г., учащиеся в возрасте 15 и 16–24 лет

Результаты британских и американских детей в возрасте 15 лет по математике немного хуже, чем у остальных, но резко ухудшаются, когда дети взрослеют, и тогда связь этих результатов с экономическим неравенством становится значительно яснее. Именно в странах с наиболее высоким уровнем неравенства, таких как Великобритания и США, больше всего частных школ, и именно эти страны в последние десятилетия дальше всех ушли по пути свободного выбора школы.

⁸ Многие школы неизбежно пытаются манипулировать этими результатами и хотят избавиться от плохо успевающих школьников. Другие же показывают хорошие результаты только в силу демографических характеристик набора, при этом некоторые из детей могли бы добиться лучших результатов в «менее хорошей» школе.

⁹ Это заметно по прогрессирующему ухудшению психического здоровья детей в США и Великобритании за последние 30 лет, что не так сильно заметно в других странах Европы.

Демография влияет на образование и образовательную политику. Число студентов, претендующих на учёбу в университетах, зависит от показателя рождаемости за предыдущие 18 лет. Увеличение набора иностранных студентов может компенсировать — на более интернационализованном рынке образования — падающее число собственных студентов. Однако гораздо легче повысить долю своих молодых людей, которые могут идти в университет. Когда университетское образование перемещается на рынок частных услуг, молодые люди становятся товаром, и демография чрезвычайно важна для такого рынка. Университеты лоббируют специальные правила — студенческие визы, которые позволят им зарабатывать на платном обучении иностранных студентов (или, по крайней мере, не быть убыточными). Так образовательная политика меняет иммиграционную политику и демографию международной миграции.

В США плата за обучение в университете влияет на паттерны миграции, поскольку она ниже для своих студентов, другие расходы которых (например, на жильё) часто также ниже, чем у тех, кто приехал из-за границы. Что касается Великобритании, то, если бы не студенты, мигрирующие сюда ради образования из других европейских стран, общая численность студентов в Англии в последние годы сократилась бы (и, как ожидается, будет сокращаться в следующие несколько лет). За образованием в Великобританию приезжают больше студентов, чем из неё уезжают учиться, частично потому, что английские университеты эффективно себя рекламируют. Другая причина — правила свободного передвижения студентов в Европейском союзе, который предоставляет каждому своему гражданину право приехать в Великобританию и получить студенческий заём (по крайней мере, до тех пор, пока страна остаётся членом ЕС или пока не заключено новое соглашение). В Великобритании платежи в счёт студенческого займа могут вычитаться из зарплаты работающих взрослых только принудительно, поэтому стране удавалось быть привлекательной для студентов из других стран ЕС, которые считают, что им, возможно, никогда не придётся выплачивать долг.

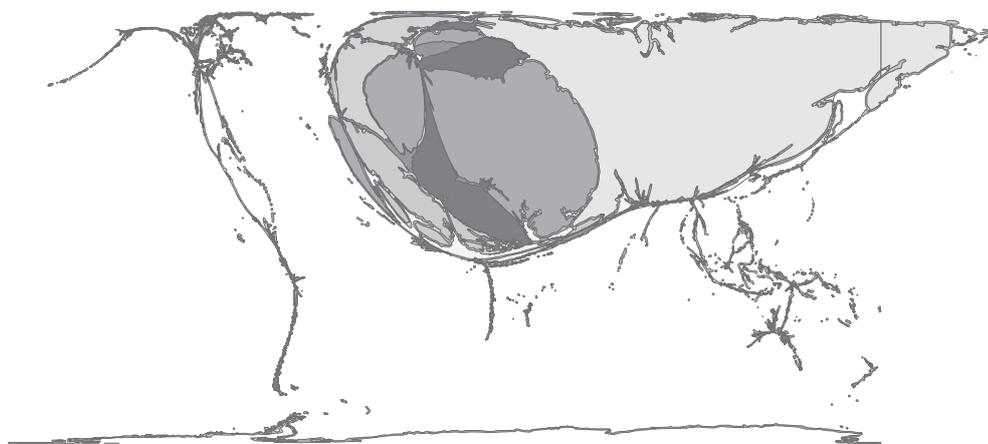
Миграция — самая политически спорная область демографии, потому что она включает идеи о том, что справедливо и несправедливо по отношению к людям, которые часто считаются недостойными чужаками. Позднее в данной главе мы вернёмся к этой теме, однако следует оговориться, что политические факторы, влияющие на рождаемость и смертность, так же сильно влияют и на демографию.

Культурная идентичность, национализм и сокращение численности населения

На карте, представленной на рисунке 6, территории стран, в которых в 2002 г. регистрировалась естественная убыль населения, изображены пропорционально размеру убыли. Россия на ней большая, так как в тот год здесь было мало рождений и много смертей. Восточная Европа тоже большая, Западная — меньше, поскольку во многих её странах, например — в Великобритании, наблюдался естественный прирост населения, продолжавшийся и в 2018 г.

Детализированная демографическая статистика вроде той, что использовалась для создания рисунка 6, это относительно недавнее изобретение, поскольку политический императив на её производство установился лишь недавно, так же как и недавно появились необходимые для её сбора инструменты. Впрочем, собирать данные по миграции исторически было даже сложнее. Этот процесс начался благодаря усилиям британского демографа Уильяма Фарра, который в 1838–1879 гг. работал в Канцелярии главного регистратора Англии и Уэльса и отвечал за сбор официальной медицинской статистики. Он организовал первую систему регулярной регистрации причин смерти вместе с родом занятий и был комиссаром переписи 1871 г. Его наблюдение, согласно которому миграция не подчиняется почти никаким законам, вероятно, было связано со случайными колебаниями тренда годовой чистой миграции: если она рассчитывается как разница между числами рождений, смертей и реальным изменением численности населения на конкретной территории в выбранный период времени, то не предполагает знания данных отдельно по иммиграции и эмиграции. Учитывая, что Фарр фиксировал свои наблюдения

только первые несколько десятилетий из 160-летнего временного ряда, его наблюдение поразительно пронизательно (см. рис. 7).

Источник: Worldmapper (http://www.worldmapper.org/display_extra.php?selected=370).

Примечание: На карте отражена только естественная убыль населения — места, где в выбранный период смертей было больше, чем рождений. Изменения численности населения из-за миграции здесь не отражены. В странах Западной Европы численность обычно поддерживается за счёт иммиграции. В странах Восточной Европы и в России это не так.

Рис. 6. Регионы мира пропорционально естественной убыли своего населения, 2002 г.

Фарр был президентом Королевского статистического общества в 1871–1873 гг., и его замечания подтолкнули Эрнста Георга Равенштайна, сотрудника Королевского географического общества, сформулировать свои «Законы миграции», опубликованные в журнале Королевского статистического общества («Journal of the Royal Statistical Society») в 1885 и 1889 гг. (см. обзор: [Grigg 1977a, b]). Хотя законы Равенштайна (например, закон о том, что люди уезжают отсюда, где дела идут плохо, туда, где они идут лучше) не были опровергнуты, ни один из них не объясняет явно случайные колебания трендов чистой миграции, на которые, скорее всего, указывал Фарр. Это неудивительно, ведь ни Фарру, ни Равенштайну не были доступны данные, необходимые для понимания балансов чистой миграции, в частности временные ряды хороших качественных данных протяжённостью свыше 150 лет, которые представлены на остальных рисунках в этой главе.

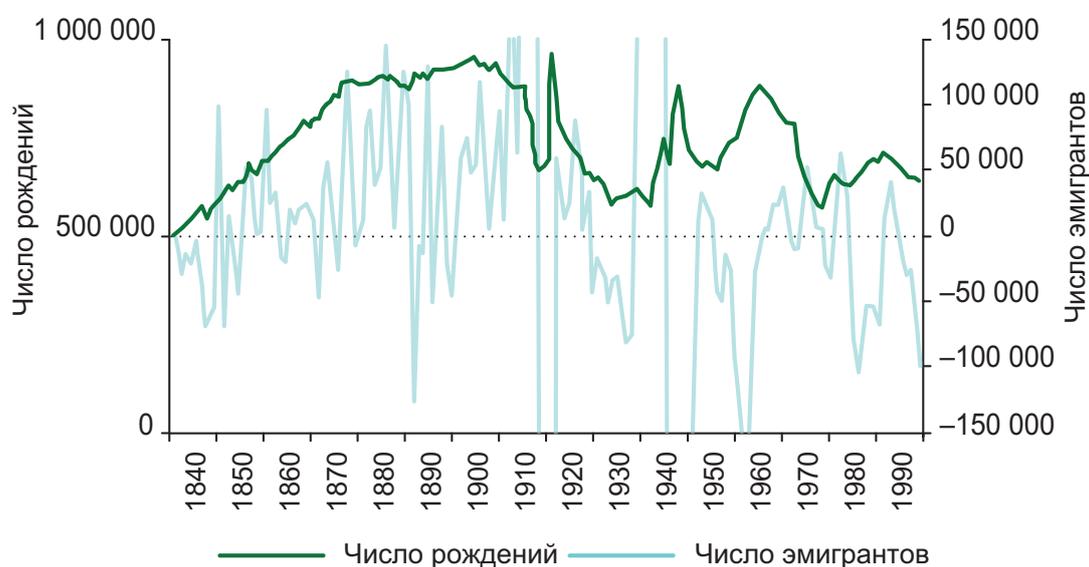
Чтобы завершить эту главу формулировкой очень злободневной демографической дилеммы, мы расскажем о методе оценки миграции по возрастным когортам, а не по временным периодам. Основываясь на исследовании, проведённом несколько лет назад одним из нас совместно с профессором Йеном Ригби [Dorling, Rigby 2007], мы предполагаем, что в последние два столетия в нескольких богатых странах миграционные паттерны были приблизительно предсказуемы, если учитывать предшествующие показатели рождаемости соответствующих когорт за время их жизни. Благодаря помощи Йена Ригби мы обнаружили, что, видимо, случайные колебания трендов чистой миграции обусловлены краткосрочными событиями и их агрегированное влияние за время жизни когорты стремится к нейтрализации.

Чистая пожизненная миграция по когортам

При изучении когортной миграции акцент обычно делается на здоровье или социальных условиях конкретных групп мигрантов [Harding 2004]. Более широкий круг структурных проблем исследовался в ряде важных работ Т. Хаттона и Дж. Уильямсона, наблюдавших позднее на материале многих стран за влиянием когорт на миграцию и выдвинувших тезис, согласно которому «показатель рождаемости с отставанием 20 лет свидетельствует о размере когорты молодых взрослых, имеет положительное влия-

ние, и оно значительно. Это наводит на мысль, что до половины дополнительных рождений в конечном счёте выплёскивается в эмиграцию» [Hatton, Williamson 2002: 11].

Вопрос о том, может ли повышенная иммиграция компенсировать низкие показатели рождаемости, начали обсуждать немногим больше 10 лет назад [UNPD 2001; Rauhut 2004;]. Что касается общей проблемы когортных трендов, то изучалось влияние года рождения человека на его жизненные шансы¹⁰. Заслуга популяризации этой темы принадлежит Ричарду Истерлину [Easterlin 1980], однако важность года рождения для общих миграционных трендов не получила широкого признания. Богатые страны склонны замещать низкую рождаемость иммиграцией, но это не может продолжаться долго из-за замедления роста численности населения во всем мире. Если мы рассматриваем чистую миграцию по когортам (*net cohort migration*), то очевидным становится влияние изменения размера возрастной когорты (*birth cohort*) на объем и направление миграции, по крайней мере, в случае некоторых из наиболее богатых стран мира в период роста мирового населения. Чистая эмиграция — это превышение числа эмигрантов над числом иммигрантов (см. рис. 7). Этот тренд выстраивается по второй оси, и его гораздо сложнее описать, порой он выходит за пределы графика из-за широких колебаний. Если бы Фарр жил после 1883 г., он, возможно, заметил бы восходящий тренд XIX века с пиками эмиграции в 1850, 1852, 1856, 1860, 1865, 1873, 1877, 1882, 1885, 1889 и 1897 гг. Между этими датами чистая эмиграция из Англии и Уэльса часто очень быстро принимала отрицательные значения, поскольку въезжало больше людей, чем выезжало. Сами даты до некоторой степени произвольны, поскольку для этого тренда чистой миграции характерна фрактальность: при ближайшем рассмотрении между пиками каждого максимума и минимума обнаруживаются меньшие пики [Mandelbrot 1982]. В XX веке только в один год в мирное время эти потоки были столь же велики: в 1961 г. приток составил только 202 тыс. человек. Однако этот рекорд превзошли 223 тыс. человек в 2004 г. [Chappell 2005], а затем ещё несколько раз в следующем десятилетии. Обратите внимание, что последние пики чистой эмиграции в 1974, 1981 и 1992 гг. совпадали с периодами экономической рецессии.

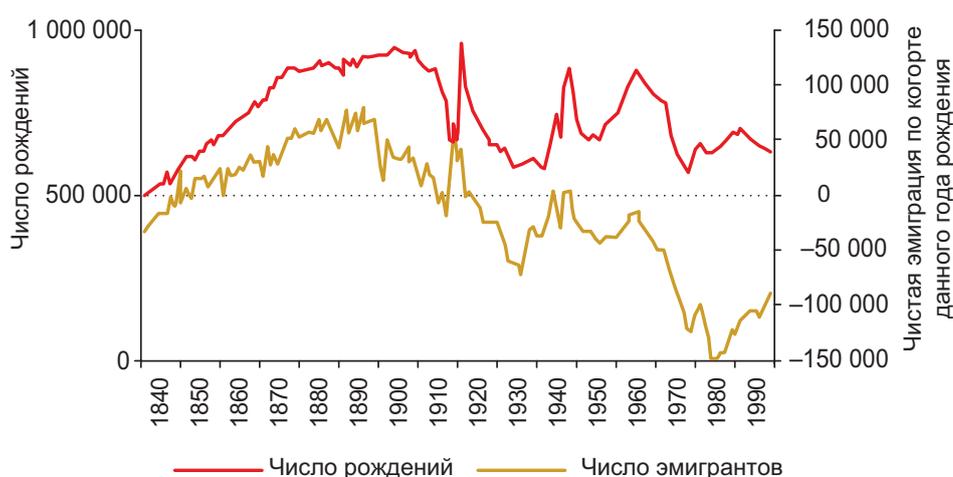
Источник: [Dorling, Rigby 2007].

Примечание: Левая ось — совокупное число рождений за год; правая ось: годовая чистая эмиграция = число рождений — число смертей — изменение населения. Для облегчения сравнения с трендом числа рождений она изображается как положительная, когда отток населения выше, чем приток.

Рис. 7. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция, Англия и Уэльс, 1840–2000 гг.

¹⁰ Очевидный пример — шансы ребёнка поступить в университет в Китае меньше, если дата его рождения приходится на год, когда выше показатель рождаемости.

На рисунке 8, похожем на рисунок 7, чистая миграция обозначена как «число эмигрантов» и измерялась не в течение каждого отдельного года, а за время жизни людей каждого года рождения. Чистая миграция по когортам показывает, сколько людей определенного года рождения умирают в конкретном месте по сравнению с общим числом родившихся там в тот же год. Проще всего её посчитать, вычтя из общего числа рождений на заданной территории в определённый год число зарегистрированных на этой территории смертей людей этого года рождения в последующие 100 лет. Это объём эмиграции за вычетом иммиграции за время жизни возрастной когорты. В оценках чистой миграции по когортам после 1900 г. мы в основном полагаемся на официальные прогнозы численности населения. Рисунок 8 можно читать так же, как рисунок 7, только вместо чистой миграции за период будет когорта (здесь эмигранты — это чистые когортные эмигранты, то есть эмигранты — иммигранты).

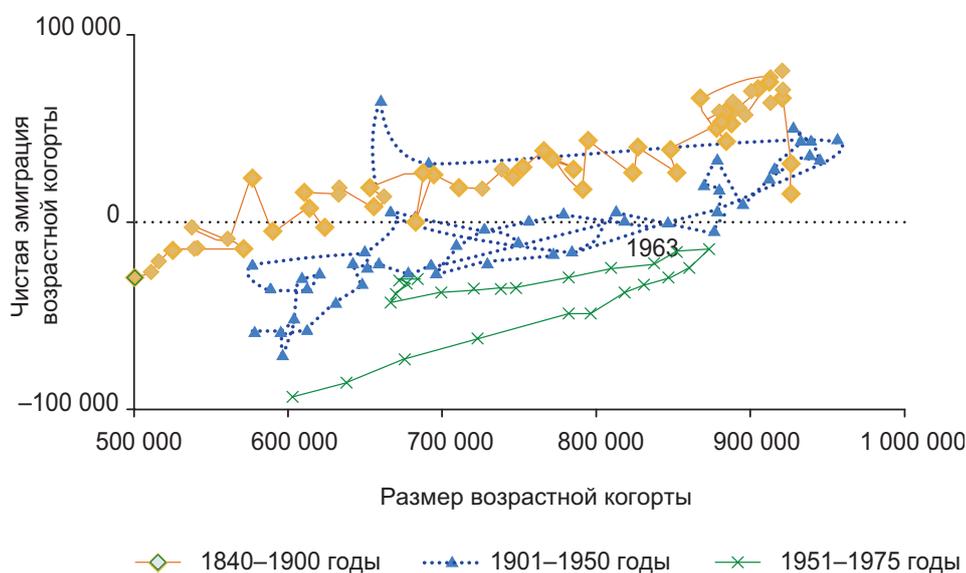
Источник: [Dorling, Rigby 2007].

Примечание: Левая ось — совокупное число рождений за год; правая ось: чистая эмиграция по когортам = число рождений — число последующих смертей людей, рождённых в тот же год.

Рис. 8. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция по когортам, Англия и Уэльс, 1840–2000 гг.

Если подробно изучить период после 1850 г. и соответствие между трендом рождений и чистой миграцией по когортам, то можно заметить, что эмиграция впервые достигает пика на отметке свыше 50 тыс. человек в год (родившихся в конкретный год) для года рождения, когда рост числа рождений впервые приостанавливается, то есть для 1876 г. По времени это совпадает с ростом общественной осведомлённости о контроле рождаемости в связи с судебным делом Бредлоу — Безант, 1877 г. (судебное преследование за публикацию брошюры о контроле рождаемости). Этот рост является причиной приостановки подъёма кривой рождений: «Если раньше отложенные браки и невступление в брак были единственными факторами, сокращающими число детей, рождённых каждой женщиной, то к концу XIX и началу XX веков более распространённым стало использование в браке традиционных методов контрацепции (воздержание и прерывание)» [Chappell 2005: 5]. В последующие годы число рождений в абсолютном выражении будет расти лишь незначительно и это, несмотря на то что число потенциальных матерей выросло намного. Ещё позднее абсолютное число рождений в год будет падать, за исключением периодов сразу после Первой и Второй мировых войн и 1960-х гг., то есть десятилетия, на которое пришлось эхо предшествовавшего бэби-бума. Как и число рождений, показатели чистой эмиграции позднее медленно колеблются, но достигают максимума: 70 тыс. рождённых в 1898 г. и умерших не на родине. Начиная с последних викторианских возрастных когорт, на рубеже веков чистая эмиграция быстро сокращается. Этот тренд зеркально отражает тенденцию рождений несколькими годами позднее. У этих когорт меньше мотивации переезжать, поскольку они замещают

смерти, связанные с Первой мировой войной, и меньше ощущают давление конкуренции (на работе и дома) со стороны более молодых из-за их сравнительной малочисленности. Так Англия и Уэльс становятся чистыми импортёрами людей. Благодаря иммиграции Виндраш¹¹ из стран Карибского бассейна на когорту 1935 года рождения пришёл пик: в стране умерло на 70 тыс. представителей этой когорты больше, чем родилось. Начиная с когорты 1965 года рождения оценки более проблематичны, поскольку основаны на случившихся событиях лишь первых 35 лет жизни этой когорты и на официальных прогнозах на период с 35 до чуть более чем 60 лет с предполагаемой нулевой чистой миграцией после 60 лет. Рисунок 9 кажется сложным, но нужно лишь немного терпения, чтобы в нём разобраться. Он всего лишь иначе отображает информацию, представленную на рисунке 8. Бывшая левая ось (совокупное число рождений) становится осью *X*, а правая ось (чистая миграция по когортам) становится осью *Y*. Рисунок 9 наводит на мысль, что, когда рождений больше, больше людей эмигрируют и выше вероятность того, что будет чистая эмиграция, а не чистая иммиграция. Исходя из этой взаимосвязи, можно выделить ряд отличающихся друг от друга периодов.

Источник: [Dorling, Rigby 2007].

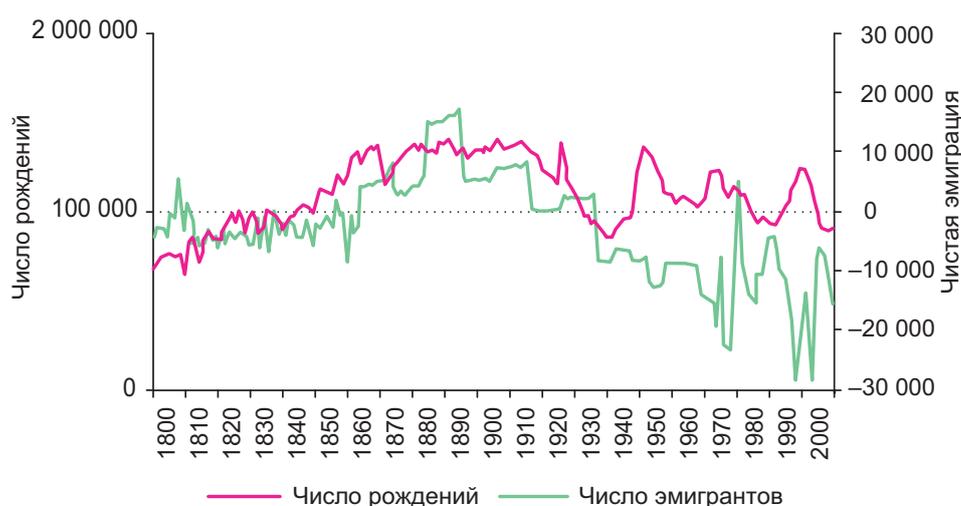
Примечание: Линиями соединены точки следующих друг за другом годов.

Рис. 9. Ежегодное число рождений в сравнении с чистой эмиграцией по когортам, Англия и Уэльс, 1840–1975 гг.

Первый период: 1840–1900 гг. Самый левый ромб на рисунке 9 обозначает 1840 г., когда родились чуть больше 500 тыс. детей (см. ось *X*) и дополнительные 32 тыс. человек этого года рождения въехали и впоследствии умерли на территории этих стран (см. ось *Y*). Ромбами, расположенными справа от этой исходной точки и последовательно соединёнными линией, обозначены 1841, 1842, 1843 гг. и др. Обычно каждый год рождалось все больше детей, меньше людей въезжало в эти страны и всё больше людей из них эмигрировали — так продолжалось до 1898 г. Последние два ромба этого ряда представляют рождённых в 1899 и 1900 гг. Этот тренд внезапно прерывается в 1899 г., поскольку мальчики этого года рождения в 1914 г. были слишком молоды, чтобы мигрировать во Францию, откуда многие не вернулись [Brittain 1933]. Второй период, обозначенный на графике треугольниками, охватывает детей, рождённых в 1901–1950 гг. В этот период больше нетипичных годов (отчасти из-за пиков рож-

¹¹ В 1948 г. иммигрантам из стран Содружества и колоний было предоставлено право проживать в Великобритании и получать гражданство. Последовавшая за этим волна иммиграции в Великобританию из стран Карибского бассейна, а позднее из Южной Азии и Индии получила название по имени лайнера «Empire Windrush», на котором в том же 1948 г. в страну прибыла первая группа трудовых мигрантов с Ямайки. — *Примеч. перев.*

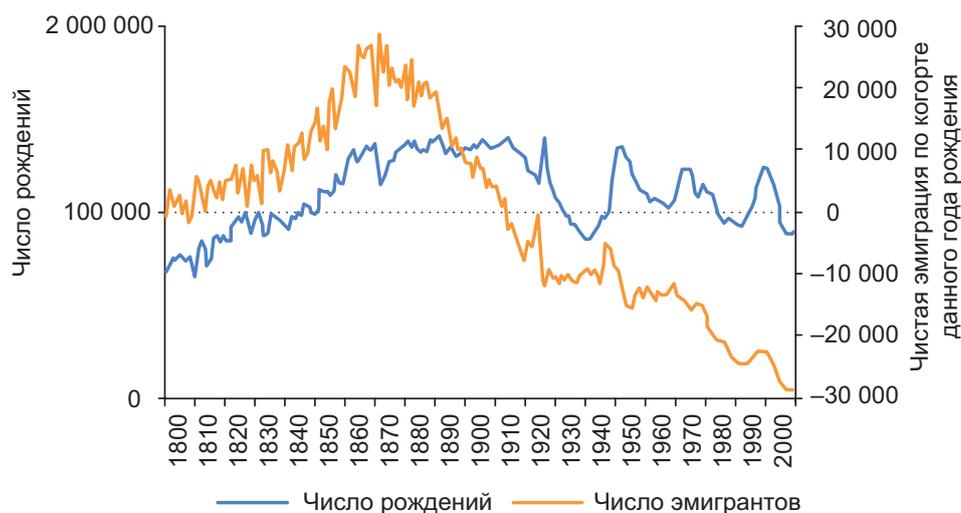
дений на следующий год после возвращения выживших мужчин с войны в 1919 и 1947 гг.). Но в целом треугольники находятся на линии примерно на 50 тыс. эмигрантов ниже, чем тренд 1840–1900 гг. Исходя из этого можно было бы составить два простых уравнения: одно из них приблизительно предсказывало бы число пожизненных эмигрантов (*lifetime emigrants*) из когорт 1840–1898 гг. рождения, а другое — то же самое для новой эпохи 1899–1950 гг. Третий период: 1951–1975 гг. В нижней части рисунка 9 и правее отмечен 1963 г. Читатели, возможно, помнят начало стихотворения Филипа Ларкина «Год чудес» («*Annus Mirabilis*»¹²): «Совокупления начались в 1963 году (поздновато для меня)». Начиная с 1953 г. число рождений постепенно и неуклонно росло каждый год. После 1963 г. благодаря широкой доступности противозачаточных таблеток стало гораздо легче заниматься сексом без зачатия детей и теперь число рождений сокращалось каждый год. Детям, родившимся в 1963 г., в 1990 г. было 27 лет — тот возрастной период, когда молодые люди принимают решение эмигрировать. Но в 1991, 1992 гг. и последующих спрос на 27-летних вырос. Эмигрировало меньше людей, а иммигранты были более желанными — для них имелась работа. Крестики на рисунке 9 обозначают 1951–1975 гг., и это наиболее показательная часть графика. Пока в 1955–1963 гг. число рождений росло, чистая пожизненная иммиграция ежегодно сокращалась, а затем, когда после 1963 г. число рождений начало ежегодно сокращаться, иммиграция стала расти. Самый последний тренд движется вниз по оси Y к чистой пожизненной иммиграции почти 100 тыс. человек, родившихся в 1975 г. Впрочем, этот тренд уже сильно зависит от актуарных оценок будущей численности населения и смертности. Для того чтобы повторить приведённый выше анализ, в мире крайне мало стран, у которых есть качественные многолетние ряды демографических данных, большое население и детализированные прогнозы его будущего. Швеция удовлетворяет этим критериям: данные учёта населения у неё лучше, чем у Англии и Уэльса. Повтор трендов на её материале очевиден — это демонстрируется графиками (см. рис. 10–12), являющимися шведскими эквивалентами графиков, представленных на рисунках 7–9. Насколько эта работа позволяет что-то предсказать, станет ясно лишь в будущем; для этого, к сожалению, потребуется много времени. Однако мы знаем, что миграция, замещающая рождаемость, не может продолжаться в долгосрочной перспективе. Как показано на рисунке 9, последняя когорта, которую мы уверенно включаем в анализ, это рождённые в 1975 г. Тем не менее упомянутая ранее предварительная верхняя оценка чистой эмиграции для 2004 г. в 223 тыс. человек совпадает с провалом кривой рождений в 1976 г. (то есть 28 годами ранее, а 28 лет — вполне реалистичный вариант среднего возраста миграции) и подтверждает результат этого анализа. Важно помнить, что мы говорим о чистых числах по когортам.

Источник: Построено авторами на основе данных из World Mortality Database; методы изложены в работе: [Dorling 2009].

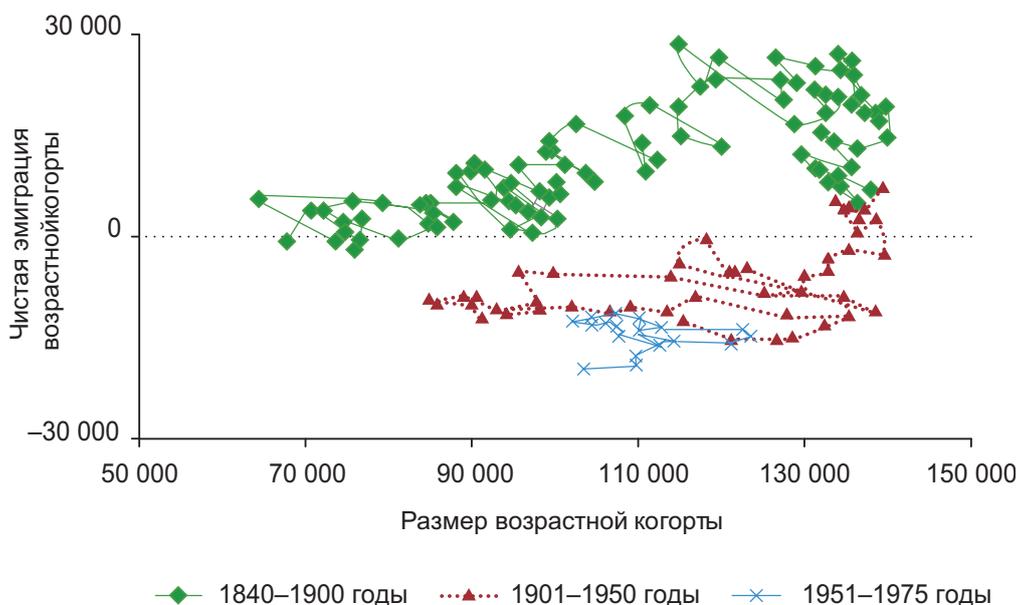
Рис. 10. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция, Швеция, 1800–2000 гг.

¹² Латинское выражение, применяемое к нескольким календарным годам, отмеченным необычными важными и позитивными событиями. — *Примеч. ред.*

Источник: Построено авторами на основе данных из World Mortality Database, методы изложены в работе: [Dorling 2009].

Рис. 11. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция по когортам, Швеция, 1800–2000 гг.

Источник. Построено авторами на основе данных из World Mortality Database, методы изложены в работе: [Dorling 2009].

Рис. 12. Ежегодное число рождений в сравнении с чистой эмиграцией по когортам, Швеция, 1840–1975 гг.

В конечном счёте поведение людей оказывается относительно предсказуемым на протяжении их жизней в качестве группы: если для них есть место, если они желанны и на них есть спрос, то они приедут. Если они уезжают, то более вероятно, что они вернуться, и т. д. Так что размер их возрастной когорты очень точно предсказывает их миграционное поведение до самой смерти. Этот процесс удивительно последователен, учитывая, что он происходил на протяжении очень долгого периода огромного экономического роста и глубоких изменений. Опираясь на эти результаты, можно предположить, что Британская империя была создана ценой, которую Англия и Уэльс платили с 1840 г. и до того, как когорта 1898 года рождения повзрослела, то есть ценой чистого экспорта и невозвращения примерно 50 тыс. человек в год из каждой возрастной когорты. Сюда входит эмиграция в Канаду, Австралию, Новую Зеландию и США (хотя эти последние и не были частью империи). Предположение о 1898 г.

как о критической точке можно считать хорошо подкреплённым статистически, ведь эта дата была так давно, что по ней есть практически полные данные (то есть оценки основаны на реальных смертях, а не на прогнозах будущих смертей). Эти результаты, помимо прочего, подтверждают, что, возможно, текущие официальные демографические прогнозы некорректны, так как опираются на допущение, что показатели чистой иммиграции ниже уровня, необходимого для замещения уменьшающихся когорт. Однако опять же это удастся оценить только в далёком будущем [Morris 2004]. Впрочем, в течение 10 лет после того, как Йен Ригби и Дэнни Дорлинг впервые предложили эти идеи, чистая миграция в самом деле была очень высокой, и немногие связали это с сексом (с гораздо лучшей контрацепцией), начавшимся в 1963 г.! Человеческие существа не похожи на других животных, по крайней мере, на большинство из них. Только одно животное немного напоминает нас общественностью: голый землячок (лат. *Heterocephalus glaber*), являющийся эусоциальным¹³ млекопитающим (у него есть семейная структура, схожая с аналогичными структурами у пчёл и муравьёв). Голые землячки подчиняют свои индивидуальные интересы только интересам своей колонии. Мы же способны подчинить свои интересы даже интересам полных незнакомцев: посылая деньги на благотворительность, принимая беженцев, добровольно становясь живыми щитами [Monbiot 2015].

Когда происходит миграция, людям требуется несколько лет, чтобы научиться любить своих новых соседей. Через поколение люди начинают говорить о соседях, чьи родители родом из других мест, что те совсем как они сами, заключают с ними браки и смешиваются. Когда люди говорят о националистической позиции, они имеют в виду идентификацию с группой других, которых они называют «мы», но с которыми они часто не связаны генетически. И людей легко подтолкнуть к тому, чтобы думать о других группах, которые могут быть очень похожи на них генетически, как о «чужих». Во время Первой мировой войны широко использовался дегуманизирующий термин «гунн», чтобы сподвигнуть британских солдат стрелять в немцев. При этом кайзер Вильгельм II и король Георг V на самом деле были двоюродными братьями. Генетическую вариабельность ДНК у человеческих популяций можно использовать, чтобы выяснить паттерны общего происхождения и, следовательно, возможные паттерны миграции. Около 30% генетических вариаций в белых британцах имеют немецкое происхождение [Devlin 2015]. В каком-то смысле за последние 100 лет мы очень мало чему научились. Век назад, в 1917 г., Америка вступила в Первую мировую войну, так как поверила в телеграмму Циммермана, в которой утверждалось, что Мексика близка к тому, чтобы выступить на стороне Германии. Сегодня президент США рассуждает о строительстве стены вдоль мексиканской границы, а сторонники Брексита в Великобритании снова уничижительно высказываются о Германии, но и Германия, и Мексика выглядят более оптимистичными. И в то же время в марте 2017 г. люди в Нидерландах на первых после Брексита значимых европейских выборах твёрдо отвергли политику ксенофобии, а поддерживающая иммиграцию партия «Зелёные левые» увеличила количество мест в нидерландском парламенте в четыре раза. Результат британских парламентских выборов в июне 2017 г. был ещё более ярким. Главным образом благодаря новоприобретённой поддержке со стороны молодёжи популярность Лейбористской партии в мае 2017 г. оказалась в три раза больше, чем когда-либо ранее в месяц голосования. Отнять больше голосов у консерваторов, чем тогда, ей удалось только на выборах 1945 г.: в результате в парламенте ни одна партия не получила большинства. И наше понимание демографии, и её политика постоянно меняются.

¹³ Эусоциальность — самый высокий уровень организации животной социальности. Он определяется следующими характеристиками: совместная забота о потомстве, в том числе о потомстве других особей, сосуществование поколений в рамках колонии взрослых и разделение труда.

Литература

- 2020 Delivery. 2017. Deaths in the UK have Risen by 50 000 Per Year Since 2011. *Why?* 11 January. URL: <http://www.2020delivery.com/news/2017-mortality-analysis>
- Asia One News. 2008. *Maid Employer's Nightmare*. 23 December. URL: <http://news.asiaone.com/News/AsiaOne+News/Singapore/Story/A1Story20081223-110002.html>
- Bingham J. 2015. Tory Two-Child Limit on Benefits 'Fundamentally Anti-Family' — Faith Leaders. *The Telegraph*. 10 November. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/11986399/Tory-two-child-limit-on-benefits-fundamentally-anti-family-faith-leaders.html>
- Brittain V. 1933. *Testament of Youth*. London: Penguin.
- Chappell R. (ed.) 2005. *Focus on People and Migration 2005*. National Statistics Publication. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Clarke H. D., Goodwin M., Whitely P. 2017. *Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davey Smith G. 2012. Epigenesis for Epidemiologists: Does Evo-Devo have Implications for Population Health Research and Practice? *International Journal of Epidemiology*. 41 (1): 236–247. URL: <https://doi.org/10.1093/ije/dys016>
- Devlin H. 2015. Genetic Study Reveals 30% of White British DNA has German Ancestry. *The Guardian*. 18 March. URL: <https://www.theguardian>
- Dorling D. 2009. *Migration: A Long-Run Perspective*. London: IPPR. URL: http://www.dannydorling.org/wp-content/files/dannydorling_publication_id1834.pdf
- Dorling D. 2013. *Unequal Health*. Bristol: Policy Press.
- Dorling D. 2016. Austerity, Rapidly Worsening Public Health across the UK, and Brexit. *PSA Political Insight Blog*. 11 July. URL: <https://www.sa.ac.uk/insight-plus/blog/austerity-rapidly-worsening-public-health-across-uk-and-brexit-0>.
- Dorling D., Rigby J. 2007. Net Cohort Migration in England and Wales: How Past Birth Trends May Influence Net Migration. *Population Review*. 46 (2): 51–62.
- Easterlin R. A. 1980. *Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare*. New York: Basic Books.
- Grigg D. 1977a. Ernst Georg Ravenstein, 1834–1913. *Geographers Bibliographical Studies*. 1: 79–88.
- Grigg D. 1977b. E. G. Ravenstein and the 'Laws of Migration'. *Journal of Historical Geography*. 3 (1): 41–54.
- Harding S. 2004. Mortality of Migrants from the Caribbean to England and Wales: Effect of Duration of Residence. *International Journal of Epidemiology*. 33 (2): 382–386.
- Hatton T. J., Williamson J. G. 2002. What Fundamentals Drive World Migration? *NBER Working Paper*. No. 9159.

- Hodal K. 2012. Singapore's Maids to Get a Day Off. *The Guardian*. 6 March. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/mar/06/singapore-maids-one-day-off-a-week>
- Kaufman J. 2006. *The Anatomy of a Medical Myth. Is Race 'Real'?* Web Forum of the Social Science Research Council. URL: <http://raceandgenomics.ssrc.org/Kaufman>
- Kirby P. 2016. *Leading People 2016*. London: The Sutton Trust. URL: <http://www.suttontrust.com/researcharchive/leading-people-2016>
- Mandelbrot B. B. 1982. *The Fractal Geometry of Nature*. San Francisco: W. H. Freeman. См. также: Мандельброт Б. 2010. *Фрактальная геометрия природы*. М.: Ин-т компьютерных исследований.
- Monbiot G. 2015. We've Almost Stopped Killing Each Other. Now Let's Spare the Planet. *The Guardian*. 15 December. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/dec/15/killing-planet-george-monbiot>
- Morris D. 2004. *Morris Review of the Actuarial Professional, Interim Assessment*. London: HMSO.
- National Archives. 2017. *The Changing Census, 1801–1901*. UK National Archives Repository. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/census/events/census3.htm>
- Palen J. J. 1986. Fertility and Eugenics: Singapore's Population Policies. *Population Research and Policy Review*. 5 (1): 3–14.
- Pearl R. 1927a. Differential fertility. *The Quarterly Review of Biology*. 2 (1): 102–118.
- Pearl R. 1927b. The Biology of Superiority. *The American Mercury*. 12 (47): 257–266.
- Rauhut D. 2004. *Replacement Migration to Sweden: An Overview of Possible Sender Countries*. Östersund, Sweden: ITPS; Swedish Institute for Growth Policy Studies.
- Sian G. L. 2015. Atmosphere of Fear Prevents Pregnant Maids from Seeking Help. *The Straits Times*. 28 October. URL: <http://www.straitstimes.com/forum/letters-on-the-web/atmosphere-of-fear-prevents-pregnant-maids-from-seeking-help>
- Stone J. 2016. Child Poverty Rises by 200,000 on Previous Year, Official Figures Show. *The Independent*. 28 June. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/child-poverty-increase-tories-200000-per-cent-2014-2015-official-figures-dwp-stephen-crabb-a7107306.html>
- Stotesbury N., Dorling D. 2015. Understanding Income Inequality and Its Implications: Why Better Statistics are Needed. *Statistics Views*. 21 October. URL: <http://www.statisticsviews.com/details/feature/8493411/Understanding-Income-Inequality-and-its-Implications-Why-Better-Statistics-are-N.html>
- UNESCO. 2017. *1703 Census of Iceland: Documentary Heritage Submitted by Iceland and Recommended for Inclusion in the Memory of the World Register in 2013*. Online UNESCO Repository. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-1/1703-census-of-iceland/>

UNPD. 2001. *Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?* Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, New York. URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/ExecSumnew.pdf>

USCB. 2017. *1790 Overview, Census Day August 2nd 1790*. United States Census Bureau Online Repository. URL: https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/overview/1790.html

Wilkinson R., Pickett K. 2009. *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London: Allen Lane.

Wright A. 2017. *Domesday Book: Beyond the Censors*. Kibworth Beauchamp, UK: Matador.

NEW TRANSLATIONS

Danny Dorling, Stuart Gietel-Basten

Why Demography Matters (excerpt)

DORLING, Danny — the Halford Mackinder Professor in the School of Geography and the Environment at the University of Oxford. Address: South Parks Road, Oxford, OX1 3QY, United Kingdom.

Email: danny.dorling@ouce.ox.ac.uk

GIETEL-BASTEN, Stuart — Professor of Social Science and Public Policy in the School of Humanities and Social Science at the Hong Kong University of Science and Technology. Address: Clear Water Bay, Kowloon, Hong Kong.

Email: sgb@ust.hk

Source: Dorling D., Gietel-Basten S. 2018. *Why Demography Matters*. Cambridge, UK; Medford, USA: Polity Press.

Abstract

Demography is not destiny. As Giacomo Casanova explained over two centuries ago: ‘There is no such thing as destiny. We ourselves shape our own lives.’ Today we are shaping them and our societies more than ever before. Globally, we have never had fewer children per adult: our population is about to stabilize, though we do not know when or at what number, or what will happen after that. It will be the result of billions of very private decisions influenced in turn by multiple events and policies, some more unpredictable than others. More people are moving further around the world than ever before: we too often see that as frightening, rather than as indicating greater freedom. Similarly, we too often lament greater ageing, rather than recognizing it as a tremendous human achievement with numerous benefits to which we must adapt.

The Journal of Economic Sociology publishes the chapter eight “Population and Politics,” where the authors discuss the political demography. Here they address eugenics, in both its historical and contemporary manifestations, and then look again at migration and past fertility patterns that may influence it.

Keywords: demography; politics; migration; education; population decline; history.

References

- 2020 Delivery. (2017) Deaths in the UK have Risen by 50 000 Per Year Since 2011. *Why?* 11 January. Available at: <http://www.2020delivery.com/news/2017-mortality-analysis> (accessed 15 March 2021).
- Asia One News. (2008) *Maid Employer’s Nightmare*. 23 December. Available at: <http://news.asiaone.com/News/AsiaOne+News/Singapore/Story/A1Story20081223-110002.html> (accessed 15 March 2021).
- Bingham J. (2015) Tory Two-Child Limit on Benefits ‘Fundamentally Anti-Family’ — Faith Leaders. *The Telegraph*. 10 November. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/11986399/Tory-two-child-limit-on-benefits-fundamentally-anti-family-faith-leaders.html> (accessed 15 March 2021).
- Brittain V. (1933) *Testament of Youth*, London: Penguin.
- Chappell R. (ed.). (2005) *Focus on People and Migration 2005*. National Statistics Publication, Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Clarke H. D., Goodwin M., Whitely P. (2017) *Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Davey Smith G. (2012) Epigenesis for Epidemiologists: Does Evo-Devo have Implications for Population Health Research and Practice? *International Journal of Epidemiology*, vol. 41, no 1, pp. 236–247.
- Devlin H. (2015) Genetic Study Reveals 30% of White British DNA has German Ancestry. *The Guardian*. 18 March. Available at: <https://www.theguardian> (accessed 15 March 2021).
- Dorling D. (2009) *Migration: A Long-Run Perspective*, London: IPPR. Available at: http://www.dannydorling.org/wp-content/files/dannydorling_publication_id1834.pdf (accessed 15 March 2021).
- Dorling D. (2013) *Unequal Health*, Bristol: Policy Press.
- Dorling D. (2016) Austerity, Rapidly Worsening Public Health across the UK, and Brexit. *PSA Political Insight Blog*. 11 July. Available at: <https://www.sa.ac.uk/insight-plus/blog/austerity-rapidly-worsening-public-health-across-uk-and-brexite-0> (accessed 15 March 2021).
- Dorling D., Rigby J. (2007) Net Cohort Migration in England and Wales: How Past Birth Trends May Influence Net Migration. *Population Review*, vol. 46, no 2, pp. 51–62.
- Easterlin R. A. (1980) *Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare*, New York: Basic Books.
- Grigg D. (1977a) Ernst Georg Ravenstein, 1834–1913. *Geographers Bibliographical Studies*, vol. 1, pp. 79–88.
- Grigg D. (1977b) E. G. Ravenstein and the ‘Laws Of Migration’. *Journal of Historical Geography*, vol. 3, no 1, pp. 41–54.
- Harding S. (2004) Mortality of Migrants from the Caribbean to England and Wales: Effect of Duration of Residence. *International Journal of Epidemiology*, vol. 33, no 2, pp. 382–386.
- Hatton T. J., Williamson J. G. (2002) What Fundamentals Drive World Migration ? *NBER Working Paper*, no 9159.
- Hodal K. (2012) Singapore’s Maids to Get a Day Off. *The Guardian*. 6 March. Available at: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/mar/06/singapore-maids-one-day-off-a-week> (accessed 15 March 2021).
- Kaufman J. (2006) *The Anatomy of a Medical Myth. Is Race ‘Real’?* Web Forum of the Social Science Research Council. Available at: <http://raceandgenomics.ssrc.org/Kaufman> (accessed 15 March 2021).
- Kirby P. (2016) *Leading People 2016*, London: The Sutton Trust. Available at: <http://www.suttontrust.com/researcharchive/leading-people-2016> (accessed 15 March 2021).
- Mandelbrot B. B. (1982) *The Fractal Geometry of Nature*, San Francisco: W. H. Freeman.
- Monbiot G. (2015) We’ve Almost Stopped Killing Each Other. Now Let’s Spare the Planet. *The Guardian*. 15 December. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/dec/15/killing-planet-george-monbiot> (accessed 15 March 2021).
- Morris D. (2004) *Morris Review of the Actuarial Professional, Interim Assessment*, London: HMSO.

- National Archives. (2017) *The Changing Census, 1801–1901*. UK National Archives Repository. Available at: <http://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/census/events/census3.htm> (accessed 15 March 2021).
- Palen J. J. (1986) Fertility and Eugenics: Singapore's Population Policies. *Population Research and Policy Review*, vol. 5, no 1, pp. 3–14.
- Pearl R. (1927a) Differential Fertility. *The Quarterly Review of Biology*, vol. 2, no 1, pp. 102–118.
- Pearl R. (1927b) The Biology Of Superiority. *The American Mercury*, vol. 12, no 47, pp. 257–266.
- Rauhut D. (2004) *Replacement Migration to Sweden: An Overview of Possible Sender Countries*. Östersund, Sweden: ITPS; Swedish Institute for Growth Policy Studies.
- Sian G. L. (2015) Atmosphere of Fear Prevents Pregnant Maids from Seeking Help. *The Straits Times*. 28 October. Available at: <http://www.straitstimes.com/forum/letters-on-the-web/atmosphere-of-fear-prevents-pregnant-maids-from-seeking-help> (accessed 15 March 2021).
- Stone J. (2016) Child Poverty Rises by 200,000 on Previous Year, Official Figures Show. *The Independent*. 28 June. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/child-poverty-increase-tories-200000-per-cent-2014-2015-official-figures-dwp-stephen-crabb-a7107306.html> (accessed 15 March 2021).
- Stotesbury N., Dorling D. (2015) Understanding Income Inequality and Its Implications: Why Better Statistics are Needed. *Statistics Views*. 21 October. Available at: <http://www.statisticsviews.com/details/feature/8493411/Understanding-Income-Inequality-and-its-Implications-Why-Better-Statistics-are-N.html> (accessed 15 March 2021).
- UNESCO. (2017) *1703 Census of Iceland: Documentary Heritage Submitted by Iceland and Recommended for Inclusion in the Memory of the World Register in 2013*. Online UNESCO Repository. Available at: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-1/1703-census-of-iceland/> (accessed 15 March 2021).
- UNPD. (2001) *Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?* Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, New York. Available at: <http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/ExecSumnew:df> (accessed 15 March 2021).
- USCB. (2017) *1790 Overview, Census Day August 2nd 1790*. United States Census Bureau Online Repository. Available at: https://www.census.gov/history/www/through_the_decades/overview/1790.html (accessed 15 March 2021).
- Wilkinson R., Pickett K. (2009) *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*, London: Allen Lane.
- Wright A. (2017) *Domesday Book: Beyond the Censors*, Kibworth Beauchamp, UK: Matador.

Received: March 5, 2022

Citation: Dorling D., Gietel-Basten S. (2022) Pochemu vazhna demographiya [Why Demography Matters (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 36–64. Doi: 10.17323/1726-3247-2022-2-36-64 (in Russian).

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

К. В. Галицина, П. А. Калиновская, О. Ю. Хворостянова

Онлайн-дейтинг: рынок или базар?

Процесс поиска брачной пары на православном сайте знакомств¹

ГАЛИЦИНА Кристина Викторовна — студентка НИУ ВШЭ; стажёр-исследователь в Международной лаборатории исследований социальной интеграции. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: kvgalitsina@edu.hse.ru

По мнению некоторых исследователей, в современных условиях маркизации культуры процессы поиска и выбора пары всё больше приобретают рыночные черты, что особым образом отражается на поиске «второй половинки» на платформах знакомств [Heino, Ellison, Gibbs 2010; Schmitz 2017]. Логика платформ с религиозной направленностью, где целью провозглашается поиск брачного партнёра «раз и на всю жизнь», может вступать в конфликт с рыночной логикой интеграции на сайте знакомств. В данном исследовании на основании проведённых весной 2021 г. глубинных полуструктурированных интервью с пользователями православной платформы для знакомств (возраст 18–35 лет, из Москвы и ближайшего Подмосковья) ставится цель выявления формы интеграции, подходящей для описания поиска пары на данном сайте. Процесс поиска «второй половинки» рассматривается сперва как поиск на рынке, в традиции Дж. Акерлофа, где анкета и фото выступают институциональными механизмами преодоления проблемы несовершенства информации и качества товара, а затем как базар, в духе К. Гирца, на котором переписка является торгом, а пользователи ради нахождения «своего человека» стремятся к клиентелизации. Авторы приходят к выводу, что оптика базара имеет больше преимуществ для описания рассмотренного кейса. В заключении работы проблематизируется сама оптика рынка, а также уделяется внимание функционированию платформ в целом.

Ключевые слова: поиск пары; брачный рынок; несовершенство информации; базарная экономика; платформа для знакомств; православный сайт знакомств; онлайн-дейтинг.

Введение

В меняющихся реалиях поздней современности, когда трансформируется матримониальное поведение [Рощина, Рощин 2006: 3], в центре внимания многих социологов оказывается вопрос поиска и выбора пары [Plouz, Finkelman 2009; Essig 2019; Аронсон 2021]. Развитие технологий всё чаще переносит этот поиск в интернет-пространство, и распространённым становится онлайн-дейтинг — «использование онлайн-сервисов, сконструированных для обеспечения взаимодействия между потенциальными ро-

¹ Авторы признательны И. В. Павлюткину за помощь в организации и проведении данного исследования, коллективу научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета за ценные комментарии к первой версии данной статьи, а также Д. М. Асатурян и Е. С. Бердышевой за отзывы и замечания по данному исследованию в целом.

КАЛИНОВСКАЯ Полина

Александровна — студентка НИУ ВШЭ; лаборант в лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Email: pakalinovskaya@socrel.ru

ХВОРОСТЯНОВА

Ольга Юрьевна — студентка НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: oyukhvorostyanova@edu.hse.ru

мантическими партнёрами» [Heino, Ellison, Gibbs 2010: 428]. Возросшая роль платформ в социальном взаимодействии в целом вызывает интерес к их изучению и определению формы интеграции на них [Старк, Паис 2021], а когда на платформе реализуется не массовый рынок товаров, но, говоря языком экономического империализма, рынок брачный, социологический интерес возрастает вдвойне.

Рассмотрение поиска пары как рынка, а потенциальных партнёров как товаров, имеющих цены, — это не теоретическая «экзотика», что можно увидеть ещё в работах Гэри Беккера [Becker 1991]. Если во времена триумфа экономического империализма поиск пары уже рассматривался как рынок, то ещё большую актуальность такой подход, кажется, обретает сегодня. Некоторые исследователи утверждают, что в условиях маркетизации культуры поиск пары всё больше приобретает рыночные черты [Heino Ellison, Gibbs 2010; Аронсон 2021], а кто-то даже провозглашает «великую трансформацию» романтических отношений, когда сфера отношений отделяется от иных аспектов общественной жизни, а «брачный рынок» оказывается не просто концептом, но и повседневной реальностью взаимодействия потенциальных партнёров [Иллуз 2020]. Такая «рыночная» логика особенно актуальна в случае с онлайн-дейтингом, который по своему устройству близок к модели рыночного типа, а его общая логика постепенно перемещается и в офлайн-реальность [Аронсон 2021: 145]. Поиск пары в Интернете — это будто пример поиска предельно рационализированного: множество стандартизованных анкет, методический отбор с помощью фильтров по разным параметрам от роста до религиозных взглядов, постоянная калькуляция результативности тех или иных действий на сайте — вот что составляет онлайн-дейтинг [Illouz, Finkelman 2009: 402]. Такого рода практики предполагают поиск романтического партнёра, основанный на образе идеала-близнеца, эмоционально совместимого с пользователем, с определённой внешностью и характером [Illouz, Finkelman 2009: 414]. Рыночная метафора отсылает к интерфейсу, уже знакомому пользователю: как люди покупают необходимые им товары в онлайн-гипермаркетах, так они приходят и на сайт знакомств для «покупки» потенциальных романтических партнёров и «продажи» самих себя в том же качестве [Heino, Ellison, Gibbs 2010: 429].

Однако, несмотря на отмечаемые социологами рыночные черты, заявляющие о рационализированности и унифицированности взаимодействий, платформы сегодня всё больше специализируются, подстраиваясь под запросы тех или иных социальных групп — сексуальных меньшинств, политических движений, религиозных сообществ (см., например: [Rochadiat, Tong, Novak 2018]). В процесс поиска пары встраивается ряд переменных, которые несут специфические культурные компоненты, нормы и ценности, не укладывающиеся в рыночную модель. Их наличие уже едва ли позволяет нам рассматривать платформу как рынок в неоклассическом понимании, лишённый социально-культурных «шумов».

Один из случаев, где анализ этого поиска становится особенно затруднительным, — это религиозные платформы знакомств, представленные в России в основном онлайн-дейтинговыми ресурсами для православных

христиан. Представители данной конфессии при поиске пары предположительно стремятся именно к заключению брака, причём Церковь призывает к созданию брачного союза раз и на всю жизнь [Основы социальной концепции... 2000], что предполагает его сакральность и может слабо соотноситься с обозначенной выше рыночной логикой платформ знакомств, где механизмы настроены на повышение количества совпадений симпатий, поиск с помощью фильтров и т. д. Иными словами, цель поиска смещается с перебирания многочисленных вариантов к обнаружению одного подходящего, и неясно, какие формы принимает реализация такой цели на платформе знакомств, пусть даже и позиционирующей себя как православная.

Итак, перед нами встаёт проблема методологически наиболее корректного описания поиска пары в технологических реалиях платформ знакомств, в частности платформ с религиозной (православной) направленностью. Возникает целый ряд вопросов:

- как соотносятся логика платформы и этика поиска отношений среди православных христиан?
- действительно ли поиск пары на платформе вслед за многими исследователями данной сферы можно определить как рыночный или же стоит говорить об иной форме интеграции?
- в какой мере концепт брачного рынка и рыночная оптика в целом могут быть применимы к подобным платформам и православной в частности?

Эти вопросы и задают направление нашему исследованию, основанному на интервью с пользователями одного известного российского православного сайта знакомств².

Исследовательский вопрос нашей работы звучит следующим образом: какая форма интеграции — рынок, сеть, иерархия и проч. — является подходящей для описания поиска пары на православном сайте знакомств (на примере пользователей 18–35 лет из Москвы и ближайшего Подмосковья)? Безусловно, в рамках нашего исследования мы едва ли можем рассмотреть все формы интеграции применительно к взаимодействию на сайте, поэтому сконцентрируемся на рыночной форме интеграции, так как, с одной стороны, ее актуальность и уместность уже подтверждаются эмпирическими и теоретическими работами по социологии отношений [Рощина, Рощин 2006; Heino, Ellison, Gibbs 2010, Schmitz 2017; др.], а с другой, при кажущейся релевантности данная форма интеграции на платформе знакомств вступает в противоречие со специфической направленностью самой платформы — религиозными ценностями и нормами в сфере романтических отношений, что делает использование оптики рынка особенно интересным. Имея в виду данное противоречие, мы и попытаемся выяснить, действительно ли онлайн-дейтинг среди православных христиан можно охарактеризовать как брачный рынок, и если да, то какая рыночная модель является более подходящей. Ввиду разнообразия форм самого рыночного обмена мы рассмотрим две модели: рынок с несовершенством информации в логике Дж. Акерлофа и базар в духе К. Гирца (далее мы обоснуем наш выбор теорий).

Таким образом, отталкиваясь от рыночной оптики анализа, мы постараемся критически осмыслить не только наши данные, но и саму оптику и внести свой вклад в дискуссию о том, какой же тип интеграции подходит для описания столь популярных сегодня платформенных моделей в целом [Старк, Паис 2021].

² По этическим соображениям, из уважения к работе платформы и её требованиям, мы не приводим её название.

Обмен на платформе знакомств: концепты и теории

Онлайн-дейтинг в религиозных сообществах

Кратко рассмотрим существующие тенденции в исследованиях онлайн-дейтинга. Многие современные исследователи онлайн-дейтинга берут метафору рынка и концепт брачного рынка Г. Беккера за основу взгляда на устройство подобных платформ, что оказывается особенно применимо для изучения опыта пользователей в популярном приложении «Tinder» [Duguay 2017; Timmermans, Courtois 2018; Krüger, Spilde 2020]. Через призму рынка рассматривается не только взаимодействие пользователей между собой, но и устройство платформ: их структура и технологические возможности влияют на процессы представления себя, поиска и оценки другого, которые требуют от пользователя универсальных навыков в области менеджмента — стратегического управления, бренд-менеджмента, управления рисками [Heino, Ellison, Gibbs 2010].

Ещё одна группа исследований концентрируется на стратегиях инициирования отношений в онлайн-дейтинге. Несмотря на общий контекст поиска пары, цели и задачи могут оказаться сильно дифференцированными для пользователей одной платформы [Bullingham, Vasconcelos 2013; Sharabi, Dykstra-DeVette 2018]. Также исследователи уделяют внимание самопрезентации и конструированию идентичности пользователя: пребывание на платформе знакомств предполагает большой объём работы над собой, воссоздание собственного Я (или его идеального образа) через доступные инструменты платформы в онлайн-пространстве [Heino, Ellison, Gibbs 2006]. В различиях способов самопрезентации и через восприятие профилей других людей раскрывается значение культурных, мировоззренческих и социально-демографических детерминант [Jyrkiäinen 2016].

Что касается исследований онлайн-дейтинга среди религиозных сообществ, то они часто затрагивают протестантские деноминации и мусульман [Rochadiat, Tong, Novak 2018; Tiller 2018; Richardson at al. 2020; Sokfa 2020]. Религиозные платформы склонны определять себя как помощников Бога и в основном направлены на брачно-ориентированных (*marriage-minded*) верующих [Sokfa 2020: 258], что задаёт рамки для поиска пары на платформе. Несмотря на религиозный контекст, стремления пользователей могут различаться. Так, исследователи одного из протестантских сайтов выделяют довольно немногочисленную группу готовых к отношениям, члены которой ищут долгосрочных знакомств и полагаются на вероучение, в то время как гораздо больше пользователей ищут развлечений, интересного времяпрепровождения или людей с похожим мировоззрением [Richardson at al. 2020].

Оптика рынка в данном исследовании

Итак, мы полагаем, основываясь на существующих исследованиях, что поиск пары на православном сайте знакомств может быть описан через призму рынка как формы интеграции. Для нас концепт рынка — это не «линейка», которую мы будем прикладывать к нашим данным, а некая оптика, помогающая анализировать данные и предполагающая собственную корректировку.

В качестве стартового определения рынка мы полагаемся на данное В. Радаевым: рынок — это «совокупность структурно связанных продавцов и покупателей определённого товара (товарной группы), деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля» [Радаев 2005: 141]. Это определение кажется нам наиболее нейтральным относительно какой-либо экономической или экономико-социологической традиции, и ключевыми его аспектами являются наличие двух сторон взаимодействия по поводу некоего товара, а также правил, регулирующих это взаимодействие. Далее, когда мы будем рассматривать поиск пары на сайте знакомств с помощью теорий Акерлофа и Гирца, мы так или иначе будем затрагивать эти три пункта.

Необходимо сделать некоторые оговорки относительно использования концепта рынка с учётом специфики предмета исследования. Кто же на сайте «продавец», кто — «покупатель», а кто — «товар»? Все три роли соединяются в одном человеке — пользователе. Это накладывает серьёзный отпечаток на характер взаимодействия участников сайта: покупатель выбирает товар, который и является продавцом, но может не захотеть, чтобы его выбрали, а при этом и сам находится в процессе поиска другого товара. Это меняет классические субъект-объектные отношения, которыми мы привыкли описывать взаимодействия покупателя и товара, что ярко выразила одна из респонденток:

Но в том дело, что люди, это ж не колготки на Wildberries — отфильтровал себе по параметрам, и вот, выбирай. В этом сложность, потому что это отношения (Нина, 26 лет)³.

При описании цены товаров, то есть потенциальных женихов и невест, подходящим представляется концепт теневой цены [Becker 1977], которая не выражается эксплицитно, но при этом осознаётся участниками обмена благодаря неявным сопоставлениям и самих товаров, и издержек их приобретения.

Теперь необходимо очертить границы предполагаемого рынка. Мы изучаем только процесс поиска знакомства и не говорим о дальнейших отношениях вне сайта. Нас интересует православная платформа знакомств как сфера обмена потенциальных женихов и невест, и граница рынка для нас — момент, когда двое решают уйти с сайта (временно или совсем), чтобы перейти в другие соцсети или уже встретиться и продолжить общение лично. В связи с этим мы не можем говорить и об эффективности поиска пары на платформе, ведь дальнейшие события (успех или неудача) не изучались нами. Более того, такое изучение невозможно и в силу негативного отбора: если люди присутствуют на сайте, значит, они пока ещё не достигли условного успеха в своём поиске.

В связи с тем что мы рассматриваем брачный рынок на платформе, уместно вспомнить и работу Д. Старка и И. Паис, которые, изучая функционирование платформенной экономики, задаются вопросом о возможности рассмотрения платформ в качестве рынков [Старк, Паис 2021]. Достаточно много экономистов следуют данному пути и определяют платформы как рынки — многосторонние или двусторонние. Действительно, платформы выступают посредниками между сторонами сделки, и мы в рамках нашего исследования вполне можем допустить сделку и на брачном рынке. Тем не менее Старк и Паис всё же отмечают, что платформенное устройство выходит за границы рынков [Старк, Паис 2021: 74]. В дальнейшем авторы развивают собственный взгляд на то, какая же форма интеграции является более подходящей для описания платформенного устройства. В отличие от рыночного режима контракта, платформы характеризуются режимом кооптации; во взаимодействиях на платформах едва ли можно провести чёткую границу между сторонами, что позволяет приложить к ним метафору ленты Мёбиуса, имеющей только одну поверхность при кажущихся двух. Многие иные аспекты платформ также подталкивают к критике рыночного подхода к их изучению [Старк, Паис 2021: 77–83]. Выше мы отмечали, что допускаем корректировку и критическое осмысление рыночной оптики в рамках нашего исследования, поэтому к взгляду Старка и Паис на платформенное устройство мы ещё вернёмся в заключении, а пока продолжим работать с выбранной рыночной оптикой, используя критические положения различных исследований как инструмент для развития теоретической чувствительности.

Нехватка информации на сайте знакомств и её поиск: теории Дж. Акерлофа и К. Гирца

Дж. Коулман, говоря о подборе пары (*matching process*), отмечает, что хотя этот процесс «может рассматриваться с экономической точки зрения как рынок, где каждый актер обладает только одним благом для продажи и может получить только одно благо взамен», такой рынок всё же будет очень отличен

³ Ключевую информацию об информантах см. в приложении.

от «неоклассического совершенного рынка» [Коулман 2009: 36]: на нём не существует независимых агентов, объекты обмена не являются взаимозаменяемыми и т. д. Именно поэтому и в рамках нашей работы неоклассический подход к рынку не будет применяться. Вместо этого анализ глубинных интервью в логике обоснованной теории подтолкнул нас к выбору двух рыночных моделей, к которым поиск пары на сайте кажется приближенным. Речь идёт о неоинституциональной модели Дж. Акерлофа и антропологической модели К. Гирца, представляющих разные области знания (экономику и антропологию), но объединённых похожими задачами и способами их решения.

Ключевые проблемы знаменитой работы Акерлофа о рынке «лимонов», то есть плохих (или некачественных) автомобилей [Акерлоф 1994], — это проблемы качества товара и неопределённости на рынке, которые экономист связывает в своём исследовании, рассматривая примеры рынков, а также показывая, какие механизмы в обществе могут справиться с данными несовершенствами. Именно с этими проблемами мы сталкиваемся на сайте знакомств. Человек, являющийся потенциальным брачным партнёром, — это «товар» очень сложный: полную информацию о нём едва можно получить до его «приобретения», то есть до вступления с ним в отношения и в брак. В этом случае разнообразные механизмы платформы для знакомств можно рассматривать как институциональные решения, помогающие потенциальным невестам и женихам в борьбе с нехваткой или асимметрией информации. На языке Акерлофа заполнение стандартизированных профилей, анкет и другие элементы дейтинговых платформ способны помочь отличить «лимоны», то есть плохой товар, от качественных претендентов на статус мужа или жены (качество является неким ценностным конструктом, и его мы определяем так, как делают это сами респонденты, то есть исходя из собственных смыслов).

В то же время механизмы платформы едва ли могут полностью справиться с проблемой нехватки информации и помочь пользователю по фильтрам поиска узнать о всех чертах потенциальных партнёров и сделать точный выбор (тем более если речь идёт о православном сайте, где ключевую роль играет такой сложный критерий качества избранника, как религиозность). Итак, проблема нехватки информации и качества товара всё же не может быть решена до конца. Но действительно ли нехватка информации на брачном онлайн-рынке является проблемой? Если отойти от неоклассического и даже неоинституционального подходов экономической науки и дать больший простор социальным факторам в рассматриваемом нами рыночном обмене, то обнаружится ситуация, когда нехватка информации может оказаться не видом нежелательных издержек, а точкой запуска масштабного и увлекательного процесса по её поиску, который станет главным занятием на платформе знакомств. В этом случае людей прежде всего интересует совпадение симпатий и последующая переписка (чему соответствует широко распространённый в зарубежной литературе термин *matching* (соответствие) [Bridges 2012; Sharabi, Dykstra-DeVette 2018]). И хотя порой кажется, что поиск информации непросто, так как её недостаток создаёт «помехи» и «шумы» на брачном рынке, мешая людям найти друг друга, на деле оказывается, что асимметрия информации — это не только черта обмена, но и то, что определяет весь поиск и исходя из чего люди создают собственные условия задачи, которую нужно решить, чтобы осуществить выбор. Поиск при этом растягивается и обретает новые свойства и характеристики, а выбор откладывается до определённого времени. Иными словами, речь идёт о таком типе поиска, который свойствен базару. Именно поэтому второй рыночной моделью в нашем исследовании и является базар, который К. Гирц в статье, посвящённой анализу взаимодействий на классическом восточном базаре в Серфу, описывает не просто как способ организации рыночных отношений в рамках данного института, но возводит на аналитический уровень, предлагая концепт базарной экономики как некую оптику, позволяющую рассматривать процессы обмена в обществах [Гирц 2004]. Теория К. Гирца не столько противостоит теории Дж. Акерлофа, сколько продолжает теоретизирование процесса ввода социальных и культурных переменных в дискуссию о рыночных отношениях [Гирц 2004: 154]. Сам по себе базар является формой рыночного обмена, где есть стремления к максимизации прибыли и полезности, связывающая спрос и предложение цена и т. д. От иных экономических систем базар отличает

то, как происходящие на нём процессы «принимают согласованную форму» [Гирц 2004: 155]. На это мы и обратим внимание, изучая проблему асимметрии и нехватки информации, а также её поиска на православном сайте знакомств.

Методология исследования

В рамках исследования, проведённого в 2020–2021 гг. (работа в поле: весна 2021 г.), рассматривались пользователи 18–35 лет из Москвы и ближайшего Подмосковья, ранее не состоявшие в браке. Опыт второго брака не был затронут в связи с предполагаемыми существенными его отличиями от опыта первого брака. География исследования задана тем, что именно в Москве на рассматриваемой платформе наблюдается наиболее широкий пользовательский охват. Пользователи ближайшего Подмосковья включались в выборку, если большая часть их жизни (работа, общение) проходила в Москве, в связи с чем решение об отборе респондента из таких мест проживания принималось после коллективного обсуждения каждого конкретного случая.

Выбор именно православной платформы знакомств обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, сайт имеет религиозную направленность и провозглашает своей целью поиск пары именно для вступления в брак и создания семьи, что значительно сужает фокус исследования и позволяет работать с концептом брачного рынка. Конечно, и на этом сайте встречаются пользователи, имеющие иные цели, но их меньше, чем на сайтах, представляющих большее разнообразие целей знакомств (от близости на одну ночь (*one-night-stand*) до поиска партнёра по ипотеке [Ташевская 2021]). Во-вторых, переменная православной религиозности задаёт специфические параметры поиска брачного партнёра: как показывают исследования [Маркин 2018; Павлюткин 2020], в том числе ставшие и основой данной работы, она не может трактоваться однозначно, является очень трудноуловимой, что ещё больше увеличивает неопределённость на брачном онлайн-рынке, а это, в свою очередь, обостряет исследовательский интерес.

Под православными пользователями мы имеем в виду тех, кто сам определил свою идентичность таким образом при регистрации на сайте (вопрос анкеты: «Ваше отношение к религии»). В связи со специфической многомерностью религиозности в российском постсоветском пространстве, так называемыми разными типами православия и феноменом слабой религиозности [Маркин 2018; Павлюткин 2020] мы не считаем необходимым и методологически целесообразным обозначать строгие критерии понятия «религиозность». Выборка приводила нас в основном к воцерковлённым пользователям (тем православным, которые являются членами Церкви, участвуют в её жизни), в связи с чем исследование рассказывает историю прежде всего этой группы.

Исследование имело качественный дизайн, использовалась теоретическая выборка [Glaser, Strauss 2006: 61]. Достижение теоретического насыщения основывалось на полноте и детализации разработки категорий поиска и их выбора как ключевых для исследования. В качестве точек входа выступали группа сайта в социальной сети «ВКонтакте» и открытые профили самого сайта. Проведено 21 глубинное полуструктурированное интервью в онлайн-формате (11 мужчин и 10 девушек). Сбор и анализ данных в исследовании были плотно переплетены, сообразуясь с логикой обоснованной теории [Страусс, Корбин 2001]. Для первых шести интервью применялось открытое кодирование с построчным анализом, по результатам которого задавалось направление дальнейшей выборке. Затем целиком кодировались последующие интервью, после чего осевое кодирование позволило установить смысловые связи между всеми обнаруженными категориями. В процессе сбора и анализа данных использовались такие техники, как «анекдотические» и крайние сравнения, работа на контрасте [Страусс, Корбин 2001].

Как устроена православная платформа для знакомств

Как же функционирует сама платформа знакомств и как происходит поиск пары на ней? Прежде всего поясним, что мы понимаем под платформой в данном исследовании. Нил Срничек описывает платформу как цифровую инфраструктуру для взаимодействия двух и более групп [Срничек 2020: 41]. В условиях широкомасштабных задач извлечения и использования данных платформы функционируют как посредники, соединяющие между собой различных пользователей (в нашем случае — потенциальных женихов и невест). Платформы также получают доступ к большому количеству данных и задают правила игры, контролируют их и управляют ими. Продуктивность базовой архитектуры заданных правил обнаруживается в возможности для обычного пользователя создавать что-то новое, будь то профиль, чат с сообщениями, пост или обмен символами [Срничек 2020: 45].

На исследуемом сайте знакомств каждый пользователь после регистрации заполняет анкету, состоящую более чем из 60 обязательных и необязательных вопросов о себе, о цели пребывания на сайте, предпочтениях, мировоззрении (в том числе о религиозных взглядах, духовной жизни, отношении к браку). Важным элементом является фотография профиля (можно загружать более одного фото, создавая альбом). На этапе поиска пользователь может либо отфильтровывать анкеты на главной странице сайта, либо самостоятельно просматривать анкеты новых участников или общий список пользователей. Простой фильтр предполагает отбор по полу, возрасту, стране, городу и уровню активности, а расширенный позволяет поиск по росту и весу, национальности, образованию, профессии и ответам на конкретные вопросы анкеты. Получив список отобранных анкет, пользователь может просмотреть каждую подробно и написать участнику личное сообщение.

На всё описанное уже можно взглянуть через призму рынка: наличествует широкий выбор анкет и предоставляется возможность детально сформулировать свой запрос, фильтровать и выбирать из альтернатив. Тем не менее важно отметить, что в отличие от других платформ знакомств рассматриваемый нами сайт — некоммерческий проект, а следовательно, рынок в данном исследовании является только оптикой для анализа.

Православный сайт знакомств как рынок с нехваткой информации: подход Дж. Акерлофа

Анкета и фотографии как институты борьбы с проблемой качества: православная специфика

Пранализируем взаимодействия на сайте через призму теории Дж. Акерлофа. Как и в примере с рынком автомобилей, проблема нехватки информации на сайте знакомств значима: потенциальные жених или невеста на сайте могут оказаться «лимоном». Основными механизмами определения качества на сайте знакомств являются анкета и фотография. Именно с них пользователь начинает свой поиск пары. Создатели сайта сконструировали большую анкету с возможностью подробного заполнения, что отличает данный сайт знакомств от других. Некоторые вопросы для респондентов особенно значимы и выполняют роль институциональных механизмов по борьбе с нехваткой информации. Мы можем условно назвать их «вопросы-фильтры». Таковы специфические, важные для православных пользователей пункты анкеты, которые помогают определить схожесть религиозных взглядов и, таким образом, отсеять неподходящие анкеты ещё до вступления в переписку (например, вопросы о допустимости интимных отношений до брака (с православной точки зрения, такие отношения греховны), о наличии предыдущего брака, детей от него (для многих это было нежелательно), об отношении к венчанию и др.).

Есть православное учение, и анкета, в принципе, должна плюс-минус заполняться согласно православным канонам, согласно православному мировоззрению. Есть такие позиции, которые расходятся с православием, с православным учением (Максим, 22 года).

Подобные фильтры применяются респондентами и при рассмотрении фотографий других пользователей: для кого-то маркером качества является фотография в невызывающем наряде, а для кого-то фотография в платке станет маркером нерешительности.

Православные нормы вносят свою специфику и в иные аспекты функционирования институтов анкеты и фотографии. Так, информация, которую они сообщают, не должна быть ложной. Пользователи стремились отразить себя в анкетах и фотографиях максимально приближённо к реальности, ведь после знакомства на сайте они предполагают встречу в жизни для продолжения отношений и — в пределе — вступления в брак. Какой бы привлекательной ни была анкета с ложной информацией, когда-нибудь (и довольно скоро) всё равно вскрыется правда.

А какой смысл [в ложной информации]? У кого смысл перенести всё в офлайн и построить семью, естественно, он этим не будет заниматься, потому что это всё провалится на первом свидании (Екатерина, 28 лет).

Ложная информация не одобряется не только по практическим соображениям: использование в профиле «средств управления впечатлениями» [Гофман 2000] (например, фотошопа для улучшения своей внешности на фото) могут быть расценены пользователями как обман, а значит — грех.

Однако, помимо желания сказать о себе правду, некоторые респонденты говорили и о том, что им важно привлечь к себе других людей, в связи с чем описывали целые стратегии с обоснованием выбора той или иной фразы, фотографии и проч.

У меня [в профиле] как бы показаны, грубо говоря, все мои интересы. В спортивном зале, с грибами, на сцене, с племянником там, ну и пара фоток с отдыха. Понятно, что как бы грибы не собирают, наверное, вот эти... клубные чики. Мне тоже важно показать намёк на разносторонний богатый внутренний мир, а не что я вот такая картинка и всё, пустышка. Потому что я хочу призвать к себе таких же людей, которым интересен мой профиль (Екатерина, 28 лет).

Желание искренности, таким образом, вступает в противоречие с желанием подать себя определённым образом и привлечь внимание к себе. Находясь на брачном рынке в роли товара, православные пользователи вынуждены находить баланс между максимально достоверным описанием себя и использованием средств управления впечатлениями для создания, условно говоря, эффективной рекламы себе. Поиск такого баланса не только затрудняет решение проблемы неопределённости и проблемы качества товара, но и выявляет моральное напряжение среди православных пользователей.

Православная специфика сайта также приводит к некоторым парадоксам оценки качества товара по анкете. К примеру, учитывая то, что в православном дискурсе высоко ценятся добродетель смирения и скромное мнение о себе, возникают ситуации, при которых люди с наиболее активной духовной жизнью могут не осмелиться ответить «да» на анкетный вопрос: «Активна ли Ваша духовная жизнь?» — Это либо способно снизить их «качество» в глазах других пользователей на начальном этапе поиска пары по анкетам, либо, как минимум, внесёт ещё большую неопределённость в этот поиск.

Почему проблема неопределённости на рынке не решается: две стратегии заполнения анкеты и выбора фотографий

Кроме определённых вопросов анкеты, в решении проблемы нехватки информации имеет значение стратегия заполнения анкеты, а также выбор фотографии. Были выделены две стратегии — условно «подробная и тщательная» и условно «не заморачиваясь».

С одной стороны, подробно заполненная анкета — это своего рода гарантия качества потенциальных жениха или невесты, поскольку показывает, что за человек перед тобой. Пользователи (в основном девушки) порой жаловались, если анкеты заполняются непоследовательно.

Нужно сделать анкету настолько хорошей, чтобы человек, которого ты ищешь, её нашёл, заметил, и она его заинтересовала. Так что когда анкета поверхностная, как вот в тесте: «да-нет-не-знаю-наверное-не важно»... Почему человек потратил на заполнение одну минуту? То есть для него это настолько не важно? Или это по приколу? Или это пари? Или это фейк? <...> И соответственно — чем подробнее, тем выше шанс, что человека что-то зацепит и привлечёт (Нина, 26 лет).

Я обычно пишу людям, у которых максимально это всё заполнено. Чтобы было в целом понятно, что это за человек (Михаил, 24 года).

Аналогичная стратегия выделяется при выборе фотографии. Фотография нужна, чтобы помочь преодолеть нехватку информации.

Опять же... Ну вот, как мы выставляем что-то в Интернет? Как можно что-то презентовать без фотографии? Я не буду сравнивать с продажей онлайн-товаров, но... (Нина, 26 лет).

Часть респондентов (в основном девушки) использовали фотографии для наиболее полного рассказа о себе, стремились выставить несколько фотографий, чтобы у пользователей сложилось наиболее полное представление о человеке:

Лучше разместить несколько фотографий в разных ситуациях, чтобы было понятно, как человек выглядит на самом деле, а не на данной конкретной фотографии с использованием каких-то фильтров (Артём, 19 лет).

Однако наблюдалась и обратная стратегия заполнения анкеты и выбора фотографии. Некоторые респонденты (в основном мужчины) отмечали, что намеренно заполняли анкету непоследовательно для того, чтобы иметь возможность получить информацию о предполагаемом партнёре уже в процессе реального общения с ним.

Моя анкета?.. А я не стал сильно всё заполнять. Это понятное дело, что при реальном общении нужно узнавать о человеке (Максим, 22 года).

Сама анкета для меня не так, наверное, важна просто... Условно, как резюме, если в компанию подаёшься на работу какую-то, и там hr-ы смотрят, есть ли у вас высшее образование, есть ли у вас какой-то опыт, а дальше уже всё решает интервью. Поэтому для меня, наверное, сама по себе анкета — это просто чтобы принять решение, есть ли смысл общаться с этим человеком или нет (Михаил, 24 года).

Фотография также, как свидетельствуют материалы интервью, может выбираться «просто», «рандомно», «не запариваясь» и «не заморачиваясь».

К выбору фотографии я отнёсся с таким просто пофигизмом, наверное, можно сказать. Я особо не запаривался на этот счёт (Михаил, 24 года);

Интервьюер: *И как Вы выбирали свою фотографию?*

Респондент: *Просто абсолютно. Ну, взял, сфотографировался и сделал. Ну, без лишних этих самых... понтов. У меня там две, кстати, фотографии, и всё хорошо. Я понял как бы <...> что можно запустить какую-то приманку, если есть на что клюнуть, но я этого делать не собираюсь. Всё-таки человеку нужно открываться постепенно (Максим, 22 года).*

У Максима выставление «просто» и сразу сделанной фотографии связывается с вышеупомянутым желанием отразить себя, не приукрашивая, не «запуская приманку».

Таким образом, одна часть пользователей (чаще это были девушки) ждут от других и сами практикуют подробное заполнение анкеты, а при этом другая часть (чаще это были мужчины) имеют обратный подход. То же и с фотографией. Выбор фотографии, когда пользователь «не заморачивается», вступает в противоречие с желаниями многих других пользователей увидеть достаточно подробные фотоальбомы, качественные фотографии, чтобы по ним лучше узнать потенциальных жениха или невесту. Мы предполагаем, что те, кто не сильно «заморачивается» подбором фотографии, могут просто «не состыковаться» с теми, у кого иные ожидания на этот счёт. Тот факт, что «не заморачивались» чаще респонденты-мужчины, отсылает нас к *гендерной асимметрии информации*.

Конкуренция мужчин за девушек и гендерная асимметрия информации на рынке

Под гендерной асимметрией информации мы понимаем проблему брачного онлайн-рынка знакомств, при которой мужчины и девушки имеют разные представления о том, по каким правилам нужно взаимодействовать на этом рынке, в результате чего потенциальные женихи и невесты не могут получить необходимую информацию друг о друге и «состыковаться» для продолжения общения. Ситуация осложняется тем, что на сайте действует негласное правило: первыми написать, то есть проявить интерес, должны именно мужчины, поэтому девушки чаще ждут сообщений и отвечают на них. Это создаёт ситуацию конкуренции мужчин за девушек: письма мужчин могут накапливаться, и девушки выбирают, кому ответить. И вот тут из-за асимметрии информации девушка, ожидающая от мужчины подробно заполненной анкеты и нескольких фотографий, может просто не ответить написавшему ей человеку, который убеждён, что подробные фотоальбомы и анкеты не обязательны, потому что информацией о себе стоит делиться уже при более близком общении. Как мы помним, такой жених будет желать сразу перейти к переписке, избегая оценивания по анкете, но из-за того, что он явно не единственный, кто первый написал рассматриваемой девушке, до переписки дело может просто не дойти, а «победа» достанется конкуренту с более подробными анкетой и фотоальбомом. Многие респонденты-мужчины выражали разочарование относительно того, что девушки им редко отвечают.

И что ты думаешь? По ходу им [девушкам] тоже в огромном количестве пишут, они уже путаются и не знают, что делать. Я не особо много писал там, в районе 15-ти, но ответы были только в трёх случаях. В трёх! (Максим, 22 года).

Девушки же говорили о том, как устают от множества похожих писем.

Вообще, мне кажется, что там, по крайней мере, когда только регистрируешься, тебе приходит очень много сообщений. Люди пишут, смотришь на это <...> это такие большие числа сообщений, что уже руки опускаются всё это читать (Марина, 23 года).

Подобные мнения можно встретить и в публичных обсуждениях пользователей православного сайта в соответствующем разделе. Так, один мужчина оставил следующий комментарий под обсуждением темы переписки на сайте:

Да как симпатию выразить, [если] толком не отвечает вообще никто? (А если отвечает, то лучше б не отвечали.)

На ином ресурсе (условно «светском») отмечается похожая тенденция: 80% мужчин соревнуются за 20% женщин, которые «готовы взаимодействовать лишь с небольшим количеством наиболее привлекательных мужчин» [Аронсон 2021: 140], что тоже показывает конкуренцию, а также говорит о встроенности нашего анализа в общий контекст исследования онлайн-дейтинга.

И всё же ни подробной анкеты, ни ясных ответов на её ключевые вопросы, ни фотоальбомов недостаточно для поиска пары на сайте знакомств. Поиск будущих супруга или супруги, как бы тщательно ни был он организован в формате подбора анкет, едва ли сопоставим по эффективности с поиском товаров в интернет-магазине, где после просмотра описания можно смело заказывать доставку. При поиске пары все гораздо сложнее, поэтому рассмотрим его сквозь призму теории К. Гирца.

Православный сайт знакомств как базар: подход К. Гирца

Просмотром и выбором анкет завершается лишь первый этап поиска знакомства — *экстенсивный*, после чего начинается поиск *интенсивный*. Переписка, к которой переходят пользователи после взаимодействия со стандартизованными анкетами, становится ключевым процессом, а рынок превращается в *базар*.

Мы уже не раз отмечали, что на сайте знакомств недостаток информации о характеристиках жениха или невесты связан со сложностью и многомерностью этих характеристик. Как и на базаре в Серфу, на православном сайте знакомств «информация бедна, недостаточна, плохо распределена, передаётся неэффективно и ценится очень высоко» [Гирц 2004: 155]. Анкеты, которая призвана предоставить эту информацию, недостаточно.

Однако при дальнейшем изучении сайта оказывается, что неполнота информации — вовсе не та проблема, от которой хотелось бы быстро избавиться. Нехватка информации становится отправной точкой по её поиску, превращается в увлекательный процесс, важный сам по себе. Не потому ли многие респонденты выражали негативное отношение к подробным анкетам, желая, наконец, перейти от экстенсивного этапа поиска к интенсивному, то есть начать переписку? «Поиск информации, которой кому-то не хватает, и защита информации, которой кто-то обладает, — так называется эта игра» [Гирц 2004: 156], и воплощается она в переписке. Таким образом, переписка может быть рассмотрена как торг.

Нацеленность пользователей на вступление в брак, вероятно, также уподобляет поиск базару, что побуждает найти одни-единственные отношения, «своего человека», а не «отношения на одну ночь». Это означает, что для пользователя товар, который ему нужен, становится и сложным и обладающим целым комплексом характеристик, а для достижения своей цели, то есть для создания долгосрочных отношений и поиска пары, человек готов нести больше издержек и искать дольше [Becker 1977]. В таком случае важно углубить знания о товаре, поэтому интенсивный поиск выходит на первый план, а

экстенсивный становится вспомогательным [Гирц 2004: 159]. Одна из пользовательниц процесс поиска пары описывает в «интенсивном духе», подчёркивая его длительность и усилия, требующиеся от обоих участников:

Это процесс — это путь, скорее. Люди <...> постепенно друг друга узнают, постепенно... Не знаю, нельзя вот так сразу найти кого-то близкого. Это всё равно работа двух человек (Марина, 23 года).

Ориентацию на базарность поиска пары на православном сайте знакомств ярко выразил один из наших респондентов:

[Православный сайт знакомств] больше на поиск [ориентирован], ожидание, рассмотрение. Когда ты ждёшь своего человека среди тех людей, когда ты встречаешь, ищешь, то есть там больше такое... Более вникаешь, скажем так (Сергей, 31 года).

Переписка на сайте как торг

На рынке машин, рассматриваемом Акерлофом, покупатели не могут словесно коммуницировать со своими будущими машинами, чтобы проверять их характеристики (хотя такая возможность, вероятно, была бы желанной). На сайте же знакомств ситуация иная. Переписка — это торг, в процессе которого пользователи выясняют характеристики друг друга, оценивают качество товара, делают выбор относительно прекращения или продолжения общения. Это торг многомерный, то есть обсуждаются самые разные аспекты товаров — потенциальных женихов и невест [Гирц 2004: 158]. Как на базаре в процессе торга покупатель уточняет те характеристики товара у продавца, которые не объявлены заранее (если вообще хоть какие-нибудь из них объявлены заранее), причём делает это по определённым негласным правилам, так и в переписке молодые люди стремятся уточнить и глубже раскрыть те параметры, которые лишь кратко описаны в анкете или не описаны совсем. При этом в торг вплетены религиозные и гендерные нормы.

Торг интенсивен: переписка — это погружение в одного человека, «глубокое изучение уже полученного предложения» [Гирц 2004: 158]. Интенсивность торга отражает интенсивность переписки, а в категориях наших респондентов интенсивный называют активной перепиской.

“Активная” [переписка] подразумевает, что ты напрягаешься, что-то из себя рожаешь, какие-то усилия делаешь, чтобы облечь свои слова в текст (Нина, 26 лет).

Процесс начала торга и успешного его продолжения описывает и следующий респондент, в речи которого появляется категория «развёрнутые ответы»:

Если человек отвечает на твои вопросы и сам что-то спрашивает и отвечает, видно. Если у человека есть интерес, то он будет тебя спрашивать, что-то переспрашивать, что-то уточнять, он будет также отвечать на твои вопросы достаточно развёрнуто (Артём, 19 лет).

«Правила торга»: «ключи» в переписке и гендерная асимметрия информации на базаре

Согласно Гирцу, участники базара исследуют его на предмет используемых знаков и ключей [Гирц 2004: 156], знание которых позволяет успешнее торговаться. Есть такие ключи и в переписке. И

здесь обнаруживается, что если базарный торг — это «развитое искусство» [Гирц 2004: 156], то, как показывают данные, далеко не все его участники этим искусством владеют. Выше мы говорили о том, что мужчины порой не могут «состыковаться» с девушками из-за разницы во взаимных ожиданиях, порождённой гендерной асимметрией информации. Эта проблема продолжается и в переписке.

Принципиальное значение для многих респондентов-девушек (хотя и не всех) имеет начало переписки — первое приветствие и первые фразы мужчины. Так, недопустимым для многих считаются такие формулировки, как «привет», «как дела» и «давай познакомимся».

Даже по общению видно, как человек тебе пишет. Например, «привет», а дальше — «можно с тобой познакомиться?». Даже уже парой фраз обменялись, [а тут] «можно с тобой познакомиться?»... Ну да ты уже со мной познакомился! То есть видно, что человек не знает, как подступить. Я, конечно, делаю на это скидку, но мне уже сразу немного жаль человека, мне кажется, что это уже не то: ну бедненький, боится... Не та норма, не тот уровень, который мне бы хотелось (Екатерина, 28 лет);

Интервьюер: *А вот «достойный собеседник» — это какой?*

Респондент: *Это когда не «привет, как дела?» (смеётся) <...> Опять же странно: ты же ищешь себе невесту, откуда «привет, как дела»? Давайте как-то уж поэлегантней (Нина, 26 лет).*

Возникновение данных гендерных норм переписки связано всё с той же конкуренцией среди мужчин, которая обуславливает большую тщательность девушек при выборе того, кому ответить. Когда девушка видит множество одинаковых сообщений, начинающихся с «Привет!», а на все сообщения она просто физически не может ответить, она выбирает того, кто окажется «поэлегантнее», более оригинальным и т. п. Вероятно, в этом также заметно тяготение к отходу от стандартизации, к интенсивному поиску. Девушки отдают предпочтение тем мужчинам, которые в начале торга показывают некое личное отношение, то есть не пишут стандартные фразы, вроде «как дела?», а стараются на основании анкеты сделать комплимент или задать конкретный вопрос.

Меня несказанно раздражает, когда человек тебе пишет незнакомый: «Привет, как дела, расскажи о себе». Пойди, прочитай мою анкету, и ты найдёшь там рассказ про себя, и с этого легче завести разговор с незнакомым человеком. Когда ты уже что-то о нём знаешь, ты можешь задать какие-то вопросы по его увлечениям, по анкете (Елена, 32 года).

При этом респонденты-мужчины, как кажется, не всегда подозревают о наличии данных правил переписки, а следования им ожидают многие респонденты-девушки. И вновь играет роль стремление к экстенсивному поиску: чтобы «прорваться» на интенсивный этап, вступить в интенсивный торг, нужно сперва пройти этап экстенсивный, а также написать первое сообщение. Многие респонденты-мужчины просто не доходят до стадии торга, потому что либо не видят ключей и не понимают правил, либо не хотят их признавать, не хотят играть по правилам базара (вероятно, поэтому они и не хотят приукрашивать себя в анкете и на фотографии или составлять подробную анкету).

Обсуждение ключей и правил переписки вновь встречается и на форуме сайта. Так, одна из пользовательниц оставляет комментарий о неуместности обращения «привет» и о необходимости общаться «необычно», на что получает недоуменный комментарий мужчины, который пытается осмыслить категорию «необычное общение»:

Алёна. Тут на «привет» не отвечают. Нужно необычно общаться, а «привет» скучно многим девушкам почему-то, высокие требования к привету.

Алексей. Ну ок, а что значит «необычно»? Ну понятно же, что это лапша на уши, всё это интернет-общение? Но не CV же им высылать.

Однако в дискуссии участвовал и мужчина, который был осведомлён о нежелательности «привета», но и расстроен этим. Более того, мужчина ставит в один ряд «привет» и «как дела?», что также говорит о его осведомлённости:

Имхо, люди получают «привет» миллионы раз и сразу отфильтровывают типа очередной «какдила» пришёл... Всё сложно.

И всё же наличествующее несоответствие ожиданий мужчин и женщин приводит к тому, что респонденты-мужчины порой расстраиваются, что многие девушки им не отвечают (о чём мы говорили и выше).

Огромное количество именно тех, кто не отвечает просто: прочли и всё, и забыли. Даже не посещая анкету. Ну, это всё идёт от количества. Понятно, что избыток (Максим, 22 года).

Респондент говорит об *избытке предложения* мужчин, то есть прямо использует рыночную метафору. Далее он приводит свои примерные количественные оценки конкуренции мужчин за девушек: «*Ты один из 15. И зачем это нужно!?*» — и мечтает об отсутствии этой конкуренции и полностью интенсивном поиске:

[Я мечтаю] именно такого человека искать и найти. [Чтобы не был] переизбыток товара, предложения переизбыток, [иначе] начинается непонятно что, ценность теряется. А я надеюсь найти такую девушку, которой не будет там напisyвать по 15–100–100 000 желающих с ней дружить, завести отношения (Максим, 22 года).

Иными словами, данный респондент мечтает о клиентелизации.

Клиентелизация на сайте знакомств VS «потребительское отношение» к пользователям

Согласно К. Гирцу, продуктивный торг — это явление, при котором у продавцов и покупателей есть постоянные клиентские отношения и происходит изучение частных аспектов вероятной сделки [Гирц 2004: 159], а не когда покупатель перебирает всё новые и новые варианты. Сама логика сайта знакомств (тем более такого, который позиционирует себя как ресурс для помощи в создании семьи) предполагает, что цель будет достигнута, когда пользователь покинет сайт, то есть найдёт подходящее знакомство, сумеет построить отношения и вступит в брак. Этим рассматриваемый сайт, вероятно, отличается от некоторых «светских» коммерческих платформ. Клиентелизация заключается в том, что пользователь в процессе переписки возвращается к одному и тому же человеку, чтобы лучше его (её) узнать, потому что цель — не расширить число контактов, а найти единственного *своего человека*. Порой экстенсивный и интенсивный поиски переплетаются: можно одновременно просматривать анкеты и пробовать впервые писать многим девушкам стандартное краткое приветствие, параллельно переписываясь с другими. Но такое переплетение не всегда представляется морально оправданным, а интенсивный этап оказывается предпочтительным (вспомним упомянутую выше позицию одного из респондентов о том, что он не хочет общаться с девушкой, которой при этом пишут и другие мужчины). Упомянутые ранее гендерные нормы и ключи в переписке, таким образом, оказываются и маркерами стандартизации.

Опять же, человек может это [краткое приветствие] просто скопировать и отсылать всем подряд, и смотреть, кто ответит. Разве мы хотим общаться с мужчинами, которые такой подход используют? (Нина, 26 лет).

Вот такое общее начало [то есть одинаковое приветствие] мне не нравится, оно ничего не говорит о человеке, оно никак не показывает, что он к тебе какой-то интерес проявил. Скорее всего, он тоже написал это сообщение 20-ти человекам, смотрит, что будет дальше (Елена, 32 года).

В приведённом выше фрагменте интервью девушка выражает недовольство такой экстенсивной мужской стратегией, в которой присутствует некая стандартизация и типичность действия («скопировать», «всем подряд») и не хватает личного отношения. Найти баланс между экстенсивным и интенсивным поиском не так уж и просто: клиентские связи нужно ещё установить, и нет гарантий, что они будут поддерживаться; параллельно с уже идущей перепиской приходится выстраивать новые связи, просматривая анкеты и отправляя первые сообщения иным людям. Вновь мы видим противоречия рыночной экстенсивной логики и ценностно нагруженной интенсивной стратегии, которая оказывается укоренена в гендерных и религиозных нормах.

Противопоставление экстенсивного и интенсивного этапов поиска также заметно в «потребительском отношении», о котором говорят респонденты и которого пытаются избежать. Такое отношение некоторые респонденты замечали за собой из-за наличия широты выбора на экстенсивном этапе, что они называли «искушением», с которым нужно бороться. В этом случае появляется соблазн прекратить торг, вернуться к экстенсивному этапу и начать поиск заново:

<...> Потребительское отношение к знакомствам. То есть ты знакомишься с человеком и понимаешь, что есть ещё куча других, с которыми можно познакомиться, и поэтому каждого конкретного человека из-за этого ты меньше ценишь (Михаил, 24 года).

При этом на православном сайте знакомств ввиду его, как выражались некоторые респонденты, меньшей «потоковости» по сравнению с другим известным светским приложением для знакомств, построенном на механизме свайпинга⁴, потребительское отношение выражено не столь сильно: можно вчитаться в большую анкету другого пользователя, самому написать сообщение, а не дожидаться автоматического совпадения симпатий, как в упомянутом светском приложении.

Ещё один пользователь также говорит о меньших масштабах проявления потребительского отношения на православном сайте по сравнению с упомянутым светским, отмечая интенсивность поиска как характеристику, причём даже на этапе просмотра анкеты:

Грубо говоря, менее потребительское такое отношение. То, что нет вот такого: раз, раз, раз (пальцами изображает быстрое перелистывание, подразумевая, вероятно, свайпинг), наотметал там. Больше просматриваешь и анкету, и описание, вот это всё. Настраивает на более длительное изучение страницы чьей-то, и так далее (Сергей, 31 год).

Таким образом, отсутствие потребительского отношения может быть рассмотрено как признак успешной клиентелизации. Это вновь указывает на то, что воцерковлённые пользователи православного сайта знакомств в поиске пары выстраивают базарные стратегии, сопротивляясь рыночным чертам платформы.

⁴ Жест смахивания экрана для «лайка» или «дизлайка» предлагаемого приложением профилем другого пользователя.

Заключение

Мы рассмотрели проблему поиска пары молодыми людьми в технологических реалиях платформы знакомств с религиозной направленностью и постарались ответить на вопрос о том, какая форма интеграции может быть применена для описания такого поиска на известном православном сайте знакомств на примере пользователей 18–35 лет из Москвы и ближайшего Подмосковья. Отвечая на вопрос, мы взглянули на поиск брачной пары сквозь концепт рынка с помощью как неoinституционального подхода Дж. Акерлофа, так и оптики базара К. Гирца, в которой мы нашли больше преимуществ для описания рассмотренного кейса.

С одной стороны, сайт можно рассмотреть как рынок с несовершенством информации, на котором анкета и фото выступают институциональными механизмами борьбы с данным несовершенством и проблемой определения качества. С другой стороны, оптика такого рынка подходит для описания лишь первого, экстенсивного этапа поиска, в то время как основной процесс поиска идёт на интенсивном этапе, представленном перепиской — интенсивным и многомерным торгом [Гирц 2004: 158], во время которого формируются клиентские отношения — длительные, «активные» переписки с определёнными потенциальными партнёрами, в противоположность экстенсивному расширению контактов с его опасностью «потребительского отношения» к другим пользователям. При этом экстенсивный и интенсивный поиски вступают в противоречие друг с другом: стремясь уйти от стандартизованности и рыночности первого, молодые люди хотят приблизить взаимодействия с другими пользователями к реальным и более личным отношениям с помощью второго, что и отражает тяготение поиска на сайте в целом именно к базарной модели. Но и такой поиск осложняется конкуренцией среди мужчин за девушек в условиях слабой информированности первых относительно запросов и ожиданий вторых (гендерная асимметрия информации).

Что же до ограничений исследования, то, во-первых, одним из ключевых является сензитивность темы онлайн-дейтинга. Чтобы не нарушить академическую исследовательскую этику, при этом обеспечивая комфорт респондентов, мы старались предоставить полную информацию об исследовании и гарантировали анонимность и конфиденциальность, а также изменили все имена участников исследования. Во-вторых, онлайн-формат интервью устанавливал свои рамки: связь порой прерывалась из-за проблем с Интернетом, иногда в помещение к информантам заходили другие люди. Мы старались извлечь пользу из данных ситуаций: перечитать гайд, подробнее записать полевые заметки, подготовить новые уточняющие вопросы. В-третьих, непростым оказалось и то обстоятельство, что на некоторых интервью беседа с пользователями рисковала превратиться в свидание: респонденты далеко не всегда воспринимали нас только как исследовательниц. В этой ситуации мы старались чётко обозначать границы, а также быть рефлексивными, чтобы отследить, что и с какой целью нам говорят мужчины, что относится к интервью, а что можно пропустить, ведь мужчины могли отвечать на вопросы не с целью предоставить информацию для исследования, но рассчитывая на вовлечение нас в практику онлайн-дейтинга. В конце концов, мы вышли на большой вопрос — контрвопрос Б. Глейзеру: «Всё ли есть данные?» [Glaser 1978: 38] (цит. по: [Забаев 2011: 127]). Признание респондента в симпатии или же факт корректировки гайда с целью сохранения академических рамок беседы — это данные? Если да, как их использовать, соблюдая этические границы? Всё это, безусловно, вопросы для продолжения методологических дискуссий.

В целом оптика рынка оказалась достаточно ограниченной для анализа онлайн-взаимодействий на платформе знакомств. Даже тяготение к базарной модели, с нашей точки зрения, отражает сопротивление пользователей рыночным аспектам логики платформы, а также их стремление построить платформу под собственные запросы, укоренённые в религиозных ценностях. Цель — стремление найти пару «раз и на всю жизнь» — подчас с трудом достигается средствами, то есть механикой сайта с её

стандартизованными элементами: «своего человека» надо искать не экстенсивно и поверхностно, а интенсивно, вглубь.

В связи с критическим осмыслением применения оптики рынка к анализу платформы знакомств имеет смысл задаться и следующим вопросом: какой же вклад полученные выводы могут внести в столь актуальную дискуссию о логике и функционировании платформ в целом [Старк, Паис 2021]? С нашей точки зрения, исследование вновь показывает, что платформа представляет собой особую форму интеграции технической системы и людей-пользователей; её онтология выстраивается из синхронного взаимодействия алгоритмов и условных «живых людей», которые могут сопротивляться техническим правилам или направлять их в определённое русло (возникновение новых ключей и сигналов в рамках очерченных создателями платформы норм взаимодействия), встречать ограничения в лице этих правил (недовольство стандартизированной анкетой и поиском). Возможно, и на полученном нами эмпирическом материале можно проследить, как в итоге формируется особая, текучая, постоянно трансформирующаяся реальность, столь ярко описанная Д. Старком и И. Паис через метафору ленты Мёбиуса [Старк, Паис 2021]. Быть может, в дальнейшем стоит задуматься о рассмотрении сайтов знакомств как платформ («платформ как платформ» [Старк, Паис 2021: 77]). То, как это может изменить понимание романтических отношений в онлайн-среде и в обществе в целом, покажут новые исследования.

Приложение

Таблица П.1

Ключевая информация об информантах

№	Имя в исследовании	Длительность интервью	Интервьюер	Пол	Возраст (полных лет)	Место проживания	Цель регистрации на сайте (указывается в анкете)
1	Екатерина	1 час 17 мин	Полина	Женский	28	Москва	Создание семьи
2	Алина	45 мин	Кристина	Женский	22	Москва	Иное
3	Дмитрий	48 мин	Ольга	Мужской	23	Подмосковье	Иное
4	Николай	1 час 45 мин.	Кристина	Мужской	32	Москва	Создание семьи
5	Анна	2 часа 6 мин	Ольга	Женский	20	Москва	Поиск друзей
6	Нина	3 часа 26 мин	Полина	Женский	26	Москва	Создание семьи
7	Михаил	1 час 9 мин	Полина	Мужской	24	Москва	Создание семьи
8	Илья	1 час 29 мин	Полина	Мужской	21	Москва	Создание семьи
9	Наталья	1 час 26 мин	Кристина	Женский	24	Москва	Поиск друзей
10	Павел	1 час 2 мин	Ольга	Мужской	27	Москва	Создание семьи
11	Ярослав	1 час 16 мин	Ольга	Мужской	20	Москва	Создание семьи
12	Марина	1 час 30 мин	Ольга	Женский	33	Москва	Общение
13	Константин	2 часа 5 мин	Ольга	Мужской	25	Москва	Общение
14	Марина	1 час 24 мин	Кристина	Женский	23	Москва	Создание семьи
15	Георгий	1 час 32 мин	Кристина	Мужской	34	Москва	Создание семьи
16	Максим	1 час 21 мин	Кристина	Мужской	22	Москва	Создание семьи
17	Ксения	1 час 40 мин	Кристина	Женский	30	Москва	Создание семьи
18	Аглая	1 час 28 мин	Ольга	Женский	25	Москва	Общение
19	Елена	1 час 29 мин	Полина	Женский	32	Москва	Создание семьи
20	Сергей	58 мин	Полина	Мужской	31	Москва	Создание семьи
21	Артём	31 мин	Кристина	Мужской	19	Сельское поселение в республике Мордовия*	Создание семьи

* Несмотря на выход типа населённого пункта за рамки выбранного объекта исследования, данное интервью важно для нас благодаря инсайтам и категориям и полезно для контрастных сравнений: респондент является студентом духовной семинарии, что предполагает специфический взгляд на поиск пары.

Литература

- Акерлоф Д. 1994. Рынок «лимонов»: неопределённость качества и рыночный механизм. *THESIS*. 5: 91–104.
- Аронсон П. 2021. *Любовь. Сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств*. М.: Individuum.
- Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество* (под ред. В. Л. Иноземцева). М.: Логос.
- Гирц К. 2004. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 7 (3): 153–160.
- Гофман И. 2000. *Представление себя другим в повседневной жизни* (перев. с англ. А. Ковалевой). М.: Канон-Пресс-Ц.

- Грановеттер М. 2004. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. В сб.: Радаев В. В., Добрякова М. С. (отв. ред.). *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН; 131–158.
- Забаев И. 2011. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: 4М*. 32: 124–142.
- Иллуз Е. 2020. *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Ильин В. И. (тит. ред.) 2020. *Двое в обществе: интимная пара в современном мире*. М.: ВЦИОМ.
- Коулман Д. 2009. Введение социальной структуры в экономический анализ. *Экономическая социология*. 10 (3): 33–41. URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2009-3-33-41>
- Маркин К. В. 2018. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2: 274–290.
- Павлюткин И. В. 2020. Динамика религиозности молодых людей в России. *Научный результат. Социология и управление*. 6 (3): 153–183.
- Радаев В. В. 2005. *Экономическая социология*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рощина Я. М., Рощин С. Ю. 2006. *Брачный рынок в России: выбор партнёра и факторы успеха*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2000. *Официальный сайт Московского Патриархата*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
- Срничек Н. 2020. *Капитализм платформ* (перев. с англ. под науч. ред. М. Добряковой). М.: Изд. дом ВШЭ.
- Старк Д., Паис И. 2021. Алгоритмическое управление в экономике платформ. *Экономическая социология*. 22 (3): 71–103. URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/ecsoc/article/view/12527>
- Страусс А., Корбин Дж. 2001. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* (перев. с англ. Т. Васильевой). М.: Изд-во УРСС.
- Ташевская Н. 2021. Tinder начали использовать ради ипотеки. *Lenta.ru*. 7 сентября. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/07/tinder_home/
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity* (Translated by M. Ritter). London: Sage Publications.
- Becker G. S. 1977. *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
- Becker G. S. 1991. *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bridges J. 2012. *The Illusion of Intimacy: Problems in the World of Online Dating*. Santa Barbara: Praeger.

- Bullingham L., Vasconcelos A. 2013. The Presentation of Self in the Online World: Goffman and the Study of Online Identities. *Journal of Information Science*. 39 (1): 101–112.
- Duguay S. 2017. Dressing up Tinderella: Interrogating Authenticity Claims on the Mobile Dating App Tinder. *Information, Communication & Society*. 20 (3): 351–367.
- Essig L. 2019. *Love, Inc.: Dating Apps, the Big White Wedding, and Chasing the Happily Everafter*. California: University of California Press.
- Glaser B. 1978. *Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory*. Mill Valley (CA): Sociology Press.
- Glaser B., Strauss A. L. 1999. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. New York: Routledge.
- Heino R., Ellison N., Gibbs J. 2006. Managing Impressions Online: Self-Presentation Processes in the Online Dating Environment. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 11 (2): 415–441.
- Heino R., Ellison N., Gibbs J. 2010. Relationshopping: Investigating the Market Metaphor in Online Dating. *Journal of Social and Personal Relationships*. 27 (4): 427–447.
- Illouz E., Finkelmann S. 2009. An Odd and Inseparable Couple: Emotion and Rationality in Partner Selection. *Theory and Society*. 38: 401–422.
- Jyrkiäinen S. 2016. Online Presentation of Gendered Selves among Young Women in Egypt. *Middle East Journal of Culture and Communication*. 9 (2): 182–198.
- Kalberg S. 1980. Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History. *The American Journal of Sociology*. 85 (5): 1145–1179.
- Krüger S., Spilde A. C. 2020. Judging Books by Their Covers — Tinder Interface, Usage and Sociocultural Implications. *Information, Communication & Society*. 23 (10): 1395–1410.
- Merton R. K. 1995. The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*. 74 (2): 379–422.
- Richardson M. et al. 2020. Religion-Focused Dating Apps: A Q Methodology Study on the Uses of Mutual. *Telematics and Informatics*. 55: 1–10.
- Rochadiat A., Tong S., Novak J. 2018. Online Dating and Courtship among Muslim American Women: Negotiating Technology, Religious Identity, and Culture. *New Media & Society*. 20 (4): 1618–1639.
- Schmitz A. 2017. The Market Character of Online Dating. In: Schmitz A. (ed.) *The Structure of Digital Partner Choice*. Cham: Springer International Publishing; 29–42.
- Sharabi L., Dykstra-DeVette T. 2018. From First Email to First Date: Strategies for Initiating Relationships in Online Dating. *Journal of Social and Personal Relationships*. 36 (11–12): 3389–3407.
- Sokfa J. F. 2020. 'Virtual People' and Matches Made in Heaven: The Pitch of Born-Again Dating Platforms and Pentecostal Attitude Towards Online Dating. In: Kaunda C. (ed.) *Genders, Sexualities, and Spiritualities in*

African Pentecostalism. Christianity and Renewal — Interdisciplinary Studies. Cham: Palgrave Macmillan; 245–262.

Tiller R. 2018. Navigating Muslim Identity and Customs in Online Dating. *Intersect*. 12 (1): 1–11.

Timmermans E., Courtois C. 2018. From Swiping to Casual Sex and/or Committed Relationships: Exploring the experiences of Tinder users. *The Information Society*. 34 (2): 59–70.

DEBUT STUDIES

Kristina Galitsina, Polina Kalinovskaya, Olga Khvorostianova

Online Dating: Market or Bazaar? The Marriage Partner Search Process on an Orthodox Dating Site

GALITSINA, Kristina — HSE University student; intern researcher at International Laboratory for Social Integration Research. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: kvgalitsina@edu.hse.ru

KALINOVSKAYA, Polina — HSE University student; laboratory assistant at the Sociology of Religion Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia. Address: 23B Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: pakalinovskaya@socrel.ru

KHVOROSTIANOVA, Olga — HSE University student. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: oyukhvorostyanova@edu.hse.ru

Abstract

According to a number of researchers, in view of the marketization of culture, the processes of searching for and choosing a romantic partner have taken on the characteristics of a market which becomes especially apparent in case of online dating platforms [Heino Ellison, Gibbs 2010; Schmitz 2017]. The logic of religious dating platforms, where the proclaimed goal is to find a spouse once and for good, may conflict with the market integration logic of a platform itself. In this study, based on the in-depth semi-structured interviews with 18–35-year-old Orthodox online dating platform users from Moscow and the Moscow region, the objective is to identify the form of integration that is suitable for describing the search for a couple on this site. Firstly, the search for a partner is studied through G. Akerlof's perspective as search on the market so that the website's questionnaire and photos are treated as institutional mechanisms used to tackle the problem of imperfect information and the quality uncertainty. Secondly, the search process in hand is considered as a bazaar in line with C. Geertz's argument where messaging is bargaining, and users, motivated by the desire to find a soulmate, aim at clientelization. Finally, the authors infer that the bazaar perspective is more relevant for describing the search process in the considered case. In conclusion, the market angle itself is problematized, and attention is also paid to the functioning of the platforms in general.

Keywords: partner search; marriage market; imperfect information; the bazaar economy; dating platform; Orthodox dating site; online-dating.

Acknowledgements

The authors thank Ivan Pavlyutkin for help in commissioning this research and the staff of the scientific laboratory “Sociology of Religion” of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities for stimulating discussions of the draft version. We express our gratitude to Darya Asaturyan and Elena Berdysheva for feedback and insightful comments.

References

Akerlof G. (1994) Rynok “limonov”: neopredelennost' kachestva i rynochnyy mekhanizm [The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism]. *THESIS (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems) = THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system*, no 5, pp. 91–104 (in Russian).

- Aronson P. (2021) *Lyubov': Sdelay sam. Kak my stali menedzherami svoikh chuvstv* [Love: Do-It-Yourself. How we Became Managers of Our Feelings], Moscow: Individuum (in Russian).
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualised Society], Moscow: Logos (in Russian).
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity* ((Translated by M. Ritter), London: Sage Publications.
- Becker G. S. (1977) *The Economic Approach to Human Behavior*, Chicago: University of Chicago Press.
- Becker G. S. (1991) *A Treatise on the Family*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bridges J. (2012) *The Illusion of Intimacy: Problems in the World of Online Dating*, Santa Barbara: Praeger.
- Bullingham L., Vasconcelos A. (2013) The Presentation of Self in the Online World: Goffman and the Study of Online Identities. *Journal of Information Science*, vol. 39, no 1, pp. 101–112.
- Duguay S. (2017) Dressing up Cinderella: Interrogating Authenticity Claims on the Mobile Dating App Tinder. *Information, Communication & Society*, vol. 20, no 3, pp. 351–367.
- Essig L. (2019) *Love, Inc.: Dating Apps, the Big White Wedding, and Chasing the Happily Everafter*, California: University of California Press.
- Geertz C. (2004) Bazarnaya ekonomika: informatsiya i poisk v krest'yanskom marketinge [The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 7, no 3, pp. 153–160 (in Russian).
- Glaser B. (1978) *Theoretical Sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory*, Mill Valley (CA): Sociology Press.
- Glaser B., Strauss A. L. (1999) *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, New York: Routledge.
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], Moscow: Kanon-Press-Ts (in Russian).
- Granovetter M. (2004) Ekonomicheskoe deystvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki* [Western Economic Sociology: Anthology of Modern Classics] (eds. V. V. Radaev, M. S. Dobryakova), Moscow: ROSSPEN, pp. 131–158 (in Russian).
- Heino R., Ellison N., Gibbs J. (2006) Managing Impressions Online: Self-Presentation Processes in the Online Dating Environment. *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 11, no 2, pp. 415–441.
- Heino R., Ellison N., Gibbs J. (2010) Relationshopping: Investigating the Market Metaphor in Online Dating. *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 27, no 4, pp. 427–447.

- Il'in V. I. (ed.) (2020) *Dvoe v obshchestve: intimnaya para v sovremennom mire* [The Two in Society: Intimate Couple in the Modern World], Moscow: VTsIOM Publishing House (in Russian).
- Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe ob'yasnenie* [Why Love Hurts: A Sociological Explanation], Moscow: Directmedia Publishing (in Russian).
- Illouz E., Finkelmann S. (2009) An Odd and Inseparable Couple: Emotion and Rationality in Partner Selection. *Theory and Society*, vol. 38, pp. 401–422.
- Jyrkiäinen S. (2016) Online Presentation of Gendered Selves among Young Women in Egypt. *Middle East Journal of Culture and Communication*, vol. 9, no 2, pp. 182–198.
- Kalberg S. (1980) Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History. *The American Journal of Sociology*, vol. 85, no 5, pp. 1145–1179.
- Krüger S., Spilde A. C. (2020) Judging Books by Their Covers — Tinder Interface, Usage and Sociocultural Implications. *Information, Communication & Society*, vol. 23, no 10, pp. 1395–1410.
- Coleman J. (2009) Vvedenie sotsial'noy struktury v ekonomicheskii analiz [Introducing Social Structure into Economic Analysis]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 3, pp. 33–41. Available at: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2009-3-33-41> (accessed 2 March 2022) (in Russian).
- Markin K. V. (2018) Mezhdru veroy i neveriem: nepraktikuyushchie pravoslavnye v kontekste rossiiskoy sotsiologii religii [Between Belief and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal = Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 2, pp. 274–290 (in Russian).
- Merton R. K. (1995) The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, vol. 74, no 2, pp. 379–422.
- Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church] (2000) *Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata* [Official Website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 27 October 2021) (in Russian).
- Pavlyutkin I. V. (2020) Dinamika religioznosti molodykh lyudei v Rossii [Dynamics of Religious Commitments of Young People in Russia]. *Research Result. Sociology and Management = Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 6, no 3, pp. 153–183 (in Russian).
- Radaev V. V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Richardson M., Cannon S., Teichert L., Vance A., Kramer I., Barter M., King J., Callahan C. (2020) Religion-Focused Dating Apps: A Q Methodology Study on the Uses of Mutual. *Telematics and Informatics*, vol. 55, pp. 1–10.
- Rochadiat A., Tong S., Novak J. (2018) Online Dating and Courtship Among Muslim American Women: Negotiating Technology, Religious Identity, and Culture. *New Media & Society*, vol. 20, no 4, pp. 1618–1639.

- Roshchina Y. M., Roshchin S. Y. (2006) *Brachnyy rynek v Rossii: vybor partnera i faktory uspekha* [Marriage Market in Russia: Mate Selection and Success Factors], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Schmitz A. (2017) The Market Character of Online Dating. *The Structure of Digital Partner Choice* (ed. A. Schmitz), Cham: Springer International Publishing, pp. 29–42.
- Sharabi L., Dykstra-DeVette T. (2018) From First Email to First Date: Strategies for Initiating Relationships in Online Dating. *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 36, no 11-12, pp. 3389–3407.
- Sokfa J. F. (2020) ‘Virtual People’ and Matches Made in Heaven: The Pitch of Born-Again Dating Platforms and Pentecostal Attitude Towards Online Dating. *Genders, Sexualities, and Spiritualities in African Pentecostalism. Christianity and Renewal — Interdisciplinary Studies* (ed. C. Kaunda), Cham: Palgrave Macmillan, pp. 245–262.
- Srnichek N. (2020) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Stark D., Pais I. (2021) Algoritmicheskoe upravlenie v ekonomike platform [Algorithmic Management in the Platform Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 71–103. Available at: <https://mirros.hse.ru/index.php/ecsoc/article/view/12527> (accessed 2 March 2022) (in Russian).
- Strauss A. L., Corbin J. (eds) (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory], Moscow: URSS Publishing House (in Russian).
- Tashevskaya N. (2021) Tinder nachali ispol’zovat’ radi ipoteki [Mortgage has Become the Reason for Using Tinder]. *Lenta.ru*. Available at: https://lenta.ru/news/2021/09/07/tinder_home/ (accessed 27 October 2021) (in Russian).
- Tiller R. (2018) Navigating Muslim Identity and Customs in Online Dating. *Intersect*, vol. 12, no 1, pp. 1–11.
- Timmermans E., Courtois C. (2018) From Swiping to Casual Sex and/or Committed Relationships: Exploring the Experiences of Tinder Users. *The Information Society*, vol. 34, no 2, pp. 59–70.
- Zabaev I. (2011) Logika analiza dannykh v obosnovannoy teorii (grounded theory): versiya B. Glezera [The Logic of Data Analysis in Grounded Theory: B. Glaser’s Version]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M) = Sotsiologiya: 4M*, no 32, pp. 124–142 (in Russian).

Received: November 2, 2021

Citation: Galitsina K., Kalinovskaya P., Khvorostianova O. (2022) Onlayn-dejting: rynek ili bazar? Process poiska brachnoy pary na pravoslavnom sayte znakomstv [Online Dating: Market or Bazaar? The Marriage Partner Search Process on an Orthodox Dating Site]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 65–90. Doi: [10.17323/1726-3247-2022-2-65-90](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-65-90) (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. Д. Казун

Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы¹

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), старший преподаватель факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: adkazun@hse.ru

В статье представлен обзор литературы, посвящённой конспирологическому мышлению. Хотя консенсус в отношении определения данного понятия отсутствует, исследователи, как правило, обращают внимание на следующие сходные аспекты: вера в секретные и тайные действия; наличие группы заинтересованных лиц, влияющих на мировые процессы или скрывающих информацию о чём-либо; ложный или неправдоподобный характер теорий заговора. Существуют два принципиально разных подхода для измерения конспирологического мышления: (1) с точки зрения согласия с рядом реальных теорий заговора; (2) в общих терминах, без ссылки на конкретные теории заговора. Каждый из них имеет серьёзные ограничения — как специфические (например, произвольность выбора теорий заговора для первого подхода и отсутствие одномерности шкал — для второго), так и общие (сложность использования шкал в сравнительных международных исследованиях). В обзоре приведены примеры инструментария, соответствующего каждому из подходов. Факторы, влияющие на веру в теории заговора, могут быть разделены на психологические и социальные. Конспирологические убеждения более свойственны людям с высокой тревожностью, низкой самооценкой и менее развитыми аналитическими способностями. Кроме того, в теории заговора чаще верят люди с низким социальным статусом и уровнем образования, невысоким уровнем генерализованного и политического доверия, принадлежащие к краям идеологического спектра, а также потребляющие информацию из глянцевого журналов и социальных сетей. Роль возраста и религиозности менее однозначна.

Ключевые слова: теории заговора; конспирология; мышление; неопределённость; риск; доверие; медиапотребление; рациональность; фейковые новости.

Введение

Проблема неточной или неполной информации, а также доверия к ней остро стоит в современном мире. Так, люди могут контактировать с заведомо ложными сведениями — фейковыми новостями [Казун 2020; Bryunov, Vziatysheva 2021], оказываются в изоляции от идеологически чуждой для них информации (пузыри фильтрации и эхо-камеры [Flaxman, Goel, Rao 2016]) или сознательно её игнорируют (селективное влияние [Ball-Rokeach, Grube, Rokeach 1981; Stroud 2008; Iyengar, Hahn 2009]), испытывают воздействие пропаганды [Robinson et al. 2016; Zollmann 2019], сталкива-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50403.

ются с тем, что отдельные аспекты события могут замалчиваться, а другие, напротив, подсвечиваться, формируя необъективную картину (акцентный фрейминг [Nisbet, Brossard, Kroepsch 2003]). Важность имеет и менее институционализированное распространение информации — слухи, теории заговора и др. Именно конспирологическому мышлению как одной из форм ложных убеждений и будет посвящён данный обзор.

Актуальность изучения доверия к теориям заговора связана с их социальными последствиями и высокой распространённостью. Многочисленные негативные эффекты конспирологических убеждений (*conspiracy beliefs*) неоднократно отмечались исследователями. Так, вера в теории заговора часто не способствует благоприятному для здоровья поведению [Oliver, Wood 2014b], в числе прочего может снижать вероятности вакцинации [Zimmerman et al. 2005; Goertzel 2010; Dunn et al. 2017], приводить к небезопасному сексу [Grebe, Natrass 2012], формировать скептическое отношение к профилактическим мерам предотвращения распространения заболеваний [Bird, Bogart 2005]. Во время пандемии COVID-19 вера в теории заговора снижала вероятность следования мерам предосторожности — более частому и продолжительному мытью рук, соблюдению дистанции в общественных местах и т. д. [Allington et al. 2021]. Социальные и политические последствия веры в теории заговора также серьёзны; к ним относятся снижение политического участия [Jolley, Douglas 2014] и доверия к науке [Lewandowsky, Gignac, Oberauer 2013; Lewandowsky, Oberauer, Gignac 2013; Linden 2015], распространение расизма и деструктивного политического поведения [Swami 2012; Bilewicz et al. 2013]. Доля людей, которые верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [Oliver, Wood 2014a] и Италии [Mancosu, Vassallo, Vezzoni 2017]. При этом противодействовать распространению теорий заговора бывает затруднительно. Так, опровержения конспирологических нарративов могут истолковываться, напротив, в их пользу. Вера в теории заговора приводит к тому, что доказательства их недостоверности интерпретируются через призму самих теорий. Следовательно, приводимые рациональные аргументы воспринимаются как дополнительное подтверждение того, что определенные группы интересов желают сохранить соответствующую информацию в тайне [Sunstein, Vermeule 2009]. Все это делает необходимым более детальное изучение данного феномена.

В частности, на фоне коронавируса COVID-19 проблема распространения теорий заговора начала обсуждаться более активно, чем ранее. Интерес к данной теме устойчиво увеличивался в течение длительного периода времени (см. рис. 1), но именно пандемия способствовала росту числа публикаций о конспирологии. Так, в 2019 г. увидели свет 363 статьи по данной тематике; в 2020 г. — уже 536, а в 2021 г. — 917. Можно предположить, что данная тенденция сохранится.

Рис. 1. Динамика числа публикаций, индексировемых базой данных «Scopus» и содержащих термин *conspiracy* в заголовке, ключевых словах или аннотации. 1990–2020 гг.

В рамках данного обзора мы обратимся к академической литературе о конспирологическом мышлении и теориях заговора. Поиск источников произведён по базе данных «Scopus»; рассматриваются наиболее цитируемые и наиболее недавние статьи (2018–2021 гг.), что позволяет охватить как классические, так и современные работы по теме.

Настоящий обзор отвечает на четыре основных вопроса:

- что такое конспирологическое мышление?
- вокруг каких событий возникают теории заговора?
- как можно измерить склонность к конспирологическому мышлению, и какие методологические проблемы возникают на этом пути?
- с какими психологическими и социальными факторами связано конспирологическое мышление, и есть ли в литературе консенсус об этих факторах?

Ответу на каждый из этих вопросов посвящён отдельный раздел, после чего сделаны общие выводы.

Что такое конспирологическое мышление?

Распространение теорий заговора рассматривалось социальными науками уже достаточно давно [Popper 1969; Moscovici 1987]. Наиболее раннее определение конспирологической теории общества (*conspiracy theory of society*) как «точки зрения, согласно которой объяснение социального феномена состоит в обнаружении людей или групп, заинтересованных в возникновении этого явления <...> и тех, кто спланировал и сговорился осуществить его» [Popper 1969: 295], во многом созвучно подходам, используемым в современных исследованиях. Вместе с тем границы данного понятия остаются дискуссионными, а подходы к изучению указанной проблемы разнообразны, многие аспекты нуждаются в уточнении и дальнейшем изучении. Так, одно из часто используемых определений конспирологического мышления характеризует его как «ложное убеждение, согласно которому конечной причиной того или иного события является заговор нескольких действующих лиц, имеющий чёткую цель и осуществляемый часто в тайне и незаконно» [Swami et al. 2014: 572]. Такое понимание теорий заговора отчасти созвучно термину «фейковые новости» (*fake news*) [Allcott, Gentzkow 2017], поскольку также постулирует ложность транслируемой и воспринимаемой информации.

Впрочем, приведённое выше определение имеет существенный недостаток: ложность той или иной теории заговора нередко не может быть подтверждена. Убедительные доказательства того, что коронавирус COVID-19 не создан в США или не является результатом теневой деятельности «мирового правительства», очень сложно предложить. Соответственно, насколько неубедительными ни казались бы нам эти идеи, считать их заведомо неверными мы не можем. Ряд исследователей предлагают считать теориями заговора не ложные, а неправдоподобные объяснения [Stojanov, Halberstadt 2019] или же «ненужные предположения о заговоре, когда другие объяснения более вероятны» [Aaronovitch 2011: 5]. Таким образом, более продуктивным представляется определять конспирологическое мышление как тенденцию объяснять социальные факты со ссылкой на «тайные договорённости между небольшой группой субъектов, узурпировавших политическую или экономическую власть, скрывающих жизненно важную информацию или незаконно распространяющих вред» [Uscinski et al. 2016: 58]. Теории заговора в данном случае объясняют сложные мировые события со ссылкой на секретную информацию, скрываемую влиятельными группами [Imhoff, Bruder 2014], конспирологические теории при этом характеризуются тремя основными убеждениями: всё не так, как кажется; всё взаимосвязано и ничего не

происходит случайно [Barkun 2013]. Именно такому пониманию рассматриваемого явления мы будем следовать в дальнейшем.

Вокруг каких событий возникают теории заговора?

Многочисленные исследования подчёркивают, что теории заговора могут возникать вокруг разнообразных событий [Leman 2007]: убийства национальных лидеров [McCauley, Jacques 1979; McHoskey 1995], теракты [Fenster 2008; Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham 2010], возникновение различных заболеваний (ВИЧ, СПИД [Parsons et al. 1999; Bogart, Thorburn 2006], вирус Зика [Klofstad et al. 2019], COVID-19 [Ahmed et al. 2020; Abbasi 2021; Douglas 2021; Leibovitz et al. 2021; Кирзюк 2021]). Попытка типологизировать многообразные конспирологические теории позволила выделить пять ключевых сюжетов подобных убеждений [Brotherton, French, Pickering 2013]:

- тайные преступные действия правительств против своих граждан;
- небольшие глобальные элиты, контролирующие важные события;
- сокрытие доказательств контакта с внеземными цивилизациями;
- распространение болезней и испытание технологий контроля разума на неосведомлённых гражданах;
- сокрытие правительством (или отдельными организациями) информации от общественности.

Предполагается, что большая часть существующих теорий заговора может быть отнесена к одной из указанных категорий. Таким образом, сами конспирологические убеждения неоднородны. Более того, разные группы населения в той или иной степени могут верить в определенные типы теорий заговора. Например, популисты склонны доверять нарративам о деятельности глобального правительства, однако не разделяют опасений, связанных с намеренным распространением болезней и контролем над разумом [Silva, Vegetti, Littvay 2017].

Объединяет большинство событий, в отношении которых конструируются теории заговора, их негативный характер и способность вызывать у людей чувство неопределённости. Именно потеря контроля над ситуацией и непредсказуемость происходящих событий заставляют искать им объяснение, которое зачастую и оказывается конспирологическим [Whitson, Galinsky 2008; Sullivan, Landau, Rothschild 2010]. Причины распространения теорий заговора и функции, которые они выполняют в обществе, описываются в различных терминах, зависящих от дисциплинарной принадлежности исследователя. Тем не менее во всех работах, затрагивающих данный вопрос, обнаруживаются общие идеи. Конспирологическое мышление может характеризоваться как способ конструирования фигуры врага, который необходим человеку для поддержания чувства контроля над ситуацией [Sullivan, Landau, Rothschild 2010]. Упорядоченности жизни угрожают многочисленные факторы, поэтому для сохранения ощущения определённости требуется сокращение числа предполагаемых (и не просчитываемых) потенциальных источников несчастий, в результате чего происходит сужение рисков до отдельных людей или групп. Угроза, таким образом, становится персонифицированной, а значит — более понятной и управляемой, позволяя людям сохранять большее чувство контроля над ситуацией, чем было бы возможно в условиях многочисленных случайных рисков.

Помимо приписывания вины за проблемы врагам, теории заговора предоставляют людям простые ответы на сложные и неопределённые вопросы [Goertzel 1994]. Это может оказаться особенно важным

в условиях возникновения внезапных рисков, официальная информация о которых ещё неполна и неточна. К примеру, кризисные ситуации, связанные со здоровьем населения, обычно приводят к резкому росту спроса на соответствующую информацию, который нередко не может быть в полной мере удовлетворён органами власти и экспертным сообществом [Reynolds, Seeger 2005; Sopory et al. 2019]. Когда ситуация меняется быстро, сведения об угрозах и противодействии им часто оказываются неполными или изменчивыми, неточными или избыточно сенсационными [Kittler et al. 2004; Smith 2006]. Доверие населения такой информации закономерно снижается, а теории заговора в результате этого начинают казаться более убедительными и заполняют лакуны, которые наблюдаются в официальных заявлениях.

Как измерить конспирологию?

Существуют два основных методологических подхода к измерению конспирологического мышления. Первый из них предлагает респондентам согласиться или не согласиться с конкретными теориями заговора из предложенного списка; второй использует шкалу с утверждениями, не содержащими упоминаний отдельных конспирологических теорий, которая позволяет оценить предрасположенность к подобному восприятию реальности.

Первый подход возник несколько раньше второго и в настоящее время представлен значительным числом работ. Например, одно из таких исследований [Goertzel 1994] предлагает респондентам выразить степень согласия с десятью конспирологическими теориями, среди которых следующие: «Вирус СПИДа был создан намеренно в государственной лаборатории»; «Правительство намеренно распространяет вирус СПИДа среди чернокожих»; «ВВС скрывают доказательства того, что США посещали летающие тарелки»; «ФБР было причастно к убийству Мартина Лютера Кинга». Другое аналогичное исследование включало в опросник 22 теории заговора [Abalakina-Paar et al. 1999], также посвящённые самым разным темам: СПИД как способ уничтожения групп меньшинств; терроризм; контроль евреев над банками и проч.

В некоторых случаях доверие различным теориям заговора рассматривается на примере одного и того же события. К примеру, теракт 11 сентября 2001 г. в США породил значительное число конспирологических теорий, что позволяет проанализировать, какие из них являются наиболее убедительными для людей и какой процент населения готов поверить хотя бы в одну из них [Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham 2010]. Аналогичное исследование проводилось в отношении теорий заговора о крушении малайзийского «Боинга» [Marchlewska, Cichocka, Kossowska 2018] и основывалось на согласии с четырьмя ключевыми утверждениями: «настоящая причина крушения заключалась в секретных действиях определённой группы людей»; «правду о причине крушения скрывали определённые группы лиц»; «разрушение самолёта было тщательно спланировано определённой группой людей»; «тем, кто попытается установить истинную причину крушения, не дадут говорить». Похожий подход, предполагающий использование нескольких конспирологических высказываний, относящихся к одному и тому же событию и объекту, использовался в других исследованиях, направленных, к примеру, на выявление доверия теориям заговора в отношении евреев [Swami 2012] или взрывов в Лондоне 7 июля 2005 г. [Swami et al. 2011].

Впрочем, стиль используемых формулировок может отличаться и в данном случае. Так, отдельные исследования, анализирующие конспирологическое мышление в отношении коронавируса COVID-19, опираются на более абстрактные формулировки теорий заговора: «правительство намеренно скрывает настоящее число заболевших людей»; «правительство манипулирует информацией о коронавирусе, чтобы расширить сферу своего влияния»; «коронавирус был создан, чтобы держать численность населения под контролем» [Kowalski et al. 2020]; «причиной пандемии являются чьи-то экономические или политические интересы»; «шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения

внимания общества от более важных проблем» [Нестик, Дейнека, Максименко 2020]. Другие исследования по данному вопросу, напротив, используют более конкретизированные формулировки: «вирус, вызывающий COVID-19, был, вероятно, создан в лаборатории»; «симптомы COVID-19 кажутся связанными с излучением мобильной сети 5G»; «пандемия COVID-19 была запланирована некоторыми фармацевтическими корпорациями и государственными органами» [Allington et al. 2021].

Полученные таким образом данные позволяют оценивать доверие конкретным теориям заговора (делаются выводы о том, какие категории респондентов более охотно готовы соглашаться с какими конспирологическими суждениями), долю респондентов, верящих по крайней мере в одну из теорий из списка, число теорий, которые разделяют респонденты (в среднем большинство). Тем не менее данный подход к изучению конспирологических убеждений не является единственным и уязвим для критики в первую очередь из-за произвольности отбора теорий заговора для включения в инструментарий. Хотя обычно вера в различные теории заговора коррелирует, так происходит не всегда [Prooijen, Acker 2015]. Можно предположить, что различные категории населения будут иметь склонность доверять разным теориям заговора, поэтому получаемые результаты могут быть связаны со спектром теорий, с которыми респондентам предлагалось выразить степень согласия. Кроме того, критические статьи фиксируют частое отсутствие проверки шкалы на одномерность [Swami et al. 2017]. Большинство публикаций, предлагающих респондентам выразить поддержку теорий заговора из фиксированного списка, не проводили факторный анализ, который должен был подтвердить, что все пункты шкалы относятся к одному фактору. Также в отдельных работах показатель согласованности шкалы альфа Кронбаха несколько ниже значений, которые принято считать хорошими (0,8), а объёмы выборки недостаточны для тестирования шкал с таким числом элементов [Swami et al. 2017] (например, тестирование шкалы из 17 теорий заговора на 138 респондентах; см.: [Wood, Douglas, Sutton 2012]).

Кроме того, многочисленные исследования подтверждают, что существуют индивидуальные различия в склонности людей доверять теориям заговора [Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham 2010]. Убежденность в одной теории заговора увеличивает вероятность доверия к другим, в том числе не связанным [Goertzel 1994], взаимно противоречащим [Wood, Douglas, Sutton 2012] или полностью вымышленным [Swami et al. 2011]. Таким образом, речь идёт, по-видимому, о некотором специфическом способе восприятия информации, а не о доверии конкретным конспирологическим нарративам. Это делает важной разработку более абстрактных шкал, направленных на изучение склонности верить в теории заговора.

Промежуточным вариантом методологии изучения конспирологического мышления можно считать предложенную М. Вудом шкалу, которая, с одной стороны, не предполагает полного отказа от использования конкретных теорий заговора в опросниках, с другой — несколько формализует методологию [Wood 2017]. Подход автора заключается в использовании 17 утверждений, которые должны зафиксировать предрасположенность к конспирологическому восприятию реальности. Сами утверждения содержат пропуски, позволяющие подставить практически любую теорию заговора. Например, «те, кто находится у власти, приложат немало усилий, чтобы не допустить досконального расследования ___»; «любой, кто обращал на это внимание, знает, что нам лгут о ___, но большинству людей промыли мозги»; «если правда о ___ станет известна, это нанесёт серьёзный ущерб интересам некоторых влиятельных людей» [Wood 2017]. Предполагается, что при проведении исследования на место пропусков будет подставлено упоминание об одной и той же теории заговора. В этом случае шкала показывает высокую согласованность и, по-видимому, хорошо отражает предрасположенность к конспирологическому мышлению.

Впрочем, какое-либо упоминание конкретных теорий заговора в подобных исследованиях не является обязательным. В частности, в анкете о конспирологическом менталитете (*Conspiracy Mentality Questionnaire*) [Bruder et al. 2013: 5] используются обобщённые формулировки: «Я думаю, что...

1. ...в мире происходит много очень важных вещей, о которых общественность никогда не узнает;
2. ...политики обычно не сообщают нам истинных мотивов своих решений;
3. ...государственные органы внимательно следят за всеми гражданами;
4. ...события, которые внешне кажутся несвязанными, часто являются результатом секретных действий;
5. ...существуют секретные организации, которые сильно влияют на политические решения».

Хотя последующие исследования, использующие данную шкалу, подтвердили её высокую надёжность [Lantian et al. 2016; Orosz et al. 2016; Leone et al. 2018], отдельные работы критиковали данный подход к изменению конспирологического мышления за отсутствие одномерности [Swami et al. 2017]. Используемые формулировки предположительно могут отражать не только веру в теории заговора, но и здоровый скептицизм, являющийся признаком критического мышления. Так, согласие с тезисом о том, что политики не сообщают гражданам об истинных мотивах своих решений, не обязательно будет свидетельствовать о вере в теории заговора, оно также может быть следствием понимания ограничений транслируемой публично информации.

Некоторые предлагаемые шкалы конспирологического мышления значительно более детализированы. В частности, Общая шкала конспирологических убеждений (*Generic Conspiracist Beliefs Scale*) [Brotherton, French, Pickering 2013] состоит из 15 тезисов, которые были отобраны из 75 утверждений, первоначально протестированных авторами. Предрасположенность к доверию теориям заговора в этом случае предполагается измерять на основе согласия со следующими высказываниями [Brotherton, French, Pickering 2013: 8]:

- «1. Правительство участвует в убийстве невиновных граждан и (или) хорошо известных общественных деятелей и хранит это в тайне;
2. Власть, которой обладают главы государства, второстепенна по сравнению с властью небольших групп, реально контролирующей мировую политику;
3. Секретные организации общаются с инопланетянами, но скрывают это от общественности;
4. Распространение некоторых вирусов и (или) заболеваний является результатом преднамеренных и тайных усилий какой-либо организации;
5. Группы учёных фальсифицируют или скрывают факты, чтобы обмануть общественность;
6. Правительство разрешает или совершает акты терроризма на своей территории, маскируя свою причастность к ним;
7. Небольшая секретная группа людей ответственна за принятие всех основных мировых решений, таких как объявления войн;
8. Доказательства контактов с инопланетянами скрываются от общественности;
9. Технологии управления разумом используются на людях без их ведома;

10. Новые и передовые технологии, которые могут навредить текущей промышленности, сдерживаются;
11. Власть привлекает людей к сокрытию своего участия в преступной деятельности;
12. Некоторые важные события произошли в результате деятельности небольшой группы людей, которая тайно манипулирует событиями в мире;
13. Некоторые наблюдения и слухи о НЛО инсценируются для того, чтобы отвлечь общественность от контакта с реальными инопланетянами;
14. Эксперименты с использованием новых лекарств или технологий регулярно проводятся в обществе без ведома или согласия людей;
15. Много важной информации намеренно скрывается от общественности из чьих-либо личных интересов».

Данная шкала включает ряд тезисов, относящихся к типичным теориям заговора; в этих тезисах упоминаются наука и разработка лекарств, деятельность мирового правительства, криминальная активность власти, контакты с НЛО. Однако складывается ощущение, что шкала охватывает явления разного порядка. Впрочем, авторы получили достаточно высокую корреляцию между группами конспирологических теорий. Кроме того, сами эти группы коррелировали с полученным на основе шкалы общим показателем конспирологического мышления.

Ещё одна шкала, направленная на изучение теорий заговора, включает 64 тезиса с которыми респондентам предлагается выразить согласие или несогласие [Stojanov, Halberstadt 2019]. Фактически в данном случае используются высказывания, направленные на выявление двух способов мышления: (1) собственно вера в теории заговора, понимаемая как убеждённость в том, что некто влиятельный стоит за важными социальными или политическими событиями, а официальная версия событий не всегда достоверна; (2) общий скептицизм по отношению к человеческим знаниям и, возможно, рациональная подозрительность. Примерами первой группы тезисов могут служить следующие элементы шкалы: «секретная, тайная группа несёт ответственность за трагические события»; «обстоятельства, в которых мы находимся, являются результатом тайного плана»; «альтернативные объяснения важных социальных событий ближе к истине, чем официальная версия» и др. Скептицизм при этом фиксировался с помощью таких высказываний, как «многие вещи происходят без ведома общественности», «люди пытаются манипулировать фактами для достижения собственных целей» и др.

Опора на более общие шкалы, не содержащие упоминаний конкретных теорий заговора, имеет ряд ограничений для измерения конспирологического мышления. В частности, большая длина опросника предполагает значительные временные затраты на его заполнение. Подобное исследование непросто провести в формате онлайн-опроса из-за высокого риска прерывания заполнения анкеты. Ещё одной проблемой является возможная неоднозначность трактовки конспирологического мышления в разных странах². Одни и те же высказывания в разных культурных контекстах могут быть признаками как конспирологического, так и критического мышления. Это делает необходимыми разработку, адаптацию и тестирование шкал для разных стран. Впрочем, использование конкретных теорий заговора для изменения конспирологических убеждений также нередко невозможно в рамках межстрановых

² Подобную проблему отмечал Дж. Скотт в отношении сравнительных исследований коррупции. Феномен коррупции может трактоваться в различных странах неодинаково, что затрудняет сравнение его восприятия при условии использования одинакового инструментария [Scott 1969].

сравнительных исследований, поскольку многие такие идеи релевантны и понятны только в конкретных культурных контекстах [Byford 2011]. К примеру, отдельные исследования такого рода включают теории заговора о Зоне 51³ [Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham 2010], которые могут быть неясны и незнакомы значительной части людей за пределами США.

Таким образом, существуют два принципиально разных подхода к измерению конспирологического мышления: (1) с точки зрения согласия с рядом реальных теорий заговора; (2) в общих терминах без ссылки на реальные теории заговора. Каждый из этих подходов имеет серьёзные ограничения — как специфические (например, произвольность выбора теорий заговора для первого подхода и отсутствие одномерности шкал для второго), так и общие (сложность использования шкал в сравнительных международных исследованиях). Следовательно, методология измерения конспирологического мышления нуждается в дальнейшей разработке.

Факторы веры в теории заговора

Логично, что не все люди обладают одинаковой склонностью к конспирологическому мышлению. Можно выделить индивидуальные и социальные факторы, которые оказывают влияние на подверженность теориям заговора. Согласно психологическим исследованиям, конспирологическое мышление более характерно для людей с высоким уровнем тревожности [Grzesiak-Feldman 2013] и низкой самооценкой [Abalakina-Paap et al. 1999; Swami et al. 2011]. Развитые аналитические способности снижают подверженность теориям заговора [Swami et al. 2014]. Эти выводы хорошо соотносятся с самой природой конспирологических убеждений, предполагающей, с одной стороны, наличие неопределённости, связанной с каким-либо негативным условием, а с другой — не критическое отношение к неофициальной информации.

Спектр социальных факторов, влияющих на склонность к конспирологическому мышлению, также широк. Значимым является уровень образования: более образованные люди реже верят в теории заговора [Prooijen 2017], что, возможно, отчасти связано с повышением критического мышления, которое важно для распознавания недостоверной информации. Играет определённую роль и социальный статус. В частности, конспирологические теории более популярны в менее влиятельных социальных группах, в том числе среди национальных меньшинств и нижних социальных слоёв [Stempel, Hargrove, Stempel 2007]. Также имеет значение идеология. Так, наиболее склонны доверять теориям заговора люди, принадлежащие к краям политического спектра [Prooijen, Krouwel, Pollet 2015]. Впрочем, отдельные исследования отмечают, что это характерно для крайне правых, но не для крайне левых [Mancosu, Vassallo, Vezzoni 2017]. Кроме того, конспирологические убеждения свойственны людям с низким уровнем доверия — политического [Einstein, Glick 2015; Mancosu, Vassallo, Vezzoni 2017] и генерализированного [Jovančević, Milićević 2020]. Можно предположить, что низкое доверие власти приводит к скептическому отношению к официальной информации, заставляя обращаться к альтернативным, зачастую непроверенным источникам.

Этот вывод косвенно подтверждается наблюдением, что конспирологическое мышление более характерно для людей, которые потребляют информацию из «несерьёзных» медиа, таких как блоги и глянцевого журналы [Stempel, Hargrove, Stempel 2007], социальные сети [Allington et al. 2021]. Распространение недостоверной информации часто приписывается различным интернет-ресурсам. Так, примерно четверть роликов YouTube, посвящённых медицинским проблемам (вирусы Зика, Эбола, H1N1, COVID-19), вводили людей в заблуждение [Pandey et al. 2010; Pathak et al. 2015; Bora et al. 2018; Li et al. 2020]. По некоторым оценкам, их доля была ещё выше — около 37% [Moon, Lee 2020]. В дру-

³ Секретная военная база в США, в отношении которой существует множество теорий заговора. В частности о том, что в Зоне 51 проводятся исследования тел инопланетян.

гих социальных сетях (Facebook⁴ [Buchanan, Beckett 2014], Twitter [Oyeyemi, Gabarron, Wynn 2014; Kouzy et al. 2020]) также нередко циркулирует недостоверная и неподтверждённая информация. Как правило, ответственность за такой контент несут не официальные аккаунты, а индивидуальные пользователи и производители развлекательного контента. Традиционные медиа в целом контролируют достоверность транслируемой информации сильнее, чем индивидуальные блогеры. Интернет в данном случае становится платформой для распространения альтернативных точек зрения, в том числе и теорий заговора. Логично предположить, что вероятность столкнуться с конспирологическими теориями у тех, кто потребляет информацию из таких источников, выше. Впрочем, данные о России, Казахстане и Украине демонстрируют противоположное: получение новостей из телевизионных программ повышает склонность к конспирологическому мышлению, а обращение к блогам (для России и Украины) и новостным агрегаторам снижает [Казун, Поршнева 2021].

Отметим, что влияние на конспирологическое мышление некоторых факторов не столь однозначно. Так, по-разному оценивается роль религии. Согласно некоторым исследованиям, верующие люди более склонны к конспирологическому мышлению [Hart, Graether 2018; Mancosu, Vassallo, Vezzoni 2017]. Другие работы не фиксируют различий в доверии теориям заговора среди верующих и неверующих, подчёркивая при этом, что люди, для которых религиозное мировоззрение является важным, более склонны к конспирологическому мышлению [Jasinskaja-Lahti, Jetten 2019]. Анализ факторов доверия теориям заговора относительно COVID-19 в Корею также подтверждает вывод о том, что религиозность способствует большей склонности к конспирологическому мышлению [Kim, Kim 2021]. Интересно, что это исследование также фиксирует негативный эффект принадлежности к христианству на доверие теориям заговора. Таким образом, можно предположить, что конспирологическое мышление связано с религиозностью и вероисповеданием человека, а не с самим фактом наличия или отсутствия веры.

Влияние возраста на веру в теории заговора также неоднозначно. С одной стороны, в случае с вирусом Зика наблюдалось большее доверие к конспирологическим теориям со стороны молодых людей [Klofstad et al. 2019]; с другой стороны, отдельные исследования указывают, что вера в теории заговора более характерна для людей старшего возраста [Prooijen 2017]. Можно предположить, что влияние данного фактора различно в зависимости от рассматриваемого кейса.

Заключение

В последние годы наблюдается рост интереса к изучению конспирологического мышления по разным вопросам, во многом связанный с подтверждёнными негативными эффектами подобных убеждений. Вместе с тем отдельные аспекты веры в теории заговора остаются непрояснёнными и нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности, расхождения наблюдаются даже при определении понятия «конспирологическое мышление». Так, некоторые работы указывают, что теории заговора являются ложными; в других случаях подчёркивается их неправдоподобие. Впрочем, эти различия не столь серьёзны, как путаница при разграничении разных терминов, связанных с проблемой ложной, неполной и недостоверной информации. К примеру, понятия «слухи» и «фейковые новости» достаточно близки к теориям заговора. В некоторых исследованиях, где в реальности рассматриваются конспирологические убеждения, используются именно эти понятия. Таким образом, границы рассматриваемого явления всё ещё остаются зыбкими.

Другая сложность связана с измерением склонности доверять теориям заговора. В рассмотренных в обзоре исследованиях используются два принципиально разных подхода: в одном случае оценивается

⁴ Роскомнадзор принял решение о блокировке доступа к Facebook (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещённой в России) на территории Российской Федерации 4 марта 2022 г. *Источник:* <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm> — *Примеч. ред.*

вера в конкретные теории заговора из списка, а в другом — предрасположенность к доверию конспирологическим идеям на основании более общих вопросов. Каждый из этих подходов имеет серьезные ограничения. В первом вопросе вызывает произвольность выбора теорий заговора. Кроме того, видя перед собой список нарративов, респонденты могут распознать значительную часть из них как конспирологические. В результате существует вероятность получения социально одобряемых ответов, когда опрашиваемый относит все приведённые тезисы к теориям заговора и декларирует отсутствие доверия какой-либо из них. Отчасти данная проблема может быть решена за счёт применения метода эксперимента [Климова, Чмель, Савин 2020]. При использовании более общих вопросов, не содержащих привязки к конкретным теориям заговора, существует риск, связанный с отсутствием одномерности шкал. Кроме того, оба подхода сложно адаптировать к проведению сравнительных международных исследований. Шкалы должны разрабатываться и тестироваться в конкретных культурных контекстах. В противном случае возможна ситуация, когда задаваемые вопросы фиксируют не только склонность к конспирологическому мышлению, но и критический взгляд на отдельные социальные процессы.

В отношении большинства факторов, влияющих на доверие к теориям заговора, среди исследователей существует консенсус. Конспирологические убеждения более свойственны людям с высокой тревожностью, низкой самооценкой и менее развитыми аналитическими способностями. Кроме того, в теории заговора чаще верят люди с низким социальным статусом и уровнем образования, невысоким уровнем генерализованного и политического доверия, принадлежащие к краям идеологического спектра, а также потребляющие информацию из глянцевого журналов и социальных сетей. Роль возраста и религиозности менее однозначна.

Хотя в отношении конспирологического мышления было проведено уже достаточно много исследований, можно выделить ряд теоретических, методологических и эмпирических задач, которые ещё не были решены. В частности, представляется важным более чётко разделить различные формы недостоверной или неполной информации, провести более явную границу между теориями заговора, фейковыми новостями и слухами. Необходимыми представляются разработка и тестирование шкал, направленных на оценку склонности к конспирологическому мышлению, которые были бы релевантны для России. Кроме того, имеет смысл более детальное рассмотрение влияния на веру в теории заговора тех факторов, которые в настоящий момент вызывают вопросы (например, возраст и религиозность).

В статье используется библиометрический подход к отбору публикаций для рассмотрения, имеющий свои преимущества и недостатки. Осуществляя поиск статей таким образом мы делаем его менее случайным и произвольным. В то же время такой подход к формированию выборки анализируемых исследований не позволяет охватить тематически близкие публикации, которые оперируют другими терминами (например, «параноидальный стиль» (*paranoid style*) [Hofstadter 2008]). Безусловно, такая фокусировка работы является ограничением данного обзора. Однако, на наш взгляд, соотнесение термина «конспирология» со смежными терминами является задачей, достойной отдельного рассмотрения. Ещё одним ограничением данного обзора (впрочем, как и большинства других работ, посвящённых конспирологическому мышлению) является нормативизм. Как и в случае с исследованиями фейковых новостей, большая часть текстов о конспирологии подчёркивает негативный характер данного феномена и, таким образом, имеет оценочный характер. Существуют отдельные примеры отказа от стигматизации конспирологического мышления и описания теорий заговора как формы рационального мышления, естественного для людей, нуждающихся в простых объяснениях сложных вещей и мыслящих мифологически [Bratich 2008]. Однако такой взгляд на проблему не является доминирующим. Тем не менее при дальнейшей разработке темы представляется целесообразным учитывать данные ограничения и раскрыть их более детально.

Литература

- Казун А. Д. 2020. Так ли страшен фейк? Ложные новости и их роль в современном мире. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 4: 162–175. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.791>
- Казун А. Д., Поршнева А. В. 2021. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 549–565. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>
- Кирзюк А. 2021. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 484–509. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>
- Климова А., Чмель К., Савин Н. 2020. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 266–283. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>
- Нестик Т., Дейнека О., Максименко А. 2020. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлечённость в сетевые коммуникации. *Социальная психология и общество*. 11 (4): 87–104. URL: https://psyjournals.ru/social_psy/2020/n4/Nestik_et_al.shtml
- Aaronovitch D. 2011. *Voodoo Histories: The Role of the Conspiracy Theory in Shaping Modern History*. New York: Riverhead Books.
- Abalakina-Paap M. et al. 1999. Beliefs in Conspiracies. *Political Psychology*. 20 (3): 637–647. URL: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160>
- Abbasi J. 2021. COVID-19 Conspiracies and Beyond: How Physicians Can Deal with Patients' Misinformation. *JAMA*. 325 (3): 208–210. URL: <https://doi.org/10.1001/jama.2020.22018>
- Ahmed W. et al. 2020. COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. 22 (5): e19458. URL: <https://doi.org/10.2196/19458>
- Allcott H., Gentzkow M. 2017. Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*. 31 (2): 211–236. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
- Allington D. et al. 2021. Health-Protective Behaviour, Social Media Usage and Conspiracy Belief during the COVID-19 Public Health Emergency. *Psychological Medicine*. 51 (10): 1763–1769. URL: <https://doi.org/10.1017/S003329172000224X>
- Ball-Rokeach S. J., Grube J. W., Rokeach M. 1981. 'Roots: The Next Generation' — Who Watched and with What Effect? *Public Opinion Quarterly*. 45 (1): 58–68. URL: <https://doi.org/10.1086/268634>
- Barkun M. 2013. *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Oakland, CA: University of California Press.
- Bilewicz M. et al. 2013. Harmful Ideas, the Structure and Consequences of Anti-Semitic Beliefs in Poland. *Political Psychology*. 34 (6): 821–839. URL: <https://doi.org/10.1111/pops.12024>

- Bird S. T., Bogart L. M. 2005. Conspiracy Beliefs about HIV/AIDS and Birth Control among African Americans: Implications for the Prevention of HIV, Other STIs, and Unintended Pregnancy. *The Journal of Social Issues*. 61 (1): 109–126. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2005.00396.x>
- Bogart L. M., Thorburn Sh. 2006. Relationship of African Americans' Sociodemographic Characteristics to Belief in Conspiracies about HIV/AIDS and Birth Control. *Journal of the National Medical Association*. 98 (7): 1144–1150.
- Bora K. et al. 2018. Are Internet Videos Useful Sources of Information during Global Public Health Emergencies? A Case Study of YouTube Videos during the 2015–2016 Zika Virus Pandemic. *Pathogens and Global Health*. 112 (6): 320–328. URL: <https://doi.org/10.1080/20477724.2018.1507784>
- Bratich J. 2008. *Conspiracy Panics: Political Rationality and Popular Culture*. New York: State University of New York Press.
- Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. 2013. Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*. 4 (279): 21 May. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279>
- Bruder M. et al. 2013. Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology* 4 (225): 30 April. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225>
- Bryanov K., Vziatyshva V. 2021. Determinants of Individuals' Belief in Fake News: A Scoping Review Determinants of Belief in Fake News. *PLOS ONE*. 16 (6): e0253717. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253717>
- Buchanan R., Beckett R. D. 2014. Assessment of Vaccination-Related Information for Consumers Available on Facebook. *Health Information and Libraries Journal*. 31 (3): 227–234. URL: <https://doi.org/10.1111/hir.12073>
- Byford J. 2011. *Conspiracy Theories: A Critical Introduction*. London: Palgrave Macmillan.
- Douglas K. M. 2021. COVID-19 Conspiracy Theories. *Group Processes & Intergroup Relations*. 24 (2): 270–275. URL: <https://doi.org/10.1177/1368430220982068>
- Dunn A. G. et al. 2017. Mapping Information Exposure on Social Media to Explain Differences in HPV Vaccine Coverage in the United States. *Vaccine*. 35 (23): 3033–3040. URL: <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2017.04.060>
- Einstein K., Glick D. 2015. Do I Think BLS Data are BS? The Consequences of Conspiracy Theories. *Political Behavior*. 37 (3): 679–701. URL: <https://doi.org/10.1007/s11109-014-9287-z>
- Fenster M. 2008. *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*. 2nd ed. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Flaxman S., Goel S., Rao J. M. 2016. Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly*. 80 (S1): 298–320. URL: <https://doi.org/10.1093/poq/nfw006>

- Goertzel T. 1994. Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*. 15 (4): 731–742. URL: <https://doi.org/10.2307/3791630>
- Goertzel T. 2010. Conspiracy Theories in Science. *EMBO Reports*. 11 (7): 493–499. URL: <https://doi.org/10.1038/embor.2010.84>
- Grebe E., Natrass N. 2012. AIDS Conspiracy Beliefs and Unsafe Sex in Cape Town. *AIDS and Behavior*. 16 (3): 761–773. URL: <https://doi.org/10.1007/s10461-011-9958-2>
- Grzesiak-Feldman M. 2013. The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology*. 32 (1): 100–118. URL: <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>
- Hart J., Graether M. 2018. Something's Going on Here. *Journal of Individual Differences*. 39 (4): 229–237. URL: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000268>
- Hofstadter R. 2008. *The Paranoid Style in American Politics: And Other Essays* (Vintage). New York: Random House Inc.; Vintage Books.
- Imhoff R., Bruder M. 2014. Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*. 28 (1): 25–43. URL: <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- Iyengar Sh., Hahn K. S. 2009. Red Media, Blue Media: Evidence of Ideological Selectivity in Media Use. *Journal of Communication*. 59 (1): 19–39. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.01402.x>
- Jasinskaja-Lahti I., Jetten J. 2019. Unpacking the Relationship between Religiosity and Conspiracy Beliefs in Australia. *British Journal of Social Psychology*. 58 (4): 938–954. URL: <https://doi.org/10.1111/bjso.12314>
- Jolley D., Douglas K. M. 2014. The Social Consequences of Conspiracism: Exposure to Conspiracy Theories Decreases Intentions to Engage in Politics and to Reduce One's Carbon Footprint. *British Journal of Psychology*. 105 (1): 35–56. URL: <https://doi.org/10.1111/bjop.12018>
- Jovančević A., Miličević N. 2020. Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior — A Cross-Cultural Study. *Personality and Individual Differences*. 167: 110216. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216>
- Kim S., Kim S. 2021. Searching for General Model of Conspiracy Theories and Its Implication for Public Health Policy: Analysis of the Impacts of Political, Psychological, Structural Factors on Conspiracy Beliefs about the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 18 (1): 266. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010266>
- Kittler A. F. et al. 2004. The Internet as a Vehicle to Communicate Health Information during a Public Health Emergency: A Survey Analysis Involving the Anthrax Scare of 2001. *Journal of Medical Internet Research*. 6 (1): e1. URL: <https://doi.org/10.2196/jmir.6.1.e8>
- Klofstad C. A. et al. 2019. What Drives People to Believe in Zika Conspiracy Theories? *Palgrave Communications*. 5 (1): 1–8. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0243-8>
- Kouzy R. et al. 2020. Coronavirus Goes Viral: Quantifying the COVID-19 Misinformation Epidemic on Twitter. *Cureus*. 12 (3). URL: <http://dx.doi.org/10.7759/cureus.7255>

- Kowalski J. et al. 2020. Adherence to Safety and Self-Isolation Guidelines, Conspiracy and Paranoia-like Beliefs during COVID-19 Pandemic in Poland — Associations and Moderators. *Psychiatry Research*. 294: 113540. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113540>
- Lantian A. et al. 2016. Measuring Belief in Conspiracy Theories: Validation of a French and English Single-Item Scale. *International Review of Social Psychology*. 29 (1): 1–14. URL: <https://doi.org/10.5334/irsp.8>
- Leibovitz T. et al. 2021. COVID-19 Conspiracy Beliefs: Relations with Anxiety, Quality of Life, and Schemas. *Personality and Individual Differences*. 175: 110704. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110704>
- Leman P. 2007. The Born Conspiracy. *New Scientist*. 195 (2612): 35–37. URL: [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(07\)61774-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(07)61774-6)
- Leone L. et al. 2018. Avoidant Attachment Style and Conspiracy Ideation. *Personality and Individual Differences*. 134: 329–336. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.043>
- Lewandowsky S., Gignac G. E., Oberauer K. 2013. The Role of Conspiracist Ideation and Worldviews in Predicting Rejection of Science. *PLOS ONE*. 8 (10): e75637. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0075637>
- Lewandowsky S., Oberauer K., Gignac G. E. 2013. NASA Faked the Moon Landing—Therefore, (Climate) Science is a Hoax: An Anatomy of the Motivated Rejection of Science. *Psychological Science*. 24 (5): 622–633. URL: <https://doi.org/10.1177/0956797612457686>
- Li H. O.-Y. et al. 2020. YouTube as a Source of Information on COVID-19: A Pandemic of Misinformation? *BMJ Global Health*. 5 (5): e002604. URL: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-002604>
- Linden S. van der. 2015. The Conspiracy-Effect: Exposure to Conspiracy Theories (about Global Warming) Decreases pro-Social Behavior and Science Acceptance. *Personality and Individual Differences*. 87: 171–173. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045>
- Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. 2017. Believing in Conspiracy Theories: Evidence from an Exploratory Analysis of Italian Survey Data. *South European Society & Politics*. 22 (3): 327–344. URL: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>
- Marchlewska M., Cichocka A., Kossowska M. 2018. Addicted to Answers: Need for Cognitive Closure and the Endorsement of Conspiracy Beliefs. *European Journal of Social Psychology*. 48 (2): 109–117. URL: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2308>
- McCauley C., Jacques S. 1979. The Popularity of Conspiracy Theories of Presidential Assassination: A Bayesian Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 37 (5): 637–644. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.5.637>
- McHoskey J. W. 1995. Case Closed? On the John F. Kennedy Assassination: Biased Assimilation of Evidence and Attitude Polarization. *Basic and Applied Social Psychology*. 17 (3): 395–409. doi: 10.1207/s15324834basps1703_7
- Moon H., Lee G. H. 2020. Evaluation of Korean-Language COVID-19-Related Medical Information on YouTube: Cross-Sectional Infodemiology Study. *Journal of Medical Internet Research*. 22 (8): e20775. URL: <https://doi.org/10.2196/20775>

- Moscovici S. 1987. The Conspiracy Mentality. In: Graumann C., Moscovici S. (eds) *Changing Conceptions of Conspiracy*. New York, NY: Springer-Verlag; 151–169.
- Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A. 2003. Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics. *International Journal of Press/Politics*. 8 (2): 36–70. URL: <https://doi.org/10.1177/1081180X02251047>
- Oliver J. E., Wood T. 2014a. Conspiracy Theories and the Paranoid Style(s) of Mass Opinion. *American Journal of Political Science*. 58 (4): 952–966. URL: <https://doi.org/10.1111/ajps.12084>
- Oliver J. E., Wood T. 2014b. Medical Conspiracy Theories and Health Behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*. 174 (5): 817–818. URL: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>
- Orosz G. et al. 2016. Changing Conspiracy Beliefs through Rationality and Ridiculing. *Frontiers in Psychology*. 7: 1525. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01525>
- Oyeyemi S. O., Gabarron E., Wynn R. 2014. Ebola, Twitter, and Misinformation: A Dangerous Combination? *BMJ*. 349: g6178. URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.g6178>
- Pandey A. et al. 2010. YouTube as a Source of Information on the H1N1 Influenza Pandemic. *American Journal of Preventive Medicine*. 38 (3): e1-3. URL: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2009.11.007>.
- Parsons Sh. et al. 1999. A Test of the Grapevine: An Empirical Examination of Conspiracy Theories among African Americans. *Sociological Spectrum*. 19 (2): 201–222. URL: <https://doi.org/10.1080/027321799280235>
- Pathak R. et al. 2015. YouTube as a Source of Information on Ebola Virus Disease. *North American Journal of Medical Sciences*. 7 (7): 306–309. URL: <https://doi.org/10.4103/1947-2714.161244>
- Popper K. 1969. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Prooijen J.-W. van. 2017. Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. 31 (1): 50–58. URL: <https://doi.org/10.1002/acp.3301>
- Prooijen J.-W. van, Acker M. 2015. The Influence of Control on Belief in Conspiracy Theories: Conceptual and Applied Extensions. *Applied Cognitive Psychology*. 29 (5): 753–761. URL: <https://doi.org/10.1002/acp.3161>
- Prooijen J.-W. van, Krouwel A. P. M., Pollet T. V. 2015. Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. 6 (5): 570–578. URL: <https://doi.org/10.1177/1948550614567356>
- Reynolds B., Seeger M. W. 2005. Crisis and Emergency Risk Communication as an Integrative Model. *Journal of Health Communication*. 10 (1): 43–55. URL: <https://doi.org/10.1080/10810730590904571>
- Robinson P. et al. 2016. *Pockets of Resistance: British News Media, War and Theory in the 2003 Invasion of Iraq*. Manchester, UK: Manchester University Press.

- Scott J. C. 1969. The Analysis of Corruption in Developing Nations. *Comparative Studies in Society and History*. 11 (3): 315–341.
- Silva B. C., Vegetti F., Littvay L. 2017. The Elite is up to Something: Exploring the Relation Between Populism and Belief in Conspiracy Theories. *Swiss Political Science Review*. 23 (4): 423–443. URL: <https://doi.org/10.1111/spsr.12270>
- Smith R. D. 2006. Responding to Global Infectious Disease Outbreaks: Lessons from SARS on the Role of Risk Perception, Communication and Management. *Social Science & Medicine*. 63 (12): 3113–3123. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.08.004>
- Sopory P. et al. 2019. Communicating Uncertainty during Public Health Emergency Events: A Systematic Review. *Review of Communication Research*. 7: 67–108. URL: <https://doi.org/10.12840/ISSN.2255-4165.019>
- Stempel C., Hargrove T., Stempel G. H. 2007. Media Use, Social Structure, and Belief in 9/11 Conspiracy Theories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 84 (2): 353–372. URL: <https://doi.org/10.1177/107769900708400210>
- Stojanov A., Halberstadt J. 2019. The Conspiracy Mentality Scale: Distinguishing between Irrational and Rational Suspicion. *Social Psychology*. 50 (4): 215–232. URL: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000381>
- Stroud N. 2008. Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure. *Political Behavior*. 30 (3): 341–366. URL: <https://doi.org/10.1007/s11109-007-9050-9>
- Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. 2010. An Existential Function of Enemyship: Evidence that People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 98 (3): 434–449. URL: <https://doi.org/10.1037/a0017457>
- Sunstein C. R., Vermeule A. 2009. Conspiracy Theories: Causes and Cures. *Journal of Political Philosophy*. 17 (2): 202–227. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x>
- Swami V. 2012. Social Psychological Origins of Conspiracy Theories: The Case of the Jewish Conspiracy Theory in Malaysia. *Frontiers in Psychology*. 3: 280. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00280>
- Swami V., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. 2010. Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*. 24 (6): 749–761. URL: <https://doi.org/10.1002/acp.1583>
- Swami V. et al. 2011. Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*. 102 (3): 443–463. URL: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x>
- Swami V. et al. 2014. Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories. *Cognition*. 133 (3): 572–585. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006>
- Swami V. et al. 2017. An Examination of the Factorial and Convergent Validity of Four Measures of Conspiracist Ideation, with Recommendations for Researchers. *PLoS ONE*. 12 (2): 1–27. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0172617>

- Uscinski J., Klofstad C., Atkinson M. 2016. What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly*. 69 (1): 57–71.
- Whitson J. A., Galinsky A. D. 2008. Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception. *Science*. 322 (5898): 115–117. URL: <https://doi.org/10.1126/science.1159845>
- Wood M. J. 2017. Conspiracy Suspicions as a Proxy for Beliefs in Conspiracy Theories: Implications for Theory and Measurement. *British Journal of Psychology*. 108 (3): 507–527. URL: <https://doi.org/10.1111/bjop.12231>
- Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. 2012. Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. 3 (6): 767–773. URL: <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>
- Zimmerman R. K. et al. 2005. Vaccine Criticism on the World Wide Web. *Journal of Medical Internet Research*. 7 (2): e17. URL: <https://doi.org/10.2196/jmir.7.2.e17>
- Zollmann F. 2019. Bringing Propaganda Back into News Media Studies. *Critical Sociology*. 45 (3): 329–345. URL: <https://doi.org/10.1177/0896920517731>

PROFESSIONAL REVIEWS

Anastasia Kazun

Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors

KAZUN, Anastasia — PhD, senior research fellow at Laboratory for Studies in Economic Sociology, senior lecturer at the Faculty of Social Sciences, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: adkazun@hse.ru

Abstract

The article provides an overview of the literature on conspiracy thinking. Although there is no consensus on the definition of this concept, as a rule, researchers pay attention to the following similar aspects: belief in secret and covert actions, a group of interested persons influencing world processes or hiding information about something, the false or implausible nature of conspiracy theories. There are two fundamentally different approaches to measuring conspiracy thinking: (1) in terms of agreement with several real conspiracy theories, (2) in general terms, without reference to specific conspiracy theories. Each of these approaches has serious limitations, both specific (for example, the arbitrariness of the choice of conspiracy theories for the first approach and the lack of one-dimensionality of the scales for the

second), and general (the difficulty of using the scales in comparative international studies). The article provides examples of scales that correspond to each of the approaches. Factors influencing belief in conspiracy theories can be divided into psychological and social. Conspiracy beliefs are more common in people with high anxiety, low self-esteem and less developed analytical skills. In addition, conspiracy theories are more often believed by people with low social status and educational level, low level of generalized and political trust, belonging to the ends of the ideological spectrum, and consuming information from glossy magazines and social networks. The role of age and religiosity is less straightforward.

Keywords: conspiracy; conspiracy thinking; uncertainty; risk; trust; media consumption; rationality; fake news

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 20–111–50403.

References

- Aaronovitch D. (2011) *Voodoo Histories: The Role of the Conspiracy Theory in Shaping Modern History*, New York: Riverhead Books.
- Abalakina-Paap M., Stephan W. G., Craig T., Gregory W. L. (1999) Beliefs in Conspiracies. *Political Psychology*, vol. 20, no 3, pp. 637–647. Available at: : <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160> (accessed 14 March 2022).
- Abbasi J. (2021) COVID-19 Conspiracies and Beyond: How Physicians Can Deal with Patients' Misinformation. *JAMA*, vol. 325, no 3, pp. 208–210. Available at: <https://doi.org/10.1001/jama.2020.22018> (accessed 14 March 2022).

- Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., López Seguí F. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no 5, art. e19458. Available at: <https://doi.org/10.2196/19458> (accessed 14 March 2022).
- Allcott H., Gentzkow M. (2017) Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no 2, pp. 211–236. Available at: <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>. (accessed 14 March 2022).
- Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. (2021) Health-Protective Behaviour, Social Media Usage and Conspiracy Belief during the COVID-19 Public Health Emergency. *Psychological Medicine*, vol. 51, no 10, pp. 1763–1769. Available at: <https://doi.org/10.1017/S003329172000224X> (accessed 14 March 2022).
- Ball-Rokeach S. J., Grube J. W., Rokeach M. (1981) ‘Roots: The Next Generation’ — Who Watched and with What Effect? *Public Opinion Quarterly*, vol. 45, no 1, pp. 58–68. Available at: <https://doi.org/10.1086/268634> (accessed 14 March 2022).
- Barkun M. (2013) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*, Oakland, CA: University of California Press.
- Bilewicz M., Winiewski M., Kofta M., Wójcik A. (2013) Harmful Ideas, the Structure and Consequences of Anti-Semitic Beliefs in Poland. *Political Psychology*, vol. 34, no 6, pp. 821–839. Available at: <https://doi.org/10.1111/pops.12024> (accessed 14 March 2022).
- Bird S. T., Bogart L. M. (2005) Conspiracy Beliefs about HIV/AIDS and Birth Control among African Americans: Implications for the Prevention of HIV, Other STIs, and Unintended Pregnancy. *The Journal of Social Issues*, vol. 61, no 1, pp. 109–126. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2005.00396.x> (accessed 14 March 2022).
- Bogart L. M., Thorburn Sh. (2006) Relationship of African Americans’ Sociodemographic Characteristics to Belief in Conspiracies about HIV/AIDS and Birth Control. *Journal of the National Medical Association*, vol. 98, no 7, pp. 1144–1150.
- Bora K., Das D., Barman B., Borah P. (2018) Are Internet Videos Useful Sources of Information during Global Public Health Emergencies? A Case Study of YouTube Videos during the 2015-16 Zika Virus Pandemic. *Pathogens and Global Health*, vol. 112, no 6, pp. 320–328. Available at: <https://doi.org/10.1080/20477724.2018.1507784> (accessed 14 March 2022).
- Bratich J. (2008) *Conspiracy Panics: Political Rationality and Popular Culture*, New York: State University of New York Press.
- Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. (2013) Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*, vol. 4, art. 279, published 21 May. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279> (accessed 14 March 2022).
- Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, vol. 4, art. 225, published 30 April. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225> (accessed 14 March 2022).

- Bryanov K., Vziatysheva V. (2021) Determinants of Individuals' Belief in Fake News: A Scoping Review Determinants of Belief in Fake News. *PLOS ONE*, vol. 16, no 6, art. e0253717. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253717> (accessed 14 March 2022).
- Buchanan R., Beckett R. D. (2014) Assessment of Vaccination-Related Information for Consumers Available on Facebook. *Health Information and Libraries Journal*, vol. 31, no 3, pp. 227–234. Available at: <https://doi.org/10.1111/hir.12073> (accessed 14 March 2022).
- Byford J. (2011) *Conspiracy Theories: A Critical Introduction*, London: Palgrave Macmillan.
- Douglas K. M. (2021) COVID-19 Conspiracy Theories. *Group Processes & Intergroup Relations*, vol. 24, no 2, pp. 270–275. Available at: <https://doi.org/10.1177/1368430220982068> (accessed 14 March 2022).
- Dunn A. G., Surian D., Leask J., Dey A., Mandl K. D., Coiera E. (2017) Mapping Information Exposure on Social Media to Explain Differences in HPV Vaccine Coverage in the United States. *Vaccine*, vol. 35, no 23, pp. 3033–3040. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2017.04.060> (accessed 14 March 2022).
- Einstein K., Glick D. (2015) Do I Think BLS Data are BS? The Consequences of Conspiracy Theories. *Political Behavior*, vol. 37, no 3, pp. 679–701. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11109-014-9287-z> (accessed 14 March 2022).
- Fenster M. (2008) *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*, 2nd ed., Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Flaxman S., Goel S., Rao J. M. (2016) Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly*, vol. 80, no S1, pp. 298–320. Available at: <https://doi.org/10.1093/poq/nfw006> (accessed 14 March 2022).
- Goertzel T. (1994) Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*, vol. 15, no 4, pp. 731–742. Available at: <https://doi.org/10.2307/3791630> (accessed 14 March 2022).
- Goertzel T. (2010) Conspiracy Theories in Science. *EMBO Reports*, vol. 11, no 7, pp. 493–499. Available at: <https://doi.org/10.1038/embor.2010.84> (accessed 14 March 2022).
- Grebe E., Natrass N. (2012) AIDS Conspiracy Beliefs and Unsafe Sex in Cape Town. *AIDS and Behavior*, vol. 16, no 3, pp. 761–773. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10461-011-9958-2> (accessed 14 March 2022).
- Grzesiak-Feldman M. (2013) The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology*, vol. 32, no 1, pp. 100–118. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6> (accessed 14 March 2022).
- Hart J., Graether M. (2018) Something's Going on Here. *Journal of Individual Differences*, vol. 39, no 4, pp. 229–237. Available at: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000268> (accessed 14 March 2022).
- Hofstadter R. 2008. *The Paranoid Style in American Politics: And Other Essays* (Vintage), New York: Random House Inc.; Vintage Books.

- Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*, vol. 28, no 1, pp. 25–43. Available at: <https://doi.org/10.1002/per.1930> (accessed 14 March 2022).
- Iyengar Sh., Hahn K. S. (2009) Red Media, Blue Media: Evidence of Ideological Selectivity in Media Use. *Journal of Communication*, vol. 59, no 1, pp. 19–39. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.01402.x> (accessed 14 March 2022).
- Jasinskaja-Lahti I., Jetten J. (2019) Unpacking the Relationship between Religiosity and Conspiracy Beliefs in Australia. *British Journal of Social Psychology*, vol. 58, no 4, pp. 938–954. Available at: <https://doi.org/10.1111/bjso.12314> (accessed 14 March 2022).
- Jolley D., Douglas K. M. (2014) The Social Consequences of Conspiracism: Exposure to Conspiracy Theories Decreases Intentions to Engage in Politics and to Reduce One’s Carbon Footprint. *British Journal of Psychology*, vol. 105, no 1, pp. 35–56. Available at: <https://doi.org/10.1111/bjop.12018> (accessed 14 March 2022).
- Jovančević A., Milićević N. (2020) Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior — A Cross-Cultural Study. *Personality and Individual Differences*, vol. 167, art. 110216. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216> (accessed 14 March 2022).
- Kazun A. D. (2020) Tak li strashen feyk? Lozhnye novosti i ikh rol’ v sovremennom mire [Are Fakes Really Dangerous? Fake News and Their Role in the Modern World]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, no 4, pp. 162–175 Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.791> (accessed 14 March 2022) (in Russian).
- Kazun A. D., Porshnev A. V. (2021) Kto verit v teorii zagovora? Faktory sklonnosti k konspirologicheskomu myshleniyu v Rossii, Kazakhstane i Ukraine. [Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, no 6, pp. 549–565. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889> (accessed 14 March 2022).
- Kim S., Kim S. (2021) Searching for General Model of Conspiracy Theories and Its Implication for Public Health Policy: Analysis of the Impacts of Political, Psychological, Structural Factors on Conspiracy Beliefs about the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no 1, art. 266. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010266> (accessed 14 March 2022).
- Kirziuk A. (2021) «U menya net strakha»: kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy [“I Have No Fear”: COVID Skeptics in Search of Agency and Truth]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, vol. 2, pp. 484–509 Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776> (accessed 14 March 2022) (in Russian).
- Kittler A. F., Hobbs J., Volk L. A., Kreps G. L., Bates D. W. (2004) The Internet as a Vehicle to Communicate Health Information during a Public Health Emergency: A Survey Analysis Involving the Anthrax Scare of 2001. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 6, no 1, art. e1. Available at: <https://doi.org/10.2196/jmir.6.1.e8> (accessed 14 March 2022).

- Klimova A., Chmel K., Savin N. (2020) Veryu-ne-veryu: obshchestvennoe mnenie i slukhi o proiskhozhdenii novogo koronavirusa [Believe it or Not: Public Opinion and Rumors About COVID-19]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 6, pp. 266–283. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752> (accessed 14 March 2022) (in Russian).
- Klofstad C. A., Uscinski J. E., Connolly J. M., West J. P. (2019) What Drives People to Believe in Zika Conspiracy Theories? *Palgrave Communications*, vol. 5, no 1, pp. 1–8. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0243-8> (accessed 14 March 2022).
- Kouzy R., Jaoude J. A., Kraitem A., El Alam M. B., Karam B., Adib E., Zarka J., Traboulsi C., Akl E. W., Badour K. (2020) Coronavirus Goes Viral: Quantifying the COVID-19 Misinformation Epidemic on Twitter. *Cureus*, vol. 12, no 3. Available at: <http://dx.doi.org/10.7759/cureus.7255> (accessed 14 March 2022).
- Kowalski J., Marchlewska M., Molenda Z., Górska P., Gawęda Ł. (2020) Adherence to Safety and Self-Isolation Guidelines, Conspiracy and Paranoia-like Beliefs during COVID-19 Pandemic in Poland — Associations and Moderators. *Psychiatry Research*, vol. 294, art. 113540. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113540> (accessed 14 March 2022).
- Lantian A., Muller D., Nurra C., Douglas K. M. (2016) Measuring Belief in Conspiracy Theories: Validation of a French and English Single-Item Scale. *International Review of Social Psychology*, vol. 29, no 1, pp. 1–14. Available at: <https://doi.org/10.5334/irsp.8> (accessed 14 March 2022).
- Leibovitz T., Shamblaw A. L., Rumas R., Best M. W. (2021) COVID-19 Conspiracy Beliefs: Relations with Anxiety, Quality of Life, and Schemas. *Personality and Individual Differences*, vol. 175, art. 110704. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110704> (accessed 14 March 2022).
- Leman P. (2007) The Born Conspiracy. *New Scientist*, vol. 195, no 2612, pp. 35–37. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(07\)61774-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(07)61774-6) (accessed 14 March 2022).
- Leone L., Giacomantonio M., Williams R., Michetti D. (2018) Avoidant Attachment Style and Conspiracy Ideation. *Personality and Individual Differences*, vol. 134, pp. 329–336. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.043> (accessed 14 March 2022).
- Lewandowsky S., Gignac G. E., Oberauer K. (2013) The Role of Conspiracist Ideation and Worldviews in Predicting Rejection of Science. *PLOS ONE*, vol. 8, no 10, art. e75637. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0075637> (accessed 14 March 2022).
- Lewandowsky S., Oberauer K., Gignac G. E. (2013) NASA Faked the Moon Landing—Therefore, (Climate) Science is a Hoax: An Anatomy of the Motivated Rejection of Science. *Psychological Science*, vol. 24, no 5, pp. 622–633. Available at: <https://doi.org/10.1177/0956797612457686> (accessed 14 March 2022).
- Li H. O.-Y., Bailey A., Huynh D., Chan J. (2020) YouTube as a Source of Information on COVID-19: A Pandemic of Misinformation? *BMJ Global Health*, vol. 5, no 5, art. e002604. Available at: <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-002604> (accessed 14 March 2022).
- Linden S. van der (2015) The Conspiracy-Effect: Exposure to Conspiracy Theories (about Global Warming) Decreases pro-Social Behavior and Science Acceptance. *Personality and Individual Differences*, vol. 87, pp. 171–173. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045> (accessed 14 March 2022).

- Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. (2017) Believing in Conspiracy Theories: Evidence from an Exploratory Analysis of Italian Survey Data. *South European Society & Politics*, vol. 22, no 3, pp. 327–344. Available at: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894> (accessed 14 March 2022).
- Marchlewska M., Cichočka A., Kossowska M. (2018) Addicted to Answers: Need for Cognitive Closure and the Endorsement of Conspiracy Beliefs. *European Journal of Social Psychology*, vol. 48, no 2, pp. 109–117. Available at: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2308> (accessed 14 March 2022).
- McCauley C., Jacques S. (1979) The Popularity of Conspiracy Theories of Presidential Assassination: A Bayesian Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 37, no 5, pp. 637–644. Available at: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.5.637> (accessed 14 March 2022).
- McHoskey J. W. (1995) Case Closed? On the John F. Kennedy Assassination: Biased Assimilation of Evidence and Attitude Polarization. *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 17, no 3, pp. 395–409. Available at: https://doi.org/10.1207/s15324834basp1703_7 (accessed 14 March 2022).
- Moon H., Lee G. H. (2020) Evaluation of Korean-Language COVID-19–Related Medical Information on YouTube: Cross-Sectional Infodemiology Study. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no 8, art. e20775. Available at: <https://doi.org/10.2196/20775> (accessed 14 March 2022).
- Moscovici S. (1987) The Conspiracy Mentality. *Changing Conceptions of Conspiracy* (eds. C. Graumann, S. Moscovici), New York, NY: Springer-Verlag, pp. 151–169.
- Nestik T., Deyneka O., Maksimenko A. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i vovlechnost' v setevye kommunikatsii [Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media]. *Social Psychology and Society = Social'naya psihologiya i obshchestvo*, vol. 11, no 4, pp. 87–104. Available at: https://psyjournals.ru/social_psy/2020/n4/Nestik_et_al.shtml (accessed 14 March 2022) (in Russian).
- Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A. (2003) Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics. *International Journal of Press/Politics*, vol. 8, no 2, pp. 36–70. Available at: <https://doi.org/10.1177/1081180X02251047> (accessed 14 March 2022).
- Oliver J. E., Wood T. (2014a) Conspiracy Theories and the Paranoid Style(s) of Mass Opinion. *American Journal of Political Science*, vol. 58, no 4, pp. 952–966. Available at: <https://doi.org/10.1111/ajps.12084> (accessed 14 March 2022).
- Oliver J. E., Wood T. (2014b) Medical Conspiracy Theories and Health Behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*, vol. 174, no 5, pp. 817–818. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01525> (accessed 14 March 2022).
- Orosz G., Krekó P., Paskuj B., Tóth-Király I., Bóthe B., Roland-Lévy C. (2016) Changing Conspiracy Beliefs through Rationality and Ridiculing. *Frontiers in Psychology*, vol. 7, art. 1525. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01525> (accessed 14 March 2022).
- Oyeyemi S. O., Gabarron E., Wynn R. (2014) Ebola, Twitter, and Misinformation: A Dangerous Combination? *BMJ*, vol. 349, art. g6178. Available at: <https://doi.org/10.1136/bmj.g6178> (accessed 14 March 2022).

- Pandey A., Patni N., Singh M., Sood A., Singh G. (2010) YouTube as a Source of Information on the H1N1 Influenza Pandemic. *American Journal of Preventive Medicine*, vol. 38, no 3, art. e1-3. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2009.11.007>. (accessed 14 March 2022).
- Parsons Sh., Simmons W., Shinhoster F., Kilburn J. (1999) A Test of the Grapevine: An Empirical Examination of Conspiracy Theories among African Americans. *Sociological Spectrum*, vol. 19, no 2, pp. 201–222. Available at: <https://doi.org/10.1080/027321799280235> (accessed 14 March 2022).
- Pathak R., Poudel D. R., Karmacharya P., Pathak A., Aryal M. R., Mahmood M., Donato A. A. (2015) YouTube as a Source of Information on Ebola Virus Disease. *North American Journal of Medical Sciences*, vol. 7, no 7, pp. 306–309. Available at: <https://doi.org/10.4103/1947-2714.161244> (accessed 14 March 2022).
- Popper K. (1969) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Prooijen J.-W. van (2017) Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*, vol. 31, no 1, pp. 50–58. Available at: <https://doi.org/10.1002/acp.3301> (accessed 14 March 2022).
- Prooijen J.-W. van, Acker M. (2015) The Influence of Control on Belief in Conspiracy Theories: Conceptual and Applied Extensions. *Applied Cognitive Psychology*, vol. 29, no 5, pp. 753–761. Available at: <https://doi.org/10.1002/acp.3161> (accessed 14 March 2022).
- Prooijen J.-W. van, Krouwel A. P. M., Pollet T. V. (2015) Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*, vol. 6, no 5, pp. 570–578. Available at: <https://doi.org/10.1177/1948550614567356> (accessed 14 March 2022).
- Reynolds B., Seeger M. W. (2005) Crisis and Emergency Risk Communication as an Integrative Model. *Journal of Health Communication*, vol. 10, no 1, pp. 43–55. Available at: <https://doi.org/10.1080/10810730590904571> (accessed 14 March 2022).
- Robinson P., Goddard P., Parry K., Murray C., Taylor P. M. (2016) *Pockets of Resistance: British News Media, War and Theory in the 2003 Invasion of Iraq*, Manchester, UK: Manchester University Press.
- Scott J. C. (1969) The Analysis of Corruption in Developing Nations. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 11, no 3, pp. 315–341.
- Silva B. C., Vegetti F., Littvay L. (2017) The Elite is up to Something: Exploring the Relation Between Populism and Belief in Conspiracy Theories. *Swiss Political Science Review*, vol. 23, no 4, pp. 423–443. Available at: <https://doi.org/10.1111/spsr.12270> (accessed 14 March 2022).
- Smith R. D. (2006) Responding to Global Infectious Disease Outbreaks: Lessons from SARS on the Role of Risk Perception, Communication and Management. *Social Science & Medicine*, vol. 63, no 12, pp. 3113–3123. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.08.004> (accessed 14 March 2022).
- Sopory P., Day A. M., Novak J. M., Eckert K., Wilkins L., Padgett D. R., Noyes J. P., Barakji F. A., Liu J., Fowler B. N., Guzman-Barcenas J. B., Nagayko A., Nickell J. J., Donahue D., Daniels K., Allen T., Alexander N., Vanderford M. L., Gamhewage G. M. (2019) Communicating Uncertainty during Public Health

- Emergency Events: A Systematic Review. *Review of Communication Research*, vol. 7, pp. 67–108. Available at: <https://doi.org/10.12840/ISSN.2255-4165.019> (accessed 14 March 2022).
- Stempel C., Hargrove T., Stempel G. H. (2007) Media Use, Social Structure, and Belief in 9/11 Conspiracy Theories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 84, no 2, pp. 353–372. Available at: <https://doi.org/10.1177/107769900708400210> (accessed 14 March 2022).
- Stojanov A., Halberstadt J. (2019) The Conspiracy Mentality Scale: Distinguishing between Irrational and Rational Suspicion. *Social Psychology*, vol. 50, no 4, pp. 215–232. Available at: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000381> (accessed 14 March 2022).
- Stroud N. (2008) Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure. *Political Behavior*, vol. 30, no 3, pp. 341–366. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11109-007-9050-9> (accessed 14 March 2022).
- Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enmity: Evidence that People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 98, no 3, pp. 434–449. Available at: <https://doi.org/10.1037/a0017457> (accessed 14 March 2022).
- Sunstein C. R., Vermeule A. (2009) Conspiracy Theories: Causes and Cures. *Journal of Political Philosophy*, vol. 17, no 2, pp. 202–227. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2008.00325.x> (accessed 14 March 2022).
- Swami V. (2012) Social Psychological Origins of Conspiracy Theories: The Case of the Jewish Conspiracy Theory in Malaysia. *Frontiers in Psychology*, vol. 3, art. 280. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00280> (accessed 14 March 2022).
- Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A. (2017) An Examination of the Factorial and Convergent Validity of Four Measures of Conspiracist Ideation, with Recommendations for Researchers. *PLoS ONE*, vol. 12, no 2, pp. 1–27. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0172617> (accessed 14 March 2022).
- Swami V., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. (2010) Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, vol. 24, no 6, pp. 749–761. Available at: <https://doi.org/10.1002/acp.1583> (accessed 14 March 2022).
- Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim S., Voracek M. (2011) Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*, vol. 102, no 3, pp. 443–463. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x> (accessed 14 March 2022).
- Swami V., Voracek M., Stieger S., Tran U. S., Furnham A. (2014) Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories. *Cognition*, vol. 133, no 3, pp. 572–585. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006> (accessed 14 March 2022).
- Uscinski J., Klofstad C., Atkinson M. (2016) What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly*, vol. 69, no 1, pp. 57–71.

- Whitson J. A., Galinsky A. D. (2008) Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception. *Science*, vol. 322, no 5898, pp. 115–117. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.1159845> (accessed 14 March 2022).
- Wood M. J. (2017) Conspiracy Suspicions as a Proxy for Beliefs in Conspiracy Theories: Implications for Theory and Measurement. *British Journal of Psychology*, vol. 108, no 3, pp. 507–527. Available at: <https://doi.org/10.1111/bjop.12231> (accessed 14 March 2022).
- Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. (2012) Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*, vol. 3, no 6, pp. 767–773. Available at: <https://doi.org/10.1177/1948550611434786> (accessed 14 March 2022).
- Zimmerman R. K., Wolfe R. M., Fox D. E., Fox J. R., Nowalk M. P., Troy J. A., Sharp L. K. (2005) Vaccine Criticism on the World Wide Web. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 7, no 2, art. e17. Available at: <https://doi.org/10.2196/jmir.7.2.e17> (accessed 14 March 2022).
- Zollmann F. (2019) Bringing Propaganda Back into News Media Studies. *Critical Sociology*, vol. 45, no 3, pp. 329–345. Available at: <https://doi.org/10.1177/0896920517731> (accessed 14 March 2022).

Received: July 19, 2022

Citation: Kazun A. (2022) Konspirologicheskoe myshlenie: ponjatie, izmerenie i phaktory [Conspiracy Thinking: Concept, Measurement and Factors]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 91–117. Doi: [10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

А. Ю. Чепуренко

«3D-модель» российской экономики

Рецензия на книгу: Долгопятова Т. Г., Акиндинова Н. В., Симачёв Ю. В., Яковлев А. А. (науч. ред.). 2021. *Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов)*. М.: Изд. дом ВШЭ. 446 с.

ЧЕПУРЕНКО Александр Юльевич — доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: achepurenko@hse.ru

В рецензии рассмотрены результаты исследования, реализованного в 2020 — начале 2021 гг. и отражённого в коллективной монографии «Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов)». Применённый участниками исследования подход (макрэкономический анализ в сочетании с анализом ситуации на уровне отрасли и на уровне отдельных фирм) позволил показать неоднозначную реакцию на пандемию и связанные с ней новые риски и возможности для разных компаний в шести различных секторах российской экономики с учётом контекста мировой экономики в целом и ситуации в соответствующих её отраслях. В частности, рассмотрены тенденции предшествующего развития, а также сложившаяся в первый период пандемии и по выходе из него ситуация и возможные траектории дальнейшего развития в розничной торговле, ИТ, туристическом секторе, фармацевтическом производстве, автомобилестроении и химической промышленности.

Полученная картина позволяет лучше понять как возможности и ограничения дальнейшего развития, так и вызовы и развилки, которые имелись у российского государства к концу 2021 г. Хотя сегодня ситуация изменилась принципиальным образом, и российская промышленность живёт уже в другой реальности, выделенные развилки, как ни странно, сохраняют своё значение. Правда, в отношении некоторых из них выбор уже или сделан, или предопределён.

В заключении сформулированы критические замечания: недоучёт специфики пандемии как внеэкономического шока в сравнении с типичными экономическими кризисами (и моделями их преодоления); необходимость анализа общих тенденций в мировой и российской экономике в контексте понижательной волны нынешнего длинного экономического цикла; композиционные сложности монографии.

Ключевые слова: российская экономика; секторальный анализ; пандемия; метод кейсов; государственная политика; анализ.

Общая характеристика

Рецензируемый коллективный труд возник на основе проекта «Отраслевые кейсы реагирования компаний на кризис и сценарии посткризисного развития», реализованного группой исследовательских подразделений

НИУ ВШЭ — Институтом анализа предприятий и рынков (ИАПР), Центром исследований структурной политики (ЦИСП) и «Центром развития» (ЦР) при поддержке и участии Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Проект стартовал в конце весны 2020 г., уже после первой волны коронавируса, и был завершён в мае 2021 г. К этому времени в зарубежной академической литературе уже сформировался довольно мощный поток исследований, посвящённых выяснению экономических, социальных, организационных, менеджеральных последствий пандемии для экономики и общества (см., например: [Antràs 2020; Bloom et al. 2020; Acemoglu 2021; Bai et al. 2021; Barrero, Bloom, Davis 2021; Bloom, Fletcher, Yeh 2021; Gourinchas et al. 2021; Williamson 2021] и др.), но в отечественной литературе такого рода исследований пока достаточно мало (см.: [Буклемишев et al. 2021; May 2021; Ослон 2021; Плаксин, Жулин, Фаризова 2021; Полиди, Гершович 2021]).

Рецензируемая монография состоит из предисловия, введения, девяти глав и библиографии. Глава 1 объясняет методологию исследования; глава 2 содержит анализ макроэкономической ситуации в России и мире до пандемии; главы 3–7 посвящены секторальному анализу (розничная торговля, сектор информационных технологий, туризм, фармацевтическая промышленность, автомобилестроение и химическая промышленность соответственно). Глава 9 подводит итоги проведённого исследования и содержит общие оценки и выводы. Следует отметить, что каждая глава, помимо основного текста, содержит также несколько приложений, которые демонстрируют тренды отрасли или сектора до и во время пандемии в России и за рубежом.

Методологической основой исследования явились метод кейсов, который применён для сбора информации о причинах и мотивах определённой стратегии поведения компаний, и использование смешанных методов (поскольку анализ кейсов дополняется кабинетными исследованиями статистики, литературы и т. д.). Как указывают авторы, исходным пунктом проекта стал отраслевой анализ, то есть «исследование состояния и развития избранных секторов российской экономики, основанное на сочетании количественных данных макро- и отраслевой статистики и микроэкономических качественных данных о процессах на уровне отрасли и отдельных компаний, полученных путём углублённого интервьюирования представителей бизнеса (руководителей компаний и отраслевых бизнес-ассоциаций)» (с. 12). Важно, что в отличие от преобладающего в российской литературе «самолюбования», часто переходящего в «самобичевание» (и обратно), в данной работе российская ситуация рассматривалась в контексте трендов мировой экономики и конкретно тех стран, которые были выбраны как референтные для того или иного сектора российской экономики. Выбранные секторы экономики очень различаются по разным основаниям (начиная с технологического уровня и продвинутости организации бизнес-процессов и заканчивая структурой отрасли с точки зрения сочетания в ней крупных игроков и малого бизнеса) и в том числе, конечно, с точки зрения внимания и присутствия в них государства и степени артикулированности его политики в отношении этих секторов.

Первоначально задуманный как ситуационный анализ, проект постепенно перерос — и это хорошо отражено в рецензируемой монографии — в выяснение длительных трендов, начиная с доковидного состояния и заканчивая возможными направлениями (и развилками) по чаеом завершении пандемии и связанных с ней ограничений.

«Фактически по каждому из шести секторов удалось не только оценить его роль в экономике, но и получить полноценную картину прошлой динамики и трендов будущего развития, выявить особенности российского бизнеса в контексте мировых тенденций, а также определить круг проблем, перед которыми стоят фирмы» (с. 13). В результате пандемическая реальность вписана в более общую рамку, от чего глубина оценок и выводов выигрывает.

Значительный интерес данная книга представляет также потому, что в ней был применён редко встречающийся в экономической литературе подход. Фактически авторы целенаправленно использовали так называемые смешанные методы, сочетая серию отраслевых кейс-стади (углублённые интервью с представителями фирм и отраслевых бизнес-ассоциаций) с кабинетным исследованием соответствующей российской и международной статистики и аналитических обзоров солидных исследовательских компаний и международных организаций. Таким образом, в работе представлены три среза анализа — макроэкономический, отраслевой и индивидуальный (на уровне отдельных фирм соответствующего сектора или отрасли), которые взаимно дополняют друг друга. Это позволяет наложить количественные оценки, помогающие понять, «что происходит?» в отрасли, на выяснение причин и логики поведения отраслевых игроков, то есть увидеть «цветущее разнообразие» их мотивации, стратегий, интересов, опасений, ожиданий и ответить на вопросы «как?» и «почему?». Благодаря этому формируется многомерная картина происходящего в реальной экономике, становятся понятными некоторые реакции бизнесов на пандемию и возможности дальнейшего развития.

В рамках проекта самими его участниками проведены 45 интервью, в том числе 43 с руководителями отраслевых компаний и бизнес-ассоциаций и два интервью с сотрудниками профильных подразделений двух региональных администраций. Сценарии этих интервью подробно описаны в тексте, а их материалы широко использованы в основном тексте каждой из глав и помогают глазами самих акторов взглянуть на проблемы и решения по их преодолению, а также на соответствующую мотивировку. При этом участники проекта понимали, что все отрасли с разным временным лагом ощутили на себе влияние пандемии и почувствовали возможность «отскока». Изучаемые отрасли были разделены на две волны обследования. В первую волну (июль — октябрь 2020 г.) вошли отрасли, испытавшие влияние пандемии на раннем этапе — фармацевтическая промышленность, розничная торговля и ИТ-сектор. Отрасли, в которых предполагалось отложенное влияние, вошли во вторую волну обследования (октябрь 2020 г. — март 2021 г.). За счёт этого удалось избежать сиюминутных выводов и обеспечить некоторую растянутость наблюдений во времени.

Важно, что авторский коллектив с самого начала видел как возможности, так и ограничения метода кейс-стади, к числу которых принадлежат риски искажения информации, получаемой от информантов в ходе углублённых интервью, а также невозможность оценки масштабов происходящих в отрасли изменений на основе немногочисленных интервью. Именно кабинетные исследования статистической информации помогли сохранить дистанцию, так необходимую для того, чтобы не подпасть под влияние интересов (или самооправданий) информантов.

Анализ состояния российской экономики до начала пандемии

Как же на этом фоне выглядит Россия? Ключевые выводы авторов монографии весьма неоптимистичны: «В предшествующее пандемии десятилетие экономика России фактически стагнировала, темпы роста её ВВП были в 2 раза ниже общемировых. Это происходило на фоне замедления глобальной экономики, снижения цен на нефть, тенденции к огосударствлению российской экономики, ухудшения делового климата, а также — с 2014 г. — введения режимов санкций и контрсанкций. При этом на смену быстрому росту реальных располагаемых доходов населения пришло их снижение, явно уменьшилась инвестиционная активность, сократились прямые иностранные инвестиции» (с. 43). Если так, то не тем ли объясняется, что, уже находясь, фигурально выражаясь, на уровне плитуса по ключевым индикаторам экономического роста, российская экономика в ходе самой пандемии «продемонстрировала умеренное снижение ВВП»? Да, признают авторы, это связано «со структурой экономики (низкой долей услуг, доминированием крупных предприятий) и заблаговременной адаптацией экономики к низким ценам на нефть благодаря бюджетному правилу», однако отчасти и с «принятыми антикризисными мерами» (с. 43). Правда, подчёркивают они, хотя «бюджетные расходы на антикризисные

меры — по сравнению с развитыми странами — были умеренными, это позволило заметно смягчить снижение ВВП и реальных доходов населения» (с. 43). Получается, нам было явлено чудо: расходы на поддержание экономики на плаву были заметно ниже, но эффект их оказался заметно выше, чем в развитых странах. По-видимому, здесь есть некое противоречие...

Нельзя не согласиться с приведённым в данной главе списком основных факторов замедления динамики российской экономики в 2010-е гг.: «огосударствление экономики; институциональные проблемы и проблемы инвестиционного климата; высокие риски ведения бизнеса, требующие проведения масштабных реформ, которые так и не были осуществлены, а в последние годы просто сняты с повестки дня» (с. 47). Их причины описаны и систематизированы. Они, думается, и задают институциональную рамку для понимания того, что и как происходило в анализируемых секторах российской экономики во время пандемии, а также для понимания логики действий российского государства в этот период.

В результате продолжительной стагнации, начавшейся фактически с кризиса 2008–2009 гг., российская экономика выбыла из числа лидеров по темпам роста, и сразу же в ней проявились многие симптомы, характерные для экономик развивающихся стран. Уже весной 2020 г. власти повсюду в мире оказались перед дилеммой: бороться за сохранение здоровья населения или сохранять на плаву экономику? В странах, не располагающих большим потенциалом мер, эффективными институтами и не опирающихся на доверие со стороны акторов экономики, логика действий правительств исходила из того, что «запирать людей дома — это значит оставлять их без работы и в буквальном смысле без средств повседневного существования. “Голод убьёт больше людей, чем ковид” — эта простая (и не совсем безосновательная) мысль весной 2020 г. получила в развивающихся странах достаточно широкое распространение» (с. 60). Не в том ли, что и российские власти склонились в пользу такой линии, заключаются причины сравнительно умеренного падения экономики в самый острый период пандемии, весной — летом 2020 г.? Да, российское правительство в 2020 г. нарастило расходы на здравоохранение почти в 2 раза, на социальную политику в 1,4 раза. Но ведь и этот уровень бюджетного финансирования как в процентах к ВВП, так и в абсолютных размерах сильно уступает соответствующим показателям по группе развитых экономик, да и по группе постсоветских стран Центральной и Восточной Европы. Впрочем, авторы, опираясь на собственные расчёты, приходят к выводу, что «кризис ухудшил динамику ВВП в 2020 г. примерно на 4,7 п. п. При этом, если бы не меры государственной поддержки, негативный эффект <...> составил бы, по нашей оценке, примерно 7–8 п. п.» (с. 66). Иначе говоря, ограниченные, точечные меры российского государства по купированию пандемии оказались весьма действенными.

Поотраслевой анализ ситуации и общие тенденции

Структура глав с анализом отраслевых кейсов в книге стандартна. Все главы построены в следующей логике:

- характеристика состояния сектора и (или) отрасли в России накануне пандемии, в том числе особенностей данного сектора и (или) отрасли в России по сравнению с другими странами;
- состояние сектора и (или) отрасли в период пандемии: динамика объёмов продаж (в том числе по отдельным сегментам), занятости, цен и проч.; происходившие изменения в организации бизнес-процессов, включая отношения с работниками, с поставщиками и потребителями; реакция на кризис в тех странах, которые были выбраны для сравнения;
- взаимоотношения с государством, господдержка в период пандемии (включая изменение интенсивности и каналов взаимодействия с государством, оценку эффективности применявшихся форм господдержки, сравнение с ситуацией за рубежом);

— ожидаемые тенденции развития как для перспективных, так и для проблемных сегментов внутри сектора; ключевые угрозы и риски; политические рекомендации.

Благодаря такой структуре в главах 3–8 представлена чёткая картина по отраслям, а ситуацию в них и перспективы легко сравнивать между собой. Такой анализ очень способствует пониманию различий как между секторами, так и внутри них на уровне предприятий и фирм — по господствующему технологическому укладу, степени концентрации, вкладу в ВВП, региональной принадлежности основных центров технологической продвинутости, степени локализации основных производств, характеру связи с мировым рынком, особенностям конкурентной ситуации в отрасли и уровню взаимодействия с государственными регуляторами при посредничестве отраслевых бизнес-ассоциаций, роль которых в период пандемии в институционализации групповых интересов и их лоббировании почти во всех исследованных секторах сильно возросла.

Поотраслевой анализ кейсов позволяет делать общие выводы, формулировать оценки и рекомендации. Этому и посвящена заключительная — девятая — глава монографии. При всем различии между рассмотренными отраслями и секторами, авторам удалось выявить такие их важные характеристики, которые несут на себе отпечаток общих проблем, общего состояния российской экономики, а в каком-то смысле формируют их. Прежде всего, в целом состояние этих отраслей в России пока не соответствует по своим масштабам и вкладу в ВВП аналогичных секторов в развитых экономиках, либо же характеризуется недостаточным уровнем инновационной активности. В целом «структурная специфика российских отраслей существенно ограничивает применимость различных инструментов экономической политики, доказавших свою эффективность в развитых зарубежных странах» (с. 415), а препятствиями для выработки и реализации целостной экономической политики государства являются «многоукладность большинства секторов, сильная дивергенция компаний (наличие в одной и той же отрасли наряду с высокопроизводительными компаниями фирм с очень низкой производительностью), значительная региональная дифференциация» (с. 415). В то же время ещё до пандемии в рассмотренных авторами рецензируемой монографии секторах отечественной экономики начались процессы, развитие которых пандемия подстегнула (или могла ускорить): консолидация и укрупнение (особенно в рознице), расширение роли государства (и как закупщика, и как игрока — в ИТ, фармацевтике), цифровизация (в туристической отрасли и розничной торговле). Однако эти тренды реализуются в условиях ряда серьёзных институциональных ограничений. Во-первых, российская экономика сильно зарегулирована, причём регуляторные правила и процедуры быстро меняются, так что возникают шоки адаптации. Во-вторых, наша экономика всё сильнее выстраивается под интересы государства и крупных государственных и квазигосударственных структур (странно, что авторы в связи с этим не проводят аналогию с чеболизацией южнокорейской экономики в 1970–1980 гг., ведь соответствующие уроки Южной Кореи сегодня известны). В-третьих, нужно иметь в виду узость и структуру спроса: не растёт покупательная способность населения, а небольшая ёмкость внутреннего рынка при прогрессирующем «оуклиивании» российской экономики в ряде отраслей с высокими удельными инвестициями делает их нерентабельными. В-четвёртых, ограничителем, по мнению авторов книги, выступает глобальное позиционирование российской экономики: ценовая конкуренция с развивающимися странами нарастает, а собственных инновационных заделов для того, чтобы конкурировать по качеству, не хватает. Наконец, в-пятых, усиливается, особенно в сложные периоды, государственный патернализм, что происходит «за счёт» бизнеса (сдерживание роста цен на социально значимые товары, попытки искусственно поддерживать занятость в крупных компаниях).

На эти общие тренды и ограничения наложились шоки самой пандемии, которые, по мнению авторов, как уже отмечалось выше, в России оказались значительно слабее, чем во многих зарубежных экономиках. Интересны те аргументы, которыми изученные кейсы помогли подкрепить данный тезис. Прежде всего, «помог» кризис 2014–2015 гг.: компании, которые начали серьёзно перестраивать бизнес-

процессы, оказались сравнительно лучше готовы к вызовам пандемии. В частности, ещё до 2020 г. во многих компаниях началось продвижение цифровых технологий и онлайн-форматов, что особенно заметно было в торговле. Далее, сказалась некоторая обособленность от мирового рынка в результате санкций и контрсанкций: российские компании меньше, чем их конкуренты за рубежом, пострадали от сбоев в глобальных цепочках добавленной стоимости. Наконец, особенностью экономического шока 2020–2021 гг. оказалось то, что от него в первую очередь пострадали не отрасли и секторы с преобладанием вертикальной координации (такие, как химическая промышленность, автомобилестроение), а секторы с преобладанием горизонтальных связей (розничная торговля, туризм, ИТ). Но в них наличие горизонтальных связей и координации, зачастую яркие проявления взаимоподдержки, а также бережного отношения к работникам помогли смикшировать влияние как пандемии, так и мер по борьбе с ней.

В то же время в книге выделены и серьёзные проблемы, выявленные пандемией COVID-19. Прежде всего, она оказала «разнонаправленное влияние на уровне секторов, часть из которых получила определённый выигрыш (например, фармацевтическая промышленность, ИТ-сектор), хотя выигравшие компании были также в составе секторов, в целом пострадавших» (с. 422). Во-вторых, она также породила «долгосрочные изменения, особенно в структуре и форматах потребления со стороны населения» (с. 422). Далее, большой проблемой оказались не вполне адекватные, сугубо макроэкономические, линейные, представления государства о состоянии и проблемах отраслей, которые не учитывали их неоднородности, наличия в них разных групп игроков и разных интересов. Это выразилось в том, что «государство предложило широкий спектр инструментов, но в значительной мере ориентировалось на позиции не столько отраслевых бизнес-ассоциаций, сколько отдельных компаний, прежде всего крупных <...> При определении механизмов поддержки не учитывались в должной степени неоднородность отраслей, особенности воздействия на них различных мер. Серьёзной проблемой стали условия отбора предприятий, действительно пострадавших от кризиса, так как селекция таких компаний на уровне кодов видов экономической деятельности оказалась весьма грубой. Предприятия могли столкнуться с существенным падением выручки, но не получить поддержку, так как их деятельность не вошла в перечень наиболее пострадавших отраслей российской экономики (а для крупных и средних предприятий ограничение ещё жёстче)» (с. 423).

Пожалуй, впервые в нашей литературе, как в анализе отдельных отраслевых кейсов, так и в заключении, в рецензируемой книге отмечено, что из поля зрения государства в период пандемии, по сути, выпал средний бизнес; он оказался недостаточно весомым переговорщиком, чтобы донести до государства свои проблемы и предложения, и в то же время недостаточно малым, чтобы предложенные для поддержки малого предпринимательства меры могли оказать ему значимую помощь. Если бы в российской экономике были развиты сети субподряда, эти проблемы могли быть менее острыми.

Наконец, некоторые виды поддержки оказались даже «токсичными». Прежде всего, это госзакупки в сфере ИТ, пользующейся в последние годы особенно пристальным вниманием силовых структур. Примечательно, что, хотя государством декларировалось снижение административной нагрузки, мораторий на проверки «на уровне предприятий отмечалось сохранение, а в некоторых случаях и усиление давления на бизнес. Последнее было более характерно для небольших компаний, для которых проверки — это высокие трансакционные издержки» (с. 425).

Перспективы развития и возможности взаимодействия с государством

Что же впереди? В заключении книги формулируются некоторые ожидаемые тренды в развитии, как минимум, обследованных секторов российской экономики и возможная реакция на них государства. Во-первых, пандемия уже значительно усилила и без того высокую внутриотраслевую и межреги-

ональную дивергенцию (по уровню технологического развития, производительности, доходности и т. д.), и эти различия, согласно ожиданиям авторов, могут только нарастать в секторах с вертикальной координацией. Почему? Об этом прямо не говорится, но в контексте автаркизации и усиления роли государства в российской экономике в этот вывод легко поверить. Далее, будут усиливаться процессы цифровизации, причём в небольших компаниях и в секторах с развитыми горизонтальными связями в результате обновятся модели и форматы ведения бизнеса. Кроме того, цифровизация объективно способствует формированию экосистем и платформ бизнеса, что приведёт к размыванию сложившихся границ между секторами и отраслями (как мы это уже наблюдаем на примере «Яндекса», Сбербанка и ряда других крупных игроков). В-третьих, повысится роль нематериальных активов компаний — знаний, навыков, а при этом усилится конкуренция как внутри, так и между отраслями за человеческий капитал. Наконец, в центре постковидной экономики (и бизнес-модели компаний) будут находиться здоровье, безопасность, питание, развлечения — все те потребности, удовлетворение которых стало узким местом в условиях пандемии, а потому обрело особую ценность в глазах потребителей.

Если эти выводы верны, то в постпандемийной реальности, в которую мы вступим с изменившейся экономикой и в какой-то мере с изменившимся государством, наученным опытом пандемии более оперативно и интерактивно взаимодействовать с бизнесом. Перед встанут задачи выстраивания новой альтернативной повестки экономической и социальной политики. Авторы монографии видят такие альтернативы в следующем:

- акцент на удовлетворении потребностей населения или на развитии национального производства. От выбора приоритетов зависит дизайн политики импортозамещения (розница, туризм, фармацевтика), локализации (автомобилестроение), регулирования цен (фармацевтическая промышленность);
- развитие регуляторики, созвучной апробированным моделям в зарубежных странах, или акцент на национальной специфике (вопросы параллельного импорта, принудительного лицензирования в фармацевтике и торговле);
- соотношение обычной и электронной торговли, условия развития этой последней, когда особую важность будут иметь порог беспрошльного ввоза товаров и регулирование деятельности в России международных торговых платформ;
- ставка на диверсификацию крупных фирм (южнокорейская модель последней трети XX века) или рост молодых новых бизнесов и, соответственно, регулирование слияний и поглощений;
- вертикальная или горизонтальная, прямая или косвенная модель управления секторами со стороны государства (ИТ, фарма, туристический сектор).

Хотя сегодня ситуация изменилась принципиальным образом, и российская промышленность живёт уже в другой реальности, выделенные развилки, как ни странно, сохраняют своё значение. Правда, в отношении некоторых из них выбор уже или сделан, или предопределён.

Критические замечания (вместо заключения)

В заключение «бочки» интересных наблюдений и глубоких выводов — несколько «ложек» критических замечаний. Первое: авторы называют всё то, что случилось в пандемию, экономическим кризисом. Но так ли это? Как известно, используемая лексика вольно или невольно подталкивает к определённому

ходу мыслей. Если разворачивающиеся в мировой и российской экономике с марта 2020 г. события — это экономический кризис, то и выход из него можно поискать в «архиве», среди мер и инструментов, более или менее апробированных в ходе преодоления предшествующих экономических кризисов. Однако такой подход кажется не вполне верным, поскольку пандемия — не естественное следствие накопленных экономических проблем, каковым обычно является экономический кризис, а экзогенный шок из числа таких, которые в последние годы принято называть «чёрными лебедями». Они, конечно, накладываются на динамику экономического развития, в чём-то внешне похожи на кризисы 2008-го или 2014–2015 гг., но имеют *внеэкономические* причины, а потому требуют наряду с отработанными ответами и нестандартных мер для перезапуска экономики, которые могут даже переопределить секторы–локомотивы в экономике. Думается, что рассуждения на эту тему могли бы придать монографии дополнительную ценность.

Второе: анализируя вялую динамику мирового развития в предшествующее пандемии десятилетие и рассматривая возможные перспективы, логично было бы делать это в контексте анализа нынешней стадии длинной волны экономического развития, на которой находится мировая экономика примерно после того, как лопнул пузырь доткомов. Это, как представляется, могло бы позволить объяснить те «странности» экономической динамики допандемийного десятилетия в мировой экономике, на которые неоднократно обращают внимание авторы в главе 2 рецензируемой книги.

Третье, уже сугубо композиционное соображение: главы с кейсами построены таким образом, что каждая из них сопровождается не меньшим по объёму, чем сама глава, текстовым приложением. Довольно часто мысли, подробно сформулированные в основном тексте, столь же подробно излагаются и в приложении, из-за чего местами текст начинает казаться многословным.

В целом, однако, данная монография является своего рода «3D-моделью» российской экономики, вносит ценный вклад в анализ её глубинных процессов, а потому, безусловно, заслуживает внимания эконом-социологов — как объёмная картина секторальных рынков и пример удачного применения смешанных методов для анализа масштабных процессов в экономике.

Литература

- Буклемишев О. В. et al. 2021. Макроэкономическая политика в эпоху пандемии: что говорит модель IS-LM? *Вопросы экономики*. 2: 35–47.
- Мау В. А. 2021. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики. *Вопросы экономики*. 3: 5–30.
- Плаксин С. М., Жулин А. Б., Фаризова С. А. (ред.) 2021. «Чёрный лебедь» в белой маске. *Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Полиди Т. Д., Гершович А. Я. 2021. Влияние коронакризиса на экономику крупнейших российских городских агломераций в 2020 году. *Вопросы экономики*. 5: 145–159.
- Ослон А. А. (рук. авт. колл.) 2021. *Социология пандемии. Проект КоронаФОМ*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Acemoglu D. 2021. Remaking the Post-COVID World. *IMF Finance & Development*. 0058 (001). URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/022/0058/001/article-A002-en.xml>

- Antràs P. 2020. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. *NBER Working Paper*. 28115 (November).
- Bai J. et al. 2021. Digital Resilience: How Work-From-Home Feasibility Affects Firm Performance. *NBER Working Paper*, 28588 (March).
- Barrero J. M., Bloom N., Davis S. J. 2021. Why Working from Home Will Stick. *BFI Working Paper*. April 22.
- Bloom N. et al. 2020. The Impact of Covid-19 on Productivity. *NBER Working Paper*. 28233 (December).
- Bloom N., Fletcher R. S., Yeh E. 2021. The Impact of COVID-19 on US Firms. *NBER Working Paper*. 28314 (January).
- Gourinchas P. O. et al. 2021. COVID-19 and Small- and Medium-Sized Enterprises: A 2021 “Time Bomb”? *AEA Papers and Proceedings*. 111: 282–286.
- Williamson P. 2021. De-Globalisation and Decoupling: Post-COVID-19 Myths versus Realities. *Management and Organization Review*. 17 (1): 29–34.

NEW BOOKS

Alexander Chepurenko

“3D-model” of the Russian Economy

Book Review: Dolgopyatova T. G., Akindinova N. V., Simachev Y. V., Yakovlev A. A. (eds) (2021) *Otvét rossiyskogo biznesa na pandemiyu COVID-19 (na primere shesti otraslevykh keysov)* [The Russian Business Response on the COVID-19 Pandemic (On the Base of six Branch Cases)], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

CHEPURENKO, Alexander — Doctor of Economics, Professor, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: achepurenko@hse.ru

Abstract

The review considers the results of a study implemented in 2020—early 2021, and reflected in the presented collective monograph. It is shown that the applied approach (macroeconomic analysis in combination with the mezzo-level analysis of each of the industries and at the level of individual firms) enabled showing an ambiguous reaction to the pandemic of different companies and the new risks and opportunities associated with it in six sectors of the Russian economy, and in the global context of the development of the relevant sectors in the world economy. In particular, the trends of the previous development, as well as the situation in the first period of the

pandemic and after the initial recovery, as well as possible trajectories of further development in retail trade, IT, the tourism sector, pharmaceutical production, automotive industry and the chemical industry are considered.

The resulting picture allows us to better understand both the opportunities and limitations of further development, as well as the challenges and possible junctions the Russian state policy is facing. In the book they are presented as follows: (1) the further increase in the already high internal and interregional divergence (regarding the technological development, productivity, profitability, etc.) in sectors with vertical coordination; (2) the further digitalization, which in sectors with developed horizontal ties will entail updating business models and formats; (3) the increased role of intangible assets of companies (knowledge, skills), growing competition both within and between industries for human capital; (4) health, safety, nutrition, and entertainment will become the core drivers of the economy.

In conclusion, critical remarks are formulated: underestimation of the specifics of the pandemic as an extra-economic shock, in comparison with typical economic crises (and models for overcoming them); the need to analyze the general trends in the global and Russian economies in the context of the downward wave of the current long economic cycle; compositional difficulties of the monograph.

Keywords: Russian economy; sectoral analysis; pandemic; case method; state policy; analysis.

References

Acemoglu D. (2021) Remaking the Post-COVID World. *IMF. Finance & Development*, vol. 0058, no 001. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/022/0058/001/article-A002-en.xml> (accessed 11 February 2022) (in Russian).

Antràs P. (2020) De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. *NBER Working Paper*, no 28115, November.

Bai J., Brynjolfsson E., Jin W., Steffen S., Wan C. (2021) Digital Resilience: How Work-From-Home Feasibility Affects Firm Performance. *NBER Working Paper*, no 28588, March.

Barrero J. M., Bloom N., Davis S. J. (2021) Why Working from Home Will Stick. *BFI Working Paper*, April 22.

Bloom N., Bunn P., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G. (2020) The Impact of Covid-19 on Productivity. *NBER Working Paper*, no 28233, December.

Bloom N., Fletcher R. S., Yeh E. (2021) The Impact of COVID-19 on US Firms. *NBER Working Paper*, no 28314, January.

Buklemishev O. V., Zubova E. A., Kachan M. N., Kurovskij G. S., Lavrent'eva O. N. (2021) Makroekonomicheskaya politika v epokhu pandemii: chto govorit model' IS-LM? [Macroeconomic Policy in a Pandemic Era: What does the IS-LM Model Show?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 2, pp. 35–47 (in Russian).

Gourinchas P. O., Kalemli-Özcan Ş., Penciakova V., Sander N. (2021) COVID-19 and Small- and Medium-Sized Enterprises: A 2021 “Time Bomb”? *AEA Papers and Proceedings*, no 111, pp. 282–286.

Mau V. A. (2021) Pandemiya koronavirusa i trendy ekonomicheskoy politiki [Economics and politics in 2019–2020: Global challenges and national answers]. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 5–30 (in Russian).

Oslon A. A. (ed.) (2020) *Sotsiologiya pandemii. Proekt KoronaFOM* [Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project], Moscow: Public Opinion Fund Institute (in Russian).

Plaksin S. M., Zhulin A. B., Farizova S. A. (eds) (2021) ‘Chernyy lebed’ v beloy maske. *Analiticheskiy doklad NIU VShJe k godovshchine pandemii COVID-19* [The ‘Black Swan’ in the White Mask], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Polidi T. D., Gershovich A. Y. (2021) Vliyanie koronakrizisa na ekonomiku krupneyshikh rossiyskikh gorodskikh aglomeratsiy v 2020 godu [The Impact of Corona Crisis on the Economies of Major Metropolitan Areas]. *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 145–159 (in Russian).

Williamson P. (2021) De-Globalisation and Decoupling: Post-COVID-19 Myths versus Realities. *Management and Organization Review*, vol. 17, no 1, pp. 29–34.

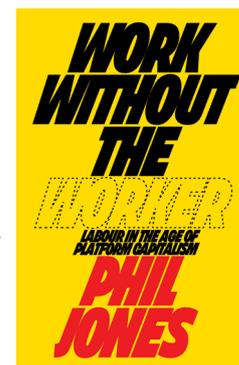
Received: January 19, 2022

Citation: Chepurenskiy A. (2022) “3D-model” rossiyskoy ekonomiki [“3D-model” of the Russian Economy. Book review: Dolgopyatova T. G., Akindinova N. V., Simachev Y. V., Yakovlev A. A. (eds) (2021) Otvet rossiyskogo biznesa na pandemiyu COVID-19 (na primere shesti otraslevykh keysov) [The Russian Business Response on the COVID-19 Pandemic (On the Base of six Branch Cases)], Moscow: HSE Publishing House (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 118–128. Doi: 10.17323/1726-3247-2022-2-118-128 (in Russian).

Т. С. Мартыненко

Цифровая утопия: труд в эпоху искусственного интеллекта¹

Рецензия на книгу: Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso. 144 p.

МАРТЫНЕНКО Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель социологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова.

Адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33.

Email: ts.martynenko@gmail.com

В последние годы мы всё чаще слышим о возрастающих способностях технологий искусственного интеллекта, незаметно, но уверенно внедряющихся в нашу жизнь во всех её проявлениях. Произведут ли эти технологии революцию в сфере труда? Реализуема ли цифровая утопия? На эти и многие другие вопросы пытается ответить британский исследователь Фил Джонс в книге «*Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*» («Работа без работника: труд в эпоху капитализма платформ»). Джонс приглашает читателя посмотреть на обратную и весьма неприглядную сторону цифровой утопии. В центре внимания исследователя находится микрозанятость, реализуемая в форме так называемой задачи человеческого интеллекта (*human intelligence task* — HIT), или «искусственного искусственного интеллекта» (*artificial artificial intelligence* — AAI). Цель книги — показать, что не функционирование алгоритмов искусственного интеллекта, а выполняемые людьми плохо оплачиваемые и психически разрушительные задачи делают нашу цифровую жизнь более удобной и понятной. Автор анализирует работу сотрудников сервиса «*Mechanical Turk*» («Механический турок») и её негативные последствия, например — отсутствие гарантированного труда и его оплаты, отчуждение и возрастающее число психологических проблем.

В рецензии представлены ключевые положения книги: описываются специфика сервиса «Механический турок» и причины интереса автора именно к этой платформе, раскрываются понимание Джонсом термина «микрозанятость», её основные характеристики и особенности труда, рассматриваются факторы, затрудняющие протест в эпоху капитализма платформ, обозначены контуры новой утопии, а также содержатся некоторые критические замечания. В заключении делается вывод о том, что книга Джонса может быть рекомендована к прочтению всеми, кто интересуется проблемами труда в современном мире.

Ключевые слова: искусственный интеллект; труд; Amazon; Механический турок; цифровая утопия; задачи человеческого интеллекта; искусственный интеллект; микрозанятость.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Некоммерческого Фонда развития науки и образования «Интеллект».

Введение

Будущее, которое в ближайшие годы пророчат нам цифровые гиганты, поражает воображение: они обещают, что технологии позволят покончить с рутинными задачами и тяжёлым физическим трудом, «умные» предметы и даже целые «умные» города сделают жизнь комфортной, а впоследствии нам будет обеспечено бессмертие в новой цифровой реальности. Несмотря на то что вера в технологический прогресс отнюдь не является новейшим изобретением человечества, создаётся впечатление, что мы вновь готовы поверить Марку Цукербергу, вещающему о неограниченных возможностях и скором приближении Метавселенной. Да и как не поверить в это: цифровые технологии всё больше проникают в нашу жизнь, буквально фиксируют каждый шаг при помощи различных трекеров и систем контроля, а пандемия превратила наши квартиры в многопрофильные центры. Теперь это не только дом, но и офис, торговый центр, фитнес-клуб, ресторан и многое другое. Жизнь становится более организованной и персонализированной, поскольку всё чаще в неё включаются технологии искусственного интеллекта, которые при помощи алгоритмов и своей способности к обучению пытаются верно служить человечеству. Сегодня они используются фактически во всех сферах общественной жизни — от повседневных практик до политической сферы и здравоохранения, где выполняют задачи самой разной сложности (от установки будильника до постановки диагноза).

Несмотря на то что специалисты в области социальных наук периодически демонстрируют неприглядную сторону новой цифровой вселенной, в том числе появление новых форм социального неравенства, усиление дискриминации, рост отчуждения и др. (см., например: [Dijk 2020; Martynenko, Dobrinskaya 2021]), их голос звучит тише, чем оптимистичные прогнозы экспертов Силиконовой долины. Тем интереснее в этом контексте книга британского исследователя Фила Джонса, посвящённая особенностям труда в эпоху капитализма платформ. Автор пытается отодвинуть ширму цифровой утопии и показать реальные формы трудовой деятельности, скрытые от простого пользователя, а порой даже от специалистов. Деятельность Джонса и его коллег из центра *Autonomy* («Автономия»)² направлена на изучение труда в современном мире, защиту прав работников в контексте необходимости так называемого зелёного перехода (попытка построения устойчивого с точки зрения экологии общества). Потому эта работа представляет собой результат многолетних исследований и обобщений не только автора, но и команды центра. Структура книги является классической: она включает введение, пять глав, в которых автор последовательно раскрывает тему своего исследования, а вместо заключения автор предлагает читателю постскрипtum. Подобное решение, на наш взгляд, не является случайным: сложность и острота поднимаемых Джонсом вопросов не предполагает окончательного решения в рамках небольшой книги, поэтому постскрипtum предлагает дальнейшие направления научного поиска, к которому приглашает читателя автор рецензируемой работы. В первой главе — «The Surplus of Silicon Valley» («Излишки Силиконовой долины») — автор раскрывает основные понятия, используемые им в работе, в том числе описывает содержание понятия «микрозанятость», причины и особенности безработицы в современном мире и проводит исторические параллели, сравнивая начало текущего столетия с временами К. Маркса. Во второй главе — «Artificial or Human Intelligence?» («Искусственный или человеческий интеллект?») — Джонс демонстрирует специфику функционирования технологий искусственного интеллекта и ту значимую роль, которую по-прежнему выполняют люди в решении конкретных задач. В третьей и четвёртой главах — «Human-as-a-Service» («Люди-как-услуга») и «Grave Work» («Могильная работа») — автор описывает особенности трудовой деятельности за фасадом повсеместной цифровизации. В пятой главе — «Wageless Struggle» («Безнадёжная борьба») — Джонс ставит вопрос о возможности изменения сложившейся ситуации и приводит перспективные, по его мнению, способы минимизации негативных последствий.

² См. подробнее о деятельности центра «Автономия»: <https://autonomy.work/>

О дивный новый мир?

Основная тема новой работы Джонса связана с анализом микрозанятости и её социальных последствий в эпоху распространения цифровых технологий. Свою работу Джонс выстраивает вокруг анализа деятельности сервисов крупных интернет-платформ, таких как Amazon, Uber и другие. Автор, с одной стороны, продолжает исследования трансформации труда под влиянием технологий [Rifkin 1995], однако в сравнении с работами рубежа XX и XXI веков существенно меняет представление об этих трансформациях и их дальнейших траекториях. Если раньше речь часто шла о «конце труда», обсуждались проблемы его перераспределения и обеспечения базового безусловного дохода или других форм поддержки, то работа Джонса демонстрирует, что труд по-прежнему остаётся с человечеством, но приобретает иные формы, порой отличающиеся ещё большими, чем прежде, негативными последствиями для человека и общества. С другой стороны, важным источником для рецензируемой работы является концепция платформенного капитализма (или капитализма платформ), в которой анализируется трансформация капитализма в условиях цифровизации [Срничек 2019; Hassan 2020]. Основой капитализма платформ становятся цифровые данные, в том числе многочисленные цифровые следы, оставляемые пользователями [Вершинина, Лядова 2020]. В современной социологии уже поднимался вопрос о необходимости пересмотра по этой причине ряда ключевых понятий; например, Р. Хассан предлагает в целом переосмыслить деятельность человека в социальных сетях, поскольку данные, которые оставляют пользователи, приносят корпорациям существенную долю прибыли. Несмотря на то, что взамен пользователи получают возможность обмениваться контентом, общаться и проч., Хассан считает этот обмен неравным [Hassan 2020: 160]. Джонс придерживается схожего критического взгляда на особенности современного капитализма.

Своё исследование Джонс начинает с описания новых форм труда, появившихся в условиях цифровизации, которые представляют собой некий симбиоз машины и человека. Яркий образ, выбранный автором книги для иллюстрации особенностей современной трудовой деятельности, отсылает нас на несколько столетий назад к шахматному автомату, получившему название «Механический турок». Автомат был создан ещё в XVIII веке и представлял собой устройство с шахматной доской и восковой фигурой в турецком наряде, которая якобы вела шахматную партию. На самом деле под шахматной доской в ящике находился человек, который при помощи хитрой системы зеркал, магнитов и рычагов следил за игрой и управлял действиями восковой фигуры.

Именно этим образом и вдохновлялась компания Amazon, когда в 2005 г. запускала сервис с одноимённым названием — «Mechanical Turk»³. Дж. Безос назвал творение своей компании «искусственный искусственный интеллект», подчёркивая гибридный характер создаваемого сервиса. Изначально это подразделение Amazon было призвано решать внутренние проблемы обработки данных, но постепенно стало понятно, что такие услуги востребованы в экономике с растущим технологическим сектором. Сегодня на рынке представлено несколько подобных платформ, например — Appen, Playment и Clickworker.

Сервис «Механический турок»⁴ позиционируется как краудсорсинговая платформа, позволяющая использовать человеческие ресурсы для обработки задач, которые не в состоянии выполнить современные технологии (или задач, которые пока выполняются менее эффективно). Несмотря на то что мы регулярно видим новую информацию о достижениях технологий искусственного интеллекта, ограничений у этих

³ См. подробнее о сервисе: <https://www.mturk.com>

⁴ В социальных науках сегодня широко обсуждается вопрос не только анализа сервиса «Механический турок» в качестве новой формы занятости, но и его возможностей и ограничений для сбора первичной социальной информации. Результаты ряда исследований демонстрируют существенные различия, во-первых, социально-демографических характеристик пользователей этого сервиса в сравнении с выборками, формируемыми классическими способами, во-вторых, особенностей поведения в сети и установок сотрудников этих сервисов и тех, кто с ним не связан [Hargittai, Shaw 2020].

систем довольно много. Функционирование современных машин связано с распространением больших данных — массивного объёма информации в цифровой форме. Особенностью больших данных является не только объём, но и неструктурированность, что затрудняет возможности их обработки и анализа. Соответственно деятельность людей в системах вроде «Механического турка» связана с обработкой информации и предоставлением её в более удобной для машин форме. Это необходимо, поскольку низкое качество изначальных данных приводит к снижению конечных результатов и является преградой на пути машинного обучения. Таким образом, работа в рассматриваемой автором системе предполагает анализ многочисленных визуальных и аудиальных данных, приведение их к более читаемой и однородной форме (например, перевод аудиозаписи в текст, указание на конкретные объекты на фотографиях или выбор фотографии лучшего качества). Этот вид деятельности получил название «задача человеческого интеллекта» (Human Intelligence Task — HIT). Тем не менее микрозанятость, которой в своей книге значительное внимание уделяет Джонс, включает не только обработку людьми задач компьютерных систем, но и трудовую деятельность курьеров и водителей такси на таких платформах, как Uber, Amazon и др.

Описание принципа работы шахматного автомата XVIII века необходимо Джонсу для того, чтобы показать: наше продвижение к цифровой утопии сегодня серьёзно преувеличено, поскольку за многими приложениями, системами и устройствами стоят люди, которые и создают шаг за шагом ставшую нам привычной цифровую вселенную. Всё это приводит к тому, что с разных сторон одного клика на платформе находятся миллионы долларов Дж. Безоса и центы рабочего, например, из Кении.

Микрозанятость: история вопроса и современность

Ни микрозанятость, ни выполнение микрозадач не являются новыми для сферы труда и экономики. Одной из предпосылок их возникновения стала система сдельной оплаты труда, известная человечеству с древнейших времён. В современных государствах сдельная оплата труда предполагает в том числе и социальные гарантии, связанные с минимальной оплатой труда и рядом других прав. В этом отношении трудовая деятельность, которую анализирует Джонс, обладает совершенно иными характеристиками, а потому требует трансформации понятийного аппарата. Микрозанятость, или субзанятость, для Джонса — это работа, которая носит временный, случайный и условный характер, связана с большим объёмом неоплачиваемого труда, неполной занятостью, способствует повышению уровня бедности (при наличии работы) и чаще всего не гарантирует лучшую жизнь и возможность удовлетворения базовых потребностей (даже в сравнении с ситуацией безработицы).

Субъектов этих современных форм трудовых отношений (тех самых «цифровых сдельщиков» и их нанимателей), по мнению Джонса, не следует рассматривать в традиционных терминах — как работодателя и работника. Платформы, на которых наёмные работники пытаются найти себе работу, предлагают геймифицированный труд, поэтому их следует называть даже не фрилансерами, а игроками⁵. Гибкость труда в цифровую эпоху с точки зрения доступа к занятости, подвижных временных рамок и проч. фактически оборачивается неопределённостью и неустойчивостью для многих людей. Несмотря на то что в течение дня на подобных платформах можно выполнять задания сразу для нескольких компаний, в действительности игроки колеблются между состоянием занятости, которая не может быть гарантирована, и безработицей.

Количество подобных игроков существенно возросло по причине технологического роста, с одной стороны, и финансового кризиса начала XXI века, с другой. Задачи, предлагаемые платформами, в

⁵ Отметим, что из-за названия сервиса компании Amazon («Механический турок») таких сотрудников часто называют «турки», что, естественно, не связано с их национальностью, но указывает на специфику их работы и уровень выполняемых задач.

основном не требуют высокого уровня квалификации и связаны с обработкой информации (например, расшифровка аудиозаписей, распознавание изображений). Подобная работа может иметь следующее задание: «Укажите все мосты на картинках», — и ему подобные. Важно отметить, что доступ к таким платформам ограничен и требует регистрации или даже получения персонального приглашения. Сегодня эти системы распространены по всему миру, а значительное количество игроков проживает в США, Индии и других странах.

Положение людей в сфере микрозанятости, по мнению Джонса, можно сравнить с образами XIX века, описанными ещё Карлом Марксом: подобно резервной армии труда промышленной эпохи современные рабочие «толпятся» на платформах, дающих возможность заработать пару центов, словно десятки мужчин у ворот фабрики или мастерской.

Вопреки современному характеру тематики Джонс не раз подчёркивает, что проблема не нова, связана с общим историческим движением труда и лишь демонстрирует некоторую цикличность этого процесса. Технологии всегда вытесняли людей из трудовой сферы, тем не менее в исторической перспективе мы сталкивались с возникновением новых рабочих мест. В 1970-е гг. ситуация изменилась, поскольку в отличие от парового двигателя или электричества цифровые технологии являются во многом универсальными и сокращают количество рабочих мест в разных сферах трудовой деятельности. При этом ряд исследователей (например, Р. Солоу) отмечают: особенность цифровых технологий заключается в том, что они не обеспечивают такой же рост производительности, как технологии прошлого, но, скорее, демонстрируют даже её снижение [Solow 1987].

Микрозанятость превращает деятельность рабочих в услугу. Несмотря на то что часто эту дистанционную и доступную трудовую деятельность считают благом для всех сторон общественных отношений, последствия такой трансформации являются положительными, скорее, для работодателя, нежели для наёмных работников. Компании не только снижают налоговую нагрузку, поскольку отсутствует официальное оформление на рабочее место со всеми вытекающими отсюда гарантиями в виде отпуска, больничного и другими выплатами социального характера, но даже заработная плата не должна в этом случае соответствовать минимальным стандартам.

Более того, чаще всего микрозадачи выдаются на ограниченное время, которое не всегда соответствует реально необходимому, потому и не существует гарантии оплаты для работника. Геймифицированный характер трудовой деятельности призван стереть границу между работой и игрой. Несмотря на схожесть описания специфики труда Джонсом с концепцией прекариата Гая Стэндинга [Стэндинг 2020], автор рецензируемой книги считает, что использование терминов «субзанятость» или «микрозанятость» позволяет объединить все новые формы трудовой деятельности в современном мире. Хотя Джонс рассматривает преимущественно жителей Глобального Юга, он подчёркивает, что схожие сюжеты всё чаще будут разворачиваться и в развитых странах. Сегодня отличие в том, что для представителей развивающихся стран эта деятельность может быть единственно доступной формой труда, в то время как в развитых странах она иногда становится дополнительным источником дохода. Тем не менее уже сейчас в некоторых странах Европы требования к безработным (обязательная явка, проверка всех вакансий и проч.) часто создают ситуацию, когда становится невозможным найти работу, обеспечивающую даже базовые потребности. Более того, в современном мире некоторая часть труда не предполагает оплаты в принципе (например, стажировка, на которую люди идут в надежде в дальнейшем получить рабочее место), но продолжает приносить прибыль корпорациям.

Внедрение и широкое распространение новых форм деятельности приводит к ряду негативных последствий, анализу которых Джонс посвящает значительную часть своей работы. Подобный вид деятельности для работников связан, во-первых, с отсутствием гарантий не только на оплату, но и на труд:

поиск работы может занимать большую часть дня из-за высокого спроса на микрозадачи. Аналогичным образом работают и многие компании, агрегирующие курьеров. Постепенно распространяются системы, не определяющие заранее доступ к работе (например, список доставок на день), а генерирующие его в течение дня путём появления уведомлений о новом заказе и возможности его принять или отклонить в текущем моменте. Более того, курьеры и водители часто подвергаются контролю через систему распознавания лиц (например, при подтверждении доставки или идентификации), и в данном случае простое изменение внешности (например, отсутствие бороды) может лишить их работы на некоторое время, поскольку распознаванием обычно занимаются технологии искусственного интеллекта, а контролирует их небольшое количество менеджеров.

В России подобные сервисы с недавнего времени стали использовать новый способ налогообложения физических лиц — налог на профессиональный доход («самозанятость»), который также предполагает обязательства и гарантии лишь в рамках договора, не являющегося трудовым. Поскольку самозанятые не имеют права (в силу отсутствия выплат в фонд социального страхования) претендовать на больничные и другие выплаты, их положение также характеризуется нестабильностью.

Во-вторых, верным спутником игрока на платформе становится отчуждение. По мнению Джонса, оно существенно превосходит отчуждение периода промышленного капитализма, поскольку сегодня, помимо того что и прежде рабочий не понимал ни степени эксплуатации, ни конечной цели и масштаба своей работы, возникает ещё и ситуация полного непонимания деятельности: одной из особенностей цифровых объектов является невозможность человека себя с ними соотносить, чего не случается при работе с конкретными материальными объектами.

Наконец, деятельность сотрудников, выполняющих микрозадачи, сопряжена с рядом негативных психологических последствий. Кроме ситуации неопределённости, которая сама по себе вредит моральному состоянию человека, деятельность сотрудников таких сервисов, как «Механический турок», приводит к психологической напряжённости. Именно реальные люди являются частью систем модерации, а потому вынуждены просматривать большое количество разнообразного контента, включающего сцены насилия, жестоких убийств, детской порнографии и им подобного.

Конечно, микрозанятость имеет и свои плюсы. Как минимум, она даёт возможность получить хотя бы какой-то доход. По сравнению с другими видами деятельности (например, по переработке опасных отходов) она может быть также более безопасной для физического здоровья наёмных работников. Тем не менее в самом общем виде подобные формы занятости становятся «ловушкой бедности», из которой таким образом не выбраться.

Возможен ли протест в эпоху капитализма платформ?

Решением проблем незащищённости труда в прошлом выступали профсоюзы и другие организации по защите прав рабочих, поэтому Джонс задаёт очевидный вопрос: могут ли они вновь выйти на защиту прав и гарантий работника? Прогнозы автора книги на этот счёт не оптимистичны: рабочий сегодня не способен потревожить капитал. Ряд факторов делают борьбу фактически невозможной.

Во-первых, затруднением для интеграции работников становится глобальный характер трудовой деятельности, подразумевающий географическую разобщённость. Казалось бы, социальные сети и Интернет способны выступить новым средством для взаимодействия, нивелировав негативные последствия глобального разделения труда. Но платформы сознательно конструируются так, чтобы не давать работникам возможности взаимодействовать.

Следовательно, то есть во-вторых, сама архитектура платформ, сами технологии не допускают протеста. Они заменяют тело сотрудника на атомизированный аватар, который не может взаимодействовать с другими работниками. Соглашение о неразглашении вынуждает пользователя избегать обсуждений в Интернете, а несоблюдение такого соглашения может привести к блокировке аккаунта. Тем не менее в Интернете существуют форумы для сотрудников того же «Механического турка», однако в силу огромного количества участников и их социально-демографических различий⁶ процесс коммуникации сводится в основном к обсуждению прибыльных задач.

В-третьих, высокий уровень безработицы в мире, достигающий более 20%, например, в некоторых странах Южной Африки, заставляет людей держаться за любой вид деятельности, приносящий хотя бы какой-то минимальный доход.

В-четвертых, микрозанятость часто осуществляется в трущобах, тюрьмах, на территориях, где идут военные действия, что становится препятствием для деятельности организаций по защите прав.

Важно также отметить, что характеристики новых форм труда таковы, что этот труд частично выходит из-под контроля государства. Отход от государственного регулирования в том числе становится фактором уязвимости и незащищённости наёмных работников, а также невозможности отстаивать свои права. В исторической ретроспективе новые формы трудовой деятельности аналогично современным не сразу становились предметом правового регулирования. Но специфика современной ситуации в том, что новые технологии появляются быстрее, чем в предыдущие исторические периоды, особенности их функционирования уже не так легко понять неспециалистам (например, для осмысления работы нейронных сетей требуются, как минимум, знания из области математики, кибернетики и биологии).

Всё это привело к тому, что протест возможен только в отдельных частях света, но не принимает глобальный масштаб и не сказывается серьёзно на положении работников и возможностях техногигантов. В пятой главе книги Джонс анализирует забастовки 2020 г. курьеров и водителей такси в отдельных городах (Лондон, Кейптаун, Мумбаи, Париж и др.), но даже и в этом случае автор заключает, что «людям не бывать», поскольку слишком рассредоточенными и легко заменяемыми являются сегодня сотрудники.

Противостоять несправедливости, по мнению автора рецензируемой книги, можно при помощи иных достижений прошлого. Прежде всего, необходимо создание организаций, которые могут способствовать защите прав, с одной стороны, безработных, а с другой — людей, не имеющих стабильных форм заработка. Нужны не только центры мобилизации, помощи и поддержки, но и глобальные ассоциации, которые смогут объединять людей из разных стран и регионов мира. Ещё одним важным шагом для решения существующих проблем и защиты человечества от потенциальных угроз должно стать формирование конкретных требований образа будущего, что позволит двигаться в определённом направлении. В связи с этим автор приходит к мысли о необходимости формулирования новой утопии, которая станет ориентиром для человечества.

Контуры новой утопии

Современные общества, по мнению Джонса, включены в глобальный проект цифровой трансформации и находятся под влиянием образа будущего, создающегося технологическими гигантами современности. По мнению автора рецензируемой книги, проект подобной цифровой утопии приведёт к радикальной атомизации индивидов, разрыву социальных связей, тотальному контролю и все большей

⁶ Всё чаще в последние несколько лет стали выходить работы, посвящённые анализу дискриминации, в том числе по гендерному и расовому признаку в сервисе «Механический турок» [Litman et al. 2020; Silva 2021].

коммерциализации различных сфер общественной жизни. Пандемия лишь усилила эти тенденции, ещё сильнее подталкивая нас к «будущему без прикосновений». Всё это может привести к гибели человечества, поскольку такой проект представляется онтологически сомнительным: поздний капитализм характеризуется постоянным напряжением и конфликтами, а также рисками для жизни и здоровья человека.

Дав характеристику теневой стороне цифровой реальности, Джонс завершает своё исследование иным видением будущего, отличающимся от того, которое предлагают нам владельцы медиакорпораций. Однако заинтересовавшийся практической стороной этого вопроса читатель будет разочарован: инструкцию к новой реальности Джонс не прикладывает, подчёркивая, что это всего лишь контуры и проблемски реальной альтернативы, где у каждого человека есть доступ к медицине, еде, образованию и проч.

Возможность и необходимость построения новой утопии, которую пытается очертить Джонс своему читателю, сопряжены с обратной стороной капитализма — потенциальной экологической катастрофой и угрозами существованию человечества. По мнению автора книги, изменения климата и пандемия ещё раз продемонстрировали, насколько ограниченной является капиталистическая система. Исследователь, в отличие от «цифровых луддитов», не призывает нас отказаться от современных технологий, но лишь поставить их на благо всего общества, а не отдельных социальных групп. Труд должен распределяться равномерно и вне зависимости от пола, а любая работа должна стать приятной и увлекательной (здесь нам на помощь должна прийти геймификация). Разнообразный труд, а также короткий рабочий день⁷ сделают размытой границу между работой, искусством и игрой. Перефразируя историка Э. П. Томпсона, Джонс утверждает, что этот новый мир не появится сам, как солнце, в определённое время, это необходимо сделать человечеству самостоятельно.

Заключение

Рецензируемая книга представляет собой интересную попытку выйти за пределы перспективы технологического оптимизма в анализе социальных процессов. Тем не менее нельзя не отметить избирательный характер рассмотрения автором труда в эпоху капитализма платформ. Претендуя на системный анализ особенностей трудовых отношений в современных обществах, Джонс фактически концентрирует своё внимание на изучении того вида деятельности, который реализован на платформах, подобных сервису «Механический турок». При этом автор книги не рассматривает социальное неравенство внутри этих систем, лишь подчёркивая в общем виде несправедливый характер возникающих трудовых отношений, в том числе в контексте оплаты труда, гарантий и безопасности работников. Проект «новой утопии» для решения проблем цифровизации труда, предложенный Джонсом, также сложно назвать применимым: общие контуры ставят вопросы и требуют многочисленных дополнительных исследований.

Несмотря на тот факт, что в работе действительно демонстрируется обратная и весьма неприглядная сторона цифровой реальности, за кадром остаётся значительная часть населения, не включённая в новую цифровую жизнь и соответствующую ей трудовую среду. Доступ к Интернету в глобальном масштабе имеют по-прежнему далеко не все. По данным на 2021 г., глобальный Интернет доступен только 65,6% населения планеты [World Internet Usage... 2021]. При этом, если в Европе в среднем речь идёт о доступе 88,2% населения, то в африканских странах — о 43,2% [World Internet Usage... 2021]. Ещё одним ограничением для значительной части человечества становится уровень цифровой грамотности, существенно различающийся не только между странами, но и внутри отдельных государств по территориальному и гендерному признакам, по возрасту и другим критериям.

⁷ Отметим, что в центре «Автономия», в котором работает автор книги, длительность рабочего времени ограничена 35 часами в неделю.

Поскольку книга вышла только в октябре 2021 г., нельзя сказать, что вокруг неё развернулась широкая дискуссия в академическом сообществе. Тем не менее ещё до того, как мы открываем книгу, нас встречают положительные отзывы современных исследователей, среди которых и Ник Срничек. Читатели, успевшие поделиться своим мнением о книге в Интернете, разделились на две группы: одни подчёркивают новизну перспективы автора, отмечают веру Джонса в лучшее будущее, которое мы можем создать сами, и благодарят его за публикацию. Другие критикуют публицистический стиль изложения и утопическое мышление автора, требуют большего количества ссылок на эмпирические данные и отмечают, что столь серьёзную тему сложно рассмотреть в книге, объём которой не доходит до 150 страниц.

В то же время нельзя не подчеркнуть, что книгу Джонса отличают не только небольшой объём, простота изложения, обоснованность ряда выводов, но и актуальность идей и их новизна (что, вероятно, и есть самое важное её достоинство). Автор фиксирует новые грани трансформации труда в современном мире, указывая на реальные и потенциальные риски для обществ и отдельных социальных групп. Книга позволяет расширить представление о цифровизации и её социальных последствиях в трудовой сфере, иначе взглянуть на возможные проблемы и задуматься о способах их решения.

Таким образом, Джонс не фиксирует, насколько комплексной сегодня является проблема трансформации труда в условиях цифровизации. Не учитывает автор и взаимосвязи между различными формами социального неравенства, которые, накладываясь друг на друга, делают положение наёмных работников ещё более сложным, порождают социальную поляризацию и ведут к социальной напряжённости и конфликтам. Важно отметить, что сегодня работы по данной теме чаще всего носят подобный фрагментарный характер и не выходят на достаточный уровень обобщения, не является исключением и работа Джонса. Тем не менее, на наш взгляд, рецензируемая книга может быть рекомендована всем, кто интересуется проблемами труда в современном мире, поскольку представляет собой ещё один ценный кусочек мозаики с изображением реальной картины социальной реальности, а не её цифровой ширмы.

Литература

- Вершинина И. А., Лядова А. В. 2020. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 20 (4): 977–984. doi: [10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984)
- Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. 2021. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 171–192. doi: [10.14515/monitoring.2021.1.1807](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807)
- Срничек Н. 2019. *Капитализм платформ*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Стэндинг Г. 2020. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем.
- Dijk J. van. 2020. *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press.
- Hargittai E., Shaw A. 2020. Comparing Internet Experiences and Prosociality in Amazon Mechanical Turk and Population-Based Survey Samples. *Socius*. 6: 1–11. doi: [10.1177/2378023119889834](https://doi.org/10.1177/2378023119889834)
- Hassan R. 2020. *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press.

- Jones Ph. 2021. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso.
- Litman L. et al. 2020. The Persistence of Pay Inequality: The Gender Pay Gap in an Anonymous Online Labor Market. *PLoS ONE*. 15 (2): e0229383. doi: [10.1371/journal.pone.0229383](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229383)
- Rifkin J. 1995. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York: Tarcher/Putnam Book.
- Rosenzweig Ch. 2019. Anonymous and Unequal: The Gender Pay Gap on Amazon MTurk. *CloudResearch*. URL: www.cloudresearch.com/resources/research/anonymous-unequal-gender-pay-gap-mturk/
- Silva Ya. 2021. Using Amazon's Mechanical Turk (MTurk) for Modern Survey Experiments: A Review with a Particular Focus on Racial Inequality. *SSRN*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3868474
- Solow R. 1987. We'd Better Watch Out. New York Times Book Review. *New York Times*. July 2: 36. URL: www.standupeconomist.com/pdf/misc/solow-computer-productivity.pdf
- World Internet Usage and Population Statistics. 2021. *Internet World Stats*. URL: www.internetworldstats.com/stats.htm

Tatiana Martynenko

Digital Utopia: Labour in the Age of Artificial Intelligence

Book Review: Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*, London, New York: Verso. 144 p.

MARTYNENKO, Tatiana —

PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Address: 1, b. 33, Leninskie gory, 119234, Moscow, Russian Federation.

Email: ts.martynenko@gmail.com

Abstract

In recent years, we have been hearing more about the growing capabilities of artificial intelligence technologies, which are invisibly but surely being introduced into our lives in all its manifestations. Will these technologies revolutionize work? Can the digital utopia be realized? British researcher Phil Jones tries to answer these and many other questions in his book *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. Jones invites the reader to look at the reverse and very unsightly side of the digital utopia. The focus of the research is microwork, realized in the form of the so-called “human intelligence task” (HIT) or “artificial artificial intelligence” (AAI). The purpose of the book is to show that it is the poorly paid and mentally destructive tasks performed by humans that make our digital lives more convenient and

understandable, and not the functioning of artificial intelligence algorithms. The author analyzes the work of the “Mechanical Turk” service employees and its negative consequences, for example, the lack of guaranteed work and its payment, alienation, and an increasing number of psychological problems.

The review presents the key provisions of the book: it describes the specifics of the MTurk service and the reasons for the author’s interest in this platform. It reveals Jones’s understanding of the term “microwork”, its main characteristics, and features of work, considers the factors that make it difficult to protest in the age of platform capitalism, outlines new utopia, and contains some critical remarks. The conclusion is that Jones’s book can be recommended reading for anyone interested in labour issues in the contemporary world.

Keywords: artificial intelligence; work; Amazon; Mechanical Turk (MTurk); digital utopia; human intelligence task (HIT); artificial artificial intelligence (AAI); microwork.

Acknowledgements

The reported study was funded by Non-commercial Foundation for the Advancement of Science and Education “INTELLECT.”

References

Dijk J. van. (2020) *The Digital Divide*, Cambridge; Medford: Polity Press.

Hargittai E., Shaw A. (2020) Comparing Internet Experiences and Prosociality in Amazon Mechanical Turk and Population-Based Survey Samples. *Socius*, vol. 6, pp. 1–11. doi: 10.1177/2378023119889834

Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*, London: University of Westminster Press.

- Jones Ph. (2021) *Work without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*, London, New York: Verso.
- Litman L., Robinson J., Rosen Z., Rosenzweig C., Waxman J., Bates L. M. (2020) The Persistence of Pay Inequality: The Gender Pay Gap in an Anonymous Online Labor Market. *PLoS ONE*, vol. 15, no 2, art. e0229383. doi: [10.1371/journal.pone.0229383](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229383)
- Martynenko T. S., Dobrinskaya D. E. (2021) Sotsial'noe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 1, pp. 171–192. doi: [10.14515/monitoring.2021.1.1807](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807) (in Russian).
- Rifkin J. (1995) *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*, New York: Tarcher/Putnam Book.
- Rosenzweig Ch. (2019) Anonymous and Unequal: The Gender Pay Gap on Amazon MTurk. *CloudResearch*. Available at: www.cloudresearch.com/resources/research/anonymous-unequal-gender-pay-gap-mturk/ (accessed 10 December 2021).
- Silva Ya. (2021) Using Amazon's Mechanical Turk (MTurk) For Modern Survey Experiments: A Review with A Particular Focus on Racial Inequality. *SSRN*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3868474 (accessed 15 December 2021).
- Solow R. (1987) We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review*. *New York Times*. July 12, p. 36. Available at: www.standupeconomist.com/pdf/misc/solow-computer-productivity.pdf (accessed 23 December 2021).
- Srnichek N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Standing G. (2020) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Vershinina I. A., Liadova A. V. (2020) Dannye v tsifrovom mire: novye vozmozhnosti ili dopolnitel'nye riski [Data in the Digital World: New Opportunities or Additional Risks?]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 20, no 4, pp. 977–984. doi: [10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984) (in Russian).
- World Internet Usage and Population Statistics. (2021) *Internet World Stats*. Available at: www.internetworldstats.com/stats.htm (accessed 27 December 2021).

Received: January 16, 2022

Citation: Martynenko T. (2022) Tsifrovaya utopiya: trud v epokhu iskusstvennogo intellekta (Digital Utopia: Labour in the Age of Artificial Intelligence. Book Review: Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*, London; New York: Verso. 144 p.). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 129–140. Doi: [10.17323/1726-3247-2022-2-129-140](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-129-140) (in Russian).

INTERVIEWS

Interview with Samantha King

Medicinal Capitalism: Beyond Cancer, Health, Pain and Meat

Interviewed by Elena Berdysheva

January 10, 2022

KING, Samantha—
Professor, Queen's
University School of
Kinesiology and Health
Studies. Address: School
of Kinesiology and
Health Studies, Queen's
University SKHS Building
28 Division Street,
Canada K7L 3N6.

Email: kingsj@queensu.ca

Abstract

The interview with professor Samantha King, the author of the famous *Pink Ribbons, Inc: Breast Cancer and the Politics of Philanthropy* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006), reveals her current studies within the field of cultural politics of health, sport and the body. Samantha introduces her research group in Queen's University that critically looks at the healthification of market and political processes when social control, inequality and power asymmetry are pursued under the super value of health. She describes how her team uses the genealogical method by M. Foucault to reconstruct the dynamics of historical, ideological, economic, social agendas that shape local judgments about fruitful cultural frames for corporate charity, medicalized performance in professional sport, and painkiller use by people from different social classes. King's Group studies criticize discourses about individual responsibility and good citizenship as those that may welcome getting pills into bodies instead of transforming the economic and social contexts out of which the disease arises. In the interview, Samantha traces the changes in anti-cancer philanthropy in recent years, comments on the political struggles behind the COVID-19 pandemic and points to the hidden layers of the protein supplements market challenged by the post-humanistic ban on eating animals, emerging laboratory-meat supply, and ecological concern. The interview with Samantha King as well as her scientific articles will be useful for those who reflect on the incorporation of the human body and subjectivity into capitalistic production in different geopolitical realms.

Keywords: charity; power; marketization; drugs; proteins; cultural politics; consumption.

— *How have you arrived to the field of cultural politics of health, sport and the body?*

— I was a competitive tennis player and coach as a young person and figured that after university I would go into public leisure provision or recreation management. So, I enrolled in a joint degree in Sport and Exercise Science and Sociology at the University of Birmingham in England, where I grew up. Honestly, I did not think much about the curriculum before I arrived. I thought I would learn about topics such as social inequality and group dynamics, but that I would be doing so apolitically, at a safe, objective distance. I had no idea that I would land

in the ideological opposite to the household I had grown up in, the epicenter of the New Left and Cultural Studies in the UK at that time. It was the late 1980s, Margaret Thatcher was in power, and critiques of racism and sexism in national English culture were central to what we were taught. The approach in both the sport and sociology programs was interdisciplinary and shapes my research to this day, as I work across feminist, queer, and critical race studies to explore what I call the “embodied dimensions of consumer culture,” whether that be through studies of breast cancer fundraising, food politics, pain and painkilling, or protein.

The training I got at Birmingham pushed me to engage politically with the contemporary world, to make connections, analyze conjunctures, and engage in what Cultural Studies scholars call “radical contextualism” [Davis 2019]. That is my primary method. To ask “what’s going on here?” and to try to represent the contingency and messiness of that reality as thoroughly as possible. Thus, while my thinking is certainly shaped by what I read, I never will be a scholar whose projects are motivated directly by problems or gaps in the academic literature. Instead, my questions emerge from the world as I observe it, whether that be stores selling frying pans adorned with pink ribbons as a symbol of breast cancer awareness, celebrity overdoses from prescriptions drugs, or incessant “protein talk” at my local gym—all of which were prompts for recent projects. The goal is then to try to figure out how these phenomena arise, what relations of power they express, and with what effects. Thus, while my interests fall under the broad categories of “sport,” “health” and “the body,” my goal is to always connect specific sites of study to the historical and social conditions out of which they emerge and that they in turn reconfigure.

— *You lead a research group in the School of Kinesiology and Health Studies in Queen’s University and the research interests of your young colleagues are quite diverse. What binds all the members of King Research Group¹ together?*

— I would say first and foremost that we are an interdisciplinary group who share an interest in research on the body broadly defined. I have never had a disciplinary experience and I do not know how to do strict disciplinary work and that tends to be true for my students as well. Initially students come to my research group because they are drawn to theoretically-informed, critical, qualitative research, but the specifics of their projects often change quite dramatically and I love it when that happens! The goal is for them to leave the program with broad training across a range of theoretical and methodological traditions rather than with a specific commitment to one theory or method that will work for all times and all places. In general, graduate education in Canada has become highly specialized. You are expected to be a narrow expert. In our research group we try to do something different.

— *This year marks the 16th anniversary of the publication of your first book, “Pink Ribbons, Inc: Breast Cancer and the Politics of Philanthropy” (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006). There you have demonstrated that the rise of philanthropy targeted at breast cancer has contributed to the disease’s evolution from a political issue to a marketing brand. Has philanthrocapitalism transformed between 2006 and 2022? Has your critique on breast cancer associated marketing brought any practical consequences?*

— Breast cancer-related philanthropy and marketing is less popular than it once was, and the book and the movie that followed certainly played a part.

When I first started my research in 1998, I thought pink ribbon marketing was a fad that would soon diminish, like a one-hit wonder. I could not imagine that it would continue to grow and evolve in the ways it did. I was living in the U.S.A at the time, and the range of goods you could buy adorned with a pink ribbon seemed endless. From toilet paper and toothbrushes, to fuel and handguns. The gun was named after Julie Goloski, a gun rights activist and author of books such as “Shooting While Pregnant.” Like other breast cancer merchandise,

¹ <https://skhs.queensu.ca/king-research-group/>

it was sold with the promise that a portion of the proceeds would go to a breast cancer charity. While critics quickly seized upon the “save lives by taking lives” logic of the weapon, it was slightly less shocking to me given the preponderance of carcinogenic cosmetics and household cleaning products on sale with a breast cancer theme.

By the time the film was released in 2011, however, there was already more public skepticism. Every October, which is officially designated as Breast Cancer Awareness Month in many parts of the world, I would do a lot of media interviews and found that a growing number of journalists were interested in a more critical perspective on corporate philanthropy and breast cancer marketing, especially given the number of carcinogenic products being sold with a breast cancer theme. And then in February 2012, the Susan G. Komen’s Breast Cancer Foundation, which was the largest private funder of breast cancer research in the United States, made a decision under pressure from right wing activists to withhold funding from a women’s health care provider that also happened to perform abortions. The backlash among former supporters was devastating for the foundation and became a business school case study in “how to ruin your brand in 24 hours”. The outcry was particularly strong on social media, which was only just beginning to emerge as a site for mobilization and activism. This scandal coincided with the release of the Pink Ribbons, Inc. documentary.² The film was based on the results of my study and had a relatively wide release for a North American documentary, showing in theaters and at film festivals throughout the world. So the combination of these two things—the scandal and the release of the film—certainly tarnished the breast cancer brand.

Breast cancer marketing and fundraising have been undermined by a number of other forces too: the increasingly cut-throat competitiveness of the charitable sector, the rising cost of living following the 2008 financial crisis, growing skepticism about charitable giving, especially among the young, and persistent anti-corporate activism. It just does not have the strength that it had a decade ago. This downturn has meant that charities devoted to specific cancers—prostate, breast, lung etc.—are struggling to survive on their own. Here, the Canadian Cancer Society has been buying up smaller charities to form one large foundation.

The larger system of philanthrocapitalism is harder to change because it is completely embedded in the contemporary global marketplace, providing righteous ideological cover for profit generation and accumulation on the part of large corporations and wealthy individuals. And while pink ribbon products might not have the marketing power they once did, the insatiable production and consumption of (often carcinogenic) products that were formerly sold with a breast cancer theme continues, with or without pink ribbon marketing.

— *Do you expect the shift of cancer culture core from breast cancer to the lung cancer, considering the ecological agenda, the struggle with tobacco smoking in developed countries?*

— Prior to the 1980s, lung cancer and breast cancer were both highly stigmatized, but not in exactly the same way. While there was some victim blaming with breast cancer, it was not to the same extent we saw and still see with lung cancer, where there is an assumption that the patient must have been a smoker and is therefore responsible for their illness. Both the environmental and corporate breast cancer movements contributed to its destigmatization, but lung cancer just hasn’t attracted the same kind of organizing, even though it kills more Canadians and Americans each year. It is just not on the public radar, at least in Canada. And when it does get discussed, it doesn’t tend to provoke discussions around environmental problems and socially produced toxins, in cigarettes or elsewhere. Put bluntly: lung cancer is a “less sexy” disease.

— *When I ask Russians about the reasons of cancer in the in-depth interviews, they often refer to smoking and explain this knowledge with the warnings they see on the cigarette packs. Your use of healthification term*

² <https://www.imdb.com/title/tt2035599/>

sounds to critic marketization. However, sometimes FMCG markets seem to engage individuals into their own health, while institutional structures of public health are at the start with preventive healthcare.

— My use of “healthification” draws on the work of sociologist Robert Crawford on healthism [2006], and the work of sociologist and psychiatrist Jonathan Metzl on healthy as morality [2010]. They have helped me understand how health has become a moralizing “super value” and the basis for a whole array of normalizing judgments, hierarchies and assumptions in neoliberal societies. Crawford’s argument is not just that self-responsibility for health has become a sign of a good citizenship under neoliberalism—and poor health a sign of moral failure—but that health has been central to the development of this mode of governing; it has been a key vehicle through which neoliberalism penetrated the social world and induced individuals to understand themselves as in control of their own destinies. As health has become increasingly moralized, privatized, and individualized, it becomes the answer to more and more “problems”. In other words, health turns out to be a very malleable signifier that can be articulated to any number of political projects and this is why it’s very popular among philanthropists seeking to grow their target markets.

I do not see healthification as inherently a bad thing. Health is contextual and mutable and it can be articulated to a variety of material and ideological projects, progressive and regressive. But we should be aware that it is not an unquestionable good. We often just assume we know what we mean by “health,” and that it can do no wrong, but we need to look at how it is operating and playing out in people’s lives, for better or for worse.

— *Since Bill and Melinda Gates’ Fund has invested both in FMCG markets with healthified marketing and in World Health Organization, we may suspect that the definitions and measures of health that WHO promotes all over the world primarily refers to market concept of control rather than goals of social development. Following global standards of health developed states elaborate corporate interests. How do you define health, for your studies?*

— I try to avoid defining it. I value the WHO’s definition for its multidimensionality, but I prefer to ask what health means in particular contexts. As you note, health can be just as easily attached to market doctrines as it can to social development. COVID 19 is a great example of the contingent meanings of health and why definitions matter. In Canada, the pandemic has fueled society-wide discussions about what health is, what it could mean, and for whom. People are asking: What does it mean for a society to “live with COVID”? Whose health is protected by which public health measures? What are the unforeseen health consequences of particular policies? What political pressures are at work in defining health in this way or that? We have very high rate of vaccinated people in Canada, about 84% of all Canadians have received a first dose. At the same time there a lot of people are still sick and dying. At the level of public health communication there is little room to talk about the possibility of a “zero-COVID” strategy (the containment and suppression of the virus so that it stops its reproducing), or the futility of relying solely on vaccination to end the pandemic. We also need to be able to discuss the legitimate concerns that people have about big pharma and the kind of profit they make, about their lack of public accountability, and how we have the opportunity to change that. All of this suggests to me that the meaning of health is a site of ongoing political struggle and not easily resolved.

— *I know that National Breast Cancer Awareness Month is annually supported by the National Football League. October games are designated as NFL Breast Cancer Awareness games. You studied both breast cancer movements and National Football League (NFL) [King et al. 2014]. And once it led you to the problem of painkillers misuse and opioid crises in Canada...*

— Yes, I have been writing about the NFL—the major professional American football league—for some time. It’s the one part of my research that is still focused on sport! I first wrote about the league in relation to their longstanding breast cancer campaign. I wanted to show how they use pink ribbon marketing, which draws

upon and speaks to a very particular white, middle-class femininity, to manage racist anxieties surrounding the reputation of the league and its predominantly black and working-class workforce. The full-contact nature of the sport, and the toll it takes on players bodies, led me to investigate how painkillers fit into this picture. I argue that the NFL players are preordained for injury and that prescription painkillers function to ensure a steady supply of labour in this brutal environment, even as the same drugs are banned for use by players outside the locker room.

In my work, I refuse the binary between licit and illicit drugs or legitimate pain and illegitimate pain because these are socially-produced categories that don't hold up in reality. One person's prescribed morphine is another person's street heroin. The ingredients are the same, but one is socially sanctioned and the other isn't.

I am interested in the systematic mechanisms, the race, class and gender norms, that produce different categorizations of drugs and different kinds of pain. How do we have an expensive, punitive, racist "war on drugs" on the one hand, and the idea that access to pharmaceuticals is a part of a good, white middle-class life on the other? Whose pain counts as worthy of painkillers? What kinds of pain (physical, emotional, social) is understood as worthy of painkilling?

The early era of the opioid crisis in Canada and the U.S.A, in the early 2000s, was generated by corporate greed and corruption and the overproduction and over-prescription of pain medication. Opioid prescription is now more regulated but many people are now dependent and because official supply has been curtailed, rely on illicitly produced fentanyl, which is often highly toxic. There were 20 thousand opioid deaths in Canada between 2016–2020 and life expectancy has stopped improving as a result. Activists call this the "drug poisoning crisis" and have been pushing for government-funded "safe supply" to stop what amounts to a massacre.

— *Your current research project, with Dr. Gavin Weedon (Nottingham Trent University), explores protein culture and the place of protein supplements on the multibillion-dollar wellness market.*

—Our book manuscript is titled *Protein: The Unauthorized Biography of an Über Nutrient*, and explores how and why this thing we call protein has emerged as a dietary superstar in the satiated world. Touted as a muscle builder, a weight-loss aid, a salve for exercise recovery, an anti-aging solution, and more, protein has come to be understood as a multi-purpose fix, boasting a "halo effect" brighter and more enduring than any other category of food. What makes its star power especially remarkable is that protein deficiency is extremely rare in the absence of severe hunger and practically non-existent among the consuming classes who are most fixated on their intake. This is the tension that propels our analysis.

Drawing on a range of sites—from nutritional science and exercise physiology to supplement manufacture and fitness culture—we argue that protein is best understood not as a basic biological substance or neutral nutritional category but a powerful, shape-shifting multispecies agent that performs all manner of social, economic and ecological work. We trace the range of foods that have come to occupy the role of protein over time, alongside the problems that protein has been mobilized to solve, including constraints on capitalist expansion, military weakness, population hunger, food waste, and obesity.

In one chapter, we recount the story of whey protein powder, which has an interesting history as a toxic by-product of the dairy industry that has been reformulated into the most popular form of protein supplement on the market. Here we show that despite its transition from troublesome waste to health elixir, whey's environmental traces never disappear as it moves across through animal and human bodies and out into wastewater because we consume more protein than our bodies can use. This is not a project about meat. Then, but rather the work performed by a dynamic category of foodstuff we call "protein," of which meat is a fetishized but fraught component. As we discuss in the manuscript, even the explosion of discourse on the development of

lab-grown, plant-based meat in the context of climate change leaves the category of “protein” unproblematic.

In thinking about nutrition through a multispecies, relational frame, this research builds on the work my co-authors and I undertook in *Messy Eating: Conversations on Animals as Food* [King et al. 2019], for which we interviewed scholars working under the broad rubric of animal and posthuman studies about their approach to consuming animals as food. Haunting both books is the figure of the nutricentric, ecological subject whose relationship to food is governed, on the one hand, by a reductive focus on biochemical criteria rather than taste and experience, and on the other, by an ethical imperative to manage the climate crisis through what they consume. We hope to complete *Protein* this year.

After that, I’m not sure where my interests will take me. For the last two years I have been teaching an undergraduate course on the politics of COVID-19. In it we discuss how COVID has exposed the ravages of neoliberalism on our health care system, our labour force, and our social fabric. But we also follow more hopeful lines of inquiry about the pandemic as an opportunity to understand what it means to “live in good relation” to the natural world, to one another, and to ourselves. What kinds of embodiments are possible in a post-pandemic world?

References

- Crawford R. (2006) Health as a Meaningful Social Practice. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness, and Medicine*, vol. 10, no 4, pp. 401–420. Available at: <https://doi.org/10.1177/1363459306067310> (accessed 14 March 2022)
- Davis A. (2019) Failure is Always an Option: The Necessity, Promise and Peril of Radical Contextualism. *Cultural Studies*, vol. 33, no 1, pp. 46–56. Available at: <https://doi.org/10.1080/09502386.2018.1544264> (accessed 14 March 2022)
- King S., Carey R. S., Jinnah N., Millington R., Phillipson A., Prouse C., Ventresca M. (2014) When is a Drug not a Drug? Brett Favre, Prescription Painkillers, and the National Football League. *Sociology of Sport Journal*, no 31, pp. 249–266. Available at: <https://doi.org/10.1123/ssj.2012-0185> (accessed 14 March 2022)
- King S., Carey R. S., MacQuarrie I., Millious V. N., Power E. M. (eds). (2019) *Messy Eating: Conversations on Animals as Food*, New York: Fordham University Press.
- Metzl J. M. (2010) Introduction: Why ‘Against Health?’ *Against Health: How Health Became the New Morality* (eds. J. M. Metzl, A. Kirkland), New York: New York University Press.

Received: February 7, 2022

Citation: Interview with Samantha King (2022) Medicinal Capitalism: Beyond Cancer, Health, Pain and Meat. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 141–146. Doi: [10.17323/1726-3247-2022-2-141-146](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-141-146) (in English).

PROFESSIONAL REVIEWS

Kseniia Adamovich

Conceptual Approaches to the Study of Spatial Inequality: The Case of Russian Education

ADAMOVICH,
Kseniia A. — Ph.D.
student, Research Fellow,
International Laboratory for
Evaluation of Practices and
Innovations in Education,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow, Russian
Federation.

Email: kadamovich@hse.ru

Abstract

In Russia, the sheer size of the country and the diversity of its socio-demographic and economic contexts are factors that greatly shape educational outcomes and student opportunities. Current research on the spatial context of educational inequality is insufficient. There is a risk of underestimation of importance of spatial differences and the challenges they create for researchers and policymakers in the field of education. The purpose of this work is to analyze the existing conceptual approaches to the study of spatial inequality in Russian education.

This paper present two conceptual approaches to understanding spatial inequality, and, respectively, two different answers to the question of whether socio-economic differences between territories is the main factor in educational inequality. Much of the existing research on educational inequality in Russia follows the spirit, if not the letter, of “geography of opportunity,” in which spatial inequality is the geographic dimension of social segregation. This approach implies that due to the historically uneven distribution of economic capital in space, geography is becoming a significant factor that limits students’ opportunities in terms of access to educational resources, choice of trajectory and educational achievement. However, this does not take into account the more complex social hierarchy of space, which is described in the works of Bourdieu and his followers. This second approach opens up prospects for studying the symbolic status of space, as well as the spatial capital of individuals, organizations, and the territories themselves.

The approaches described in this article introduce new opportunities for educational researchers and pose a number of challenges for educational policy in Russia. This paper also shows the possibilities of operationalizing these concepts for transferring them to the field of education.

Keywords: spatial differences; inequality in education; educational outcomes; educational opportunities; geography of opportunities; spatial capital.

Introduction

One of the specific characteristics of Russia is the diversity of its territorial contexts. These are not only natural and geographical differences, but also social, economic, demographic, and cultural contrasts. The sheer magnitude of diversification may exceed that taken in some cross-country comparison. For example, in 2015, some Russian regions differed in the level of their economic development by 17 times. According to the World Bank report, in terms of GRP per capita in

purchasing power parity, Sakhalin Oblast is comparable to Singapore, Tyumen Oblast and Chukotka—with the UAE and Hong Kong, and Karachay-Cherkessia and Ingushetia—with Myanmar and Honduras [World Bank 2018]. There is also great linguistic diversity, with the share of the Russian-speaking population in different regions varies from 1% to 100% [Smirnova, Smirnov 2010].

Significant spatial differences are also present in Russian education. For example, it has been shown that Russian regions vary significantly in educational infrastructure [Zair-Bek, Belikov, Mertsalova 2016] and families' access to preschool and extra-curricular education [Barinov et al. 2015; Agranovich 2017]. In addition, due to the system of state subsidies in effect in some regions (for instance, in the North), the disparity in teachers' salaries and the volume of school per capita funding can reach several times [Derkachev 2014; Abankina et al. 2016]. Finally, spatial inequality is also observed in the students' academic results: for example, in 2015 the average Unified State Exam scores in the Russian language differed by 1.6 times, in mathematics—1.4 times [Zakharov, Adamovich 2020]. The data of the latest cycle of the international research PISA1 indicate that the regional differences in the literacy of students are comparable to 2.4 years of study, in mathematical proficiency—with 1.6 years of study [Adamovich et al. 2019].

In the context of the COVID-19 pandemic, the issue of access to the Internet and digital resources for students became particularly acute. However, this access is also largely determined by the spatial context. The availability and condition of telecommunication infrastructure in Russia varies by region and largely depends on the degree of remoteness of a settlement [Dyatlov, Selischeva 2014]. The cost of Internet access also varies in proportion to the income of the population. So, Moscow residents pay for the Internet on average 1.2% of their income, while the residents of Nizhny Novgorod and Khabarovsk pay for the Internet 6.2% and 18% of their income accordingly [Aleksandrova 2019]. In other words, the cost of access to the Internet, and the quality and speed of Internet connection in the capital and in some regions differ by dozens of times, which makes the intensity of its use incomparable. The resulting digital gap, which has its own spatial structure, reinforces existing socio-economic differences and limits the educational opportunities of students.

However, these and many other studies concern only individual manifestations of spatial inequality and are not supported by a theoretical base or a unified conceptual framework. For example, space can be viewed as a factor in access to education—through transport accessibility or distance [Konstantinovskiy et al. 2006; Abankina, Filatova 2018], or as a factor in educational achievement—through the level of urbanization of the territory [Kuzmina, Tyumeneva 2011; Yastrebov et al. 2013]. On the other hand, some studies of educational inequality do not consider the spatial nature of the analyzed data (for example: [Barinov, Belikov, Polyakova 2016]). Finally, in some works, spatial inequality is reduced to socio-economic inequality, such as differences in the level of urbanization of the territory [Bogdanov, Malik 2020]. At the same time, the development of sociological theories of inequality in other scholarly disciplines that study spatial differences, such as geography and urban studies, may be of particular interest to researchers of inequality in education.

The main purpose of this paper is to analyze the existing conceptual approaches to the study of spatial inequality and identify possible directions for their transfer to the field of education research. This article answers the following research questions: how do existing theoretical approaches address spatial inequality, and how can these approaches be applied to the field of educational research? To answer these questions, we summarized relevant key theoretical works from the field of geography and urban studies and their usage of spatial inequality concepts and operants, in order to use them as a prism through which to further examine current studies in Russian education.

¹ <https://www.oecd.org/pisa/>

This work may be of interest to researchers of education in Russia and in other countries characterized by an expanse of geography, complex administrative-territorial structure and/or territorial variability of the educational system.

Materials and Methods

In sociology, spatial inequality has traditionally been defined as the *unequal distribution of benefits between territories* that has been shaped by historical and natural elements and as a result of political processes [Lefebvre 1972: 188; 1991; Fainstein 2014; Israel, Frenkel 2018].

At the first stage of the study, we carried out an aspect analysis of key theoretical works on spatial inequality using the documentary research methodology by G. McCulloch [2004]. These theoretical studies were examined in terms of the concepts of spatial inequality they use, as well as the possibilities they allow for the operationalization of accompanying indicators that could be used in the assessment of types of educational situations, academic achievements of students and their career trajectories (i. e. in studies focused on inequality in education). The aspects of spatial inequality identified at this stage made it possible to single out two key conceptual approaches to defining and studying spatial inequality that are used in educational research.

The first approach is the concept of the geography of opportunity, introduced by the American geographer and urbanist Edward Soja and further developed by Ruth López-Turley and Nicholas Hillman. In this approach, spatial inequality is viewed as the geographic dimension of social segregation. More broadly, the neo-Marxian geographers used to evaluate spatial inequality as a function of the capitalist mode of production [Castells 1972; Harvey 1973]. Critical geography sees spatial injustice as one of social mechanisms that conceal the asymmetry of power relations in cultural, gender, race, and class cleavages [Soja 2013].

The second approach is the space concept of the French sociologist Pierre Bourdieu, which was further developed in the works of the French school of geographers and urbanists (Jacques Lévy, Michel Lusseault). In the concept of Bourdieu and his followers, spatial inequality is associated with, but not reduced to socio-economic differences, and is considered an independent phenomenon.

At the second stage, we examined some empirical studies that have been carried out using these theoretical frameworks, and have already attempted to transfer their concepts to the sphere of education. These works considerably substantiate our claim for the possibility of such an interdisciplinary transfer. At the third stage we analyzed empirical works based on contemporary data from Russia, and that consider, to a greater or lesser degree, the spatial component as a predictor of students' educational outcomes and their choice of educational trajectory. These works were also considered from the position of the operants they utilized, and their potential for the application of spatial inequality concepts.

Results

The conceptual approaches described in this paper have been formed in parallel on both sides of the Atlantic. Academic dialogue between representatives from different schools, American and French, has been conducted for several decades. In this article, we will omit historical details and chronology for reasons of brevity, and only present the main positions for which significant differences are observed.

Spatial Inequality in Education as a Geographic Dimension of Social Segregation

A seminal work for this conceptual approach is 'Explanation in Geography' by geographer David Harvey [1969]. Harvey draws attention to the geographical nature of inequality and to the fact that historically in

Marxist understanding, economic capital has always been unequally accumulated in space. Moreover, the political and economic system of capitalism could not exist without geographical expansion, spatial reorganization and uneven geographical development [Harvey 1996]. Thus, the present unequal distribution of capital in space, Harvey formulates, is a phenomenon that has its own historical and civilizational origins, and which cannot be overcome at the current stage of development. Moreover, it lays the preconditions for the further growth of spatial segregation [Harvey 2001]. In the modern world, where the main global market economy is competition, such an uneven distribution of capital can increase, and lead not only to socio-economic segregation of individuals, but also to further uneven economic development of territories—both countries and regions within countries.

This approach led to the development of the concept of “geography of opportunities”, in which the inhabitants of some territories take advantage of the accumulated capital, and get more opportunities for further development and augmentation of this capital than the inhabitants of less advantaged territories. However, the mechanisms of this development and capital multiplication can be different.

For example, the American geographer Edward Soja continues Harvey’s line of thinking and views spatial inequality (“spatiality”) as a geographic form of class segregation. However, the change in spatial inequality, according to Soja, is associated with political measures and decisions. On the one hand, the current political measures support the existing segregation of space, since they are adopted within the paradigm of control over existing forms of material life (“competitive struggle to control the forces which shape material life” [Soja 2013: 159]). On the other hand, political decisions made without considering spatial inequality only exacerbate it (for example, opening a university campus, which would reduce unemployment and increase the availability of education in a disadvantaged area, usually takes place in a prestigious area, where there are fewer such problems anyway) [Soja 2013].

Geography often becomes a blind spot not only for politicians, but also for researchers, including in the field of education. This gap was highlighted by Ruth López Turley in her research on the educational trajectories of American students [Turley 2009]. She drew attention to the fact that the traditional approach to the study of predictors of educational trajectory choice does not consider place of residence as a significant characteristic, despite the fact that it determines the student’s access to resources, including educational ones. As such a resource, Turley considers the proximity of college to the student’s place of residence, and identifies two mechanisms by which this can affect the educational opportunities of the student. The first mechanism presumes that college proximity might ease the student’s enrollment in college in terms of logistics, finance and even emotions. The second mechanism has to do with educational aspirations. It is assumed that the territorial accessibility of colleges can increase the school graduates’ predisposition to enrollment [Turley 2009: 127–130].

The idea of the geography of opportunities is also developed in the works of Nicholas Hillman. He uses the example of college infrastructure in the United States to show the inequality of access to education in terms of “deserts” and “oases” [Hillman 2016]. His analysis indicates that “educational deserts” are more common in areas where there are more people of ethnic minorities or lower socio-economic status. As a result, the educational opportunities of students from such “educational deserts” are limited not only by their own capabilities and preferences, but also by the infrastructural barriers of their educational environment. Thus, ignoring the spatial dimensions of educational opportunity leads not only to overlooking some of the underlying origins of inequality, but also to the failure of attempts to provide a detailed explanation of how and why students opt for a certain college [Hillman, Boland 2018].

Researchers using this approach consider the geographical aspects of not only educational trajectories but also the academic results of students. For example, American sociologist Vincent Roscigno examines spatial inequality of performance of US students in terms of the difference in resources available to both students’

families and schools, between inner cities, suburbs and rural areas. Roscigno and his colleagues distinguish primary and secondary effects from living in more developed territories. Firstly, these are direct positive effects of the availability of significant resources, and secondly, these are indirect effects of investment of these resources in children's education [Roscigno, Tomaskovic-Devey, Crowley 2006]. In other words, decisions on investments in children's education depend not only on the available resources, but also on the availability of education, the local labor market, and historically formed ideas about the effectiveness of such investments.

Empirical studies within the framework of this approach were carried out in Russia as well. For example, the type of settlement and the level of urbanization turned out to be significant predictors for the choice of educational trajectories [Francesconi, Slonimczyk, Yurko 2019; Bogdanov, Malik 2020], students' science literacy [Kryst, Kotok, Bodovski 2015], and the Unified State Exam scores [Zakharov, Adamovich 2020]. A more detailed analysis of these and other works in the context of the concepts of spatial inequality is presented in the final section. However, when reading these and other similar studies, the question inevitably arises: how well do indicators such as the level of urbanization and distance (for example, to the regional center [Francesconi, Slonimczyk, Yurko 2019]) account for spatial differences? The papers that utilized a different approach to understanding space, will help to answer this question.

Spatial Capital and the Symbolic Status of Space

The impetus for the development of this approach to understanding spatial inequality was the work of the French sociologist Pierre Bourdieu, who developed the concept of capital and identified such forms as, for example, cultural and social capital [Bourdieu 1984]. It is worth noting that Bourdieu's contributions to the study of spatial differences unfairly received less attention in this area. This is partly due to the fact that the sociospatial concept occupies a relatively small place in his work compared to other concepts.

Thus, Bourdieu describes space not so much through the prism of geography as through its social hierarchy. The position of the individual in this hierarchy is determined not by the social class itself, but by the different capital that an individual possesses. The use of various forms of capital—economic (financial assets and cash income), cultural (education, knowledge, moral and aesthetic values), and social capital (social networks and relationships)—allows a person to receive social benefits [Bourdieu 1984]. Space is also a “field”, a kind of social arena in which these forms of capital are played out.

Interpretation of space in Bourdieu's works is also anthropological in nature. He assumes that space is socially structured in such a way that the most valuable or prestigious resources are located in special zones (in the Russian context, for example, this might be the “red corner” where an icon is placed in a peasant hut). In his work “The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society” [Bourdieu 1999], Bourdieu identifies two interrelated concepts: *site* (physical place, location in space) and *localization* (position, place in the hierarchy):

Site is the point in physical space where an agent or a thing is situated, “takes place,” exists: that is to say, either as a localization or, from a relational viewpoint, as a position, a rank in an order <...> In the most diverse contexts, the structure of social space shows up as spatial oppositions, with the inhabited (or appropriated) space functioning as a sort of spontaneous symbolization of social space. There is no space in a hierarchized society that is not itself hierarchized and that does not express hierarchies and social distances <...> The result is a concentration of the rarest goods and their owners in certain sites of physical space [Bourdieu 1999: 123–125].

Like Harvey, Bourdieu assumes the existence of an uneven structure of space, where the most prestigious and demanded resources are concentrated in some areas, while there are shortages in others. People who live in

areas where the concentration of desirable resources, prestigious goods and services is higher, can use them to maintain and further improve their social and economic status. Conversely, economically disadvantaged areas tend to further deteriorate the quality of life of their inhabitants. Bourdieu develops this idea and says that as a result of these processes, the symbolic status of space is formed—for example, when a decrease in the quality of life of the inhabitants of the area leads to its stigmatization or “pathologizing”. Thus, space affects not only the material, but also the symbolic status of individuals—for example, it is the symbolic status of a ghetto resident, a suburbanite, or even specific areas and districts. Moreover, symbolic space in Bourdieu’s understanding has material and non-material boundaries, which include some groups of people and exclude others, increasing the inequality between them. At the same time, no one can occupy two opposite positions in the social space at once, just as one cannot simultaneously be in two different geographical points.

Bourdieu’s ideas were advanced in the works of another French researcher, geographer and urbanist Jacques Lévy. Continuing the Bourdieu’s tradition, Lévy describes space in terms of capital, and defines spatial capital as “all resources accumulated by an actor enabling him or her to benefit, according to their strategy, from using society’s spatial dimension” [Lévy, Lussault 2003]. In other words, spatial capital is a collection of resources accumulated by an individual, which allow him to interact with place and space and use the spatial structure of society to obtain benefits.

Possession of spatial capital implies the ability to quickly access a particular type of resource (or a certain amount of resources). From this point of view, urban dwellers have large spatial capital, both due to the accumulation of various resources in the urban area, and in terms of the speed of access to them due to the developed infrastructure.

Lévy develops the concepts of site and localization by Bourdieu, highlighting two components of spatial capital: *positional capital* and *situational capital* [Lévy 1994]. Positional capital determines the value of a position, a place that an individual occupies in space (the place where a person’s house or office is located). Lévy gives the following example: in the conditions of the geographical limitedness of the city, space can also be a rare commodity and be an object of competition (the “golden mile” in New York, Ostozhenka street in Moscow). Situational capital determines the area of space available to an individual through the distance that he can cover using all types of mobility [Lévy 1994: 95]. Mobility, on the other hand, can be a tool to compensate for the lack of positional capital.

The empirical research in education carried out within this framework, is scarce; however, some is available. It shows that the sociospatial concept of Bourdieu can be fruitfully extended and applied to describe a separate place (dwelling, house), but also to characterize entire territories, without expanding or changing its original interpretation [Soja 2013]. For example, it has been shown that the symbolic status of space matters in the choice of school by households [Yoon, Lubienski, Lee 2018]. In another work, a visualization of the social space of Helsinki schools was made, and an analysis of educational opportunities and restrictions that the hierarchy of this space imposed on the families of the city, was carried out [Kosunen 2016].

Attempts were also made to operationalize positional and situational capital in education in relation to the students’ opportunities [Séchet, Veschambre 2006; Barthou, Monfroy 2010]. These studies showed that positional capital, expressed through living in advantaged and disadvantaged areas of the city, is itself associated with access to educational resources and is superimposed on socio-economic differences, exacerbating them. Moreover, the direct effect of the socio-economic context on the students’ school choice turned out to be lower than expected after controlling spatial characteristics.

In Russia, as far as we know, Bourdieu’s sociospatial concept is practically not considered in educational research. Some groundwork for its application is laid by a few studies that focus on the sociocultural typologiza-

tion of Russian regions. For example, Sobkin [Sobkin, Pisarsky 1998; Sobkin, Yanbekova 2014] attempts to describe the social hierarchy of space through six interrelated and opposing types of socio-cultural situations, and considers the characteristics of the education system and the share of the population with higher education as one of the indicators in this typology. In other studies, authors typologize sociocultural situations of schools themselves (“school in a cultural center”, “school in a former cultural center”, “school in a potential cultural center”, “school in a cultural desert”), raising the question of the importance of the spatial context of school for building its policy and making administrative decisions [Tsirulnikov 2009; 2014; 2020]. However, these studies do not focus on the effects that such social hierarchy of space have on educational outcomes and student opportunities.

Analysis of Empirical Studies Carried Out within the Concepts of Spatial Inequality in Education

As it has been shown before, the specificity of educational inequality in Russia is determined in many respects by the variety of spatial contexts. In this section we analyze the theoretical and conceptual bases of the studies that estimate relationships between spatial context and characteristics of Russian education. There is a number of research papers that does not follow the first conceptual approach literally, but can be seen as following its spirit. For example, students’ educational results in mathematics in TIMSS and in PISA are analyzed in terms of socio-economic status of their families, school and teacher characteristics [Carnoy et al. 2016]. Although spatial differences are not the focus of this study and are present in the analysis only indirectly, the authors record spatial specificity related to the prevalence of certain types of educational institutions. Thus, the authors note that selective schools with advanced curricula, lyceums and gymnasiums, are more typical for urban areas, and such educational institutions as educational centers are present only in Moscow [Carnoy et al. 2016: 1063]. Another study considers the level of urbanization as one of the indicators of the social situation in which schools are functioning, and on which their efficiency depends [Pinskaya, Kosaretsky, Frumin 2011]. The authors of this study also note the presence of regional specificity, according to which the share of disadvantaged schools in the region and their territorial affiliation change; however, they do not focus on this result.

Other works refer directly to the concept of opportunity geography and the work of Hillman and Turley; and pay more attention to spatial specificity. In particular, Bogdanov and Malik [2020] in their study take into account the size of the respondents’ settlements, and, accordingly, place Moscow and St. Petersburg in a separate category. This can be seen as an attempt to consider the symbolic spatial status of the two Russian capitals; however, other potential differences within the highlighted categories are not included into analysis. For example, in terms of the choice of educational trajectory, living in a small village near a capital or near a city with a large presence of universities, is not identical to living in a small village in the middle of an “educational desert,” in Hillman’s terms. Consideration of the spatial structure of the data, namely the inclusion of proximity and/or distance between settlements in the analysis, would help to control for these features. On the other hand, it remains an open question whether the model used by the authors fully accounts for the differences between living in a village and in an elite settlement, even when controlling for the socioeconomic status of students’ families.

The use of the concept of spatial capital and its components could remove other possible biases in the studies of students’ educational trajectories. Thus, the positional capital of space, operationalized, for example, through the value of the territory (land) itself, can complement the idea of the socio-economic capital of the family. On the other hand, situational capital, measured through the geographical mobility of the student, would suggest educational mobility as well—for example, the opportunity to study at a more prestigious school in a larger community in the neighborhood or to attend preparatory courses for admission to a university, which, in turn, expands educational opportunities for students.

In another paper devoted to assessing the effects of the introduction of high stakes testing in Russia on students' educational opportunities, not only the size of the settlement is taken into analysis, but also the distance from the respondent's place of residence to the regional centers [Francesconi, Slonimczyk, Yurko 2019]. This allows researchers to analyze the social hierarchy of space within a region, but not between them. This is a particularly important point in the context of the specifics of educational migration of Russian students because they prefer to enroll in Moscow and St. Petersburg instead of the universities in regional centers [Gabbrakhmanov 2019; Gabdrakhmanov, Nikiforova, Leshukov 2019]. The authors analyze the federal districts in which the respondents live but only at the stage of testing the balance between the experimental and control groups, and do not use this indicator further in the analysis. However, it is the combination of the distance of the locality from the regional capital and the federal district that could provide a more complete picture of the respondents' positional capital. On the other hand, the authors add to the model such an indicator as students' relocation costs associated with higher education. In terms of the concept of spatial capital, this can be seen as an attempt to operationalize the situational capital of students.

Finally, there are a few papers that assess the relationship between the quality of education and the cost of housing in different Russian cities. For example, apartments in Moscow, which are territorially assigned to schools that demonstrate higher educational results of students on the USE, are priced higher [Chugunov 2013; Roschina, Vashchenko 2020]. In another study, the results of spatial autoregression analysis showed that the growth of the cost per square meter of housing in Perm correlates with such indicators of education quality as USE scores and the share of winners in the school subject Olympiads [Ozhegov, Kosolapov, Posolotina 2017]. The authors of another study from Novosibirsk showed that the school education quality significantly affects the cost of housing: an increase in the share of students who fail the USE insignificantly reduces the price of housing in the areas attached to schools [Mishura, Shiltsin, Busygin 2019]. These and other works can also be considered in terms of the concept of spatial capital, because in fact they operationalize both positional capital of the studied housing (not only its location itself, but also the price, number of rooms, number of floors and the age of the building) and situational capital (distance to the nearest subway station). But it is important to note that in these studies spatial capital is considered only as a function of the quality of school education, although the methodology of the works in most cases does not allow to draw conclusions about the direction of the relationship between these two concepts. The reverse connection is practically not considered in Russian studies of education, because, as it has been shown above, the characteristics of spatial capital are most often reduced to the socio-economic differences between students and their families.

Thus, we conclude that studies of the spatial context in Russian education rarely consider conceptual and theoretical frameworks related specifically to the spatial aspect, while the latter could potentially enrich and complement the obtained results. This makes this conceptual review even more relevant for future works specifically in the field of sociology and economics of education.

Discussion

This paper shows the importance of taking into account the spatial component in research on educational opportunities and student outcomes. This is consistent with Hillman's thesis that geography shapes educational opportunities of students [Hillman 2016; Hillman, Boland 2018], and Russia is no exception. The effects of the spatial component can overlap, as well as exacerbate existing socio-economic differences. However, existing studies often ignore the special dimension, or take it into account insufficiently—for example, only by accessing the level of urbanization. At the same time, the social hierarchy of space remains outside the focus of research. Further empirical research is needed to show the scale of the corresponding bias in the estimates.

The conceptual approaches analyzed in this paper open up new opportunities for studying and understanding the mechanisms of spatial inequality. Thus, we could argue that Bourdieu's ideas about the symbolic status of

space are of most importance for understanding the educational trajectories of Russian students; namely,—how the choice of school, college or university is made [Bourdieu 1984; 1999]. As we have mentioned above, the concept of Lévy's spatial capital can be used in the analysis of educational mobility of students, where, for example, living near the source of educational resources (educational organization) can be regarded as positional capital, and physical mobility and transport accessibility can be considered as situational capital. Prospects are also opening up for research on spatial capital not only of students and their families, but also the educational organizations themselves, as well as the relationship between them. Of particular interest are studies of student learning outcomes and the contribution of spatial capital and the symbolic status of space to their explanation.

Considering the results of aspect analysis of existing research, recommendations for further research were formulated. In the case of small countries, where spatial differences are less significant, it may be appropriate to use the first approach by Harvey, Soja and Hillman, where socio-economic segregation comes to the fore. Many empirical works, including those on data from Russia, were carried out in line with this approach. However, in large and contrasting countries, underestimating the spatial component can have more serious consequences. In such situations, Bourdieu's sociospatial concept appears to be a more appropriate conceptual framework, since it allows one to consider the social hierarchy of space, which is superimposed on existing differences in capitals.

The results obtained are important for educational policymaking. Here we could agree with Soja that “decisions made without taking spatial inequality into account only exacerbate it” [Soja 2013]. Thus, it should be retained that the symbolic status of a space can introduce biases in the resource allocation, decision-making on the opening of new educational organizations, making recommendations, choosing territories for innovations' approbation, as well as determining objects of targeted support, etc. On the other hand, spatial effects can manifest themselves indirectly. For example, the spatial capital of a university can determine its availability for certain types of applicants, which, in turn, affects the numbers and quality of admission—and these indicators are an important component for decisions on measures of state support and regulation of universities.

In the context of the world COVID-19 pandemic and the change to distance learning, the consideration of students' spatial capital is assumed to be even more significant for educational research. This is especially important for Russia, since access to the Internet and its quality is determined by the ICT infrastructure, the availability and condition of which is very dependent on the region and its remoteness. Accordingly, students' educational opportunities online are also limited by the space in which they are located and are not fully accounted for by such characteristics as “city” or “rural area”. This, in turn, may be one of the mechanisms by which the growing digital divide contributes to growing socioeconomic disparities.

Finally, it is worth to note that this paper has several significant limitations. First, it deals only with some of the dominant concepts of spatial inequality in the field of geography and urban studies. Moreover, as far as we know, it is one of the first attempts to transfer these concepts into the field of studies of inequality in education, so this paper shows only general directions for such a transfer. Finally, the focus of this paper is limited to highlighting the theoretical and methodological prerequisites for considering the spatial component in studies of inequality in education. Future empirical work performed in line with the described conceptual approaches is needed in relation to Russia and other countries characterized by multi-componential, large geographical expanse and diversity.

Conclusion

These results of aspect analysis provide two alternative conceptual approaches for research and policy-making in Russian education.

In the first approach, the concept of the geography of opportunity, introduced by the Edward Soja, socio-economic segregation overlaps existing spatial differences. The aspect analysis of existing studies shows that this approach is more suitable for research in small countries where internal socio-economic differences are smaller, due to the risk of estimation biases. Most of research in education in Russia are done under this approach, and it's hard to estimate the effect of spatial component there because of its limited operationalization.

The second approach is the sociospatial concept developed by the French sociologist Pierre Bourdieu, who did not reduce spatial inequality to socio-economic differences, and considered how both types of inequality interact with each other. Our paper demonstrate that this approach is a more appropriate conceptual framework for the analysis in large countries with many internal contrasts, providing new possibilities of operationalizing space in education context. Future research is needed to determine the exact scale of underestimation of spatial effects in education inequality.

Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5–100.”

References

- Abankina I. V., Alashkevich M. Yu., Vinarik V. A., Derkachev P. V., Slavin S. S., Filatova L. M., Merkulov M. V. (2016) *Analiz normativnogo podushevogo phinansirovaniya obshchego obrazovaniya v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii* [Analysis of Normative per Capita Financing of General Education in the Constituent Entities of the Russian Federation], Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://publications.hse.ru/en/books/188913473> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Abankina I. V., Filatova L. M. (2018) Dostupnost' doshkol'nogo obrazovaniya [Accessibility of Pre-School Education]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 216–246. Available at: <https://vo.hse.ru/2018--3/223965310.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Adamovich K. A., Kapuza A. V., Zakharov A. B., Frumin I. D. (2019) *Osnovnyye rezul'taty rossiyskikh uchashchikhsya v mezhdunarodnom issledovanii chitatel'skoy, matematicheskoy i yestestvennonauchnoy gramotnosti PISA-2018 i ikh interpretatsiya* [The Main Results of Russian Students in the International Study of Reading, Mathematical and Natural Science Literacy PISA-2018 and Their Interpretation], Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://publications.hse.ru/en/books/337666117> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Agranovich M. L. (2017) Indikatory dostizheniya tseley ustoychivogo razvitiya v sphere obrazovaniya i natsional'naya obrazovatel'naya politika [Achievement Indicators for Sustainable Development Goals in Education and National Education Policies]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no. 4, pp. 242–264. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2017--4/213239275.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Aleksandrova T. V. (2019). Tsifrovoye neravenstvo regionov Rossii: prichiny, otsenka, sposoby preodoleniya [Digital Inequality of Russian Regions: Causes, Assessment, Ways to Overcome]. *Economy and Busi-*

ness: *Theory and Practice = Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, vol. 8, pp. 9–12. Available at: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11145> (in Russian).

Barinov S. L., Belikov A. A., Polyakova Ya. O. (2016) Sootnosheniye obrazovatel'nykh rezul'tatov i finansirovaniya obrazovaniya v sub'yektakh RF [The Ratio of Educational Results and Education Financing in the Constituent Entities of the Russian Federation]. *XVI Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [XVI April International Scientific Conference on Economic and Social Development]* (ed. E. Yasin), 4 vols, vol. 2, Moscow: HSE Publishing House, pp. 11–22. Available at: <https://publications.hse.ru/chapters/180763180> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Barinov S. L., Belikov A. A., Zair-Bek S. I., Kupriyanov B. V. (2015) Dopolnitel'noye obrazovaniye v sub'yektakh RF: tipy regional'nykh situatsiy [Additional Education in the Constituent Entities of the Russian Federation: Types of Regional Situations]. *Fakty obrazovaniya [Educational Facts]*, iss. 1, Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://publications.hse.ru/books/167318668> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Barthon C., Monfroy B. (2010) Sociospatial Schooling Practices: A Spatial Capital Approach. *Educational Research and Evaluation*, vol. 16, no 2, pp. 177–196. Available at: <https://doi.org/10.1080/13803611.2010.484978> (accessed 16 March 2022).

Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Kak sochetayutsya sotsial'noye, territorial'noye i gendernoye neravenstva v obrazovatel'nykh trayektoriyakh molodezhi Rossii? [How are Social, Territorial and Gender Inequalities Combined in the Educational Trajectories of Russian Youth?]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 3 (157), pp. 392–412. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-sochetayutsya-sotsialnoe-territorialnoe-i-gendernoe-neravenstva-v-obrazovatelnyh-traektoriyah-molodezhi-rossii> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Cambridge MA: Harvard University Press,

Bourdieu P. (1999) *The Weight of the World: Social Suffering and Impoverishment*, Cambridge, UK: Polity Press.

Carnoy M., Khavenson T., Loyalka P., Schmidt W. H., Zakharov A. (2016) Revisiting the Relationship between International Assessment Outcomes and Educational Production: Evidence from a Longitudinal PISA-TIMSS sample. *American Educational Research Journal*, vol. 53, no 4, pp. 1054–1085. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.3102/0002831216653180> (accessed 16 March 2022).

Castells M. (1972) *La question urbaine*, Paris: François Maspero.

Chugunov D. Yu. (2013) Vliyaniye faktorov kachestva obrazovaniya i sotsial'nogo okruzeniya na stoimost' zhil'ya v Moskve [Influence of factors of quality of education and social environment on the cost of housing in Moscow]. *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*, iss. 1, no 17, pp. 87–112. Available at: <https://economics.hse.ru/data/2013/07/12/1289544886/NEA-17.pdf#page=87> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Derkachev P. V. (2014) Mezhhregional'nyye razlichiya v reshenii zadachi povysheniya zarabotnoy platy pedagogicheskikh rabotnikov [Cross-Regional Differences in Solving the Teacher Pay Rise Problem]. *Edu-*

ational Studies = Voprosy obrazovaniya, vol. 4, pp. 128–147. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2014--4/140077363.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Dyatlov S. A., Selishcheva T. A. (2014) Regional'no-prostranstvennyye kharakteristiki i puti preodoleniya tsifrovogo neravenstva v Rossii [Regional-Spatial Characteristics and Ways to Overcome the Digital Divide in Russia]. *Ekonomika obrazovaniya = Economy of Education*, no 2, pp. 48–52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21820670> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Fainstein S. S. (2014) The Just City. *International Journal of Urban Sciences*, vol. 18, no 1, pp. 1–18. Available at: <https://doi.org/10.1080/12265934.2013.834643> (accessed 16 March 2022).

Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019) Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform. *European Economic Review*, vol. 117, pp. 56–82. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.04.007> (accessed 16 March 2022).

Gabdrakhmanov N. K. (2019). Kontsentratsiya studentov v sisteme vysshego obrazovaniya na karte Rossiyskoy Federatsii [The Concentration of Students in the System of Higher Education on the Map of the Russian Federation]. *RUDN Journal of Economics = Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, vol. 27, no 1, pp. 7–17. Available at: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/21297> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Gabdrakhmanov N. K., Nikiforova N. Yu., Leshukov O. V. (2019) “Ot Volgi do Yeniseya...”: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii [“From the Volga to the Yenisei...”: Educational Migration of Youth in Russia]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya = Modern Analytics of Education*, vol. 5 (26), Moscow: HSE. Available at: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113854.pdf> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Harvey D. (1969) *Explanation in Geography*, London: Edward Arnold.

Harvey D. (1973) *Social Justice and the City*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Harvey D. (1996) *Justice, Nature and the Geography of Difference*, Oxford: Blackwell.

Harvey D. (2001). *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography*, New York: Routledge.

Hillman N. W. (2016) Geography of College Opportunity: The Case of Education Deserts. *American Educational Research Journal*, vol. 53, no 4, pp. 987–1021.

Hillman N., Boland W. C. (2018) Geography of College Choice. *Contemporary Issues in Higher Education* (eds. M. Gasman, A. C. Samayoa), New York: Routledge, pp. 22–34.

Israel E., Frenkel A. (2018) Social Justice and Spatial Inequality: Toward a Conceptual Framework. *Progress in Human Geography*, vol. 42, no 5, pp. 647–665. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0309132517702969>

Konstantinovskiy D. L., Vakhstein V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Ya. M. (2006) Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [The accessibility of quality education in Russia: opportunities and restrictions]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, vol. 2, pp. 186–203. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2006--2/26556681.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

- Kosunen S. (2016) *Families and the Social Space of School Choice in Urban Finland*, Helsinki: University of Helsinki, Institute of Behavioural Sciences.
- Kryst E. L., Kotok S., Bodovski K. (2015) Rural/Urban Disparities in Science Achievement in Post-Socialist Countries: The evolving Influence of Socioeconomic Status. *Global Education Review*, vol. 2, no 4, pp. 60–77. Available at: <https://ger.mercy.edu/index.php/ger/article/view/179> (accessed 16 March 2022)
- Kuzmina Yu. V., Tyumeneva Yu. A. (2011) Chitatel'skaya gramotnost' 15-letnikh shkol'nikov: znachimost' semeynykh, individual'nykh i shkol'nykh kharakteristik (po dannym rossiyskoy vyborki PISA-2009) [Reader's literacy of 15-year-olds: the importance of family, individual and school characteristics (According to the Russian sample PISA 2009)]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, vol 3, pp. 164–192. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2011--3/98046295.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Lefebvre H. (1972) *Le droit à la ville suivi de Espace et politique*, Paris: Éditions anthropos.
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space* (translated by D. Nicholson-Smith), Oxford, UK: Blackwell.
- Lévy J. (1994) *The Legal Space. About the Geographical Dimension of Political Function*, Paris: Les Presses de Sciences Po.
- Lévy J., Lussault M. (2003). *Dictionnaire of the Geography and the Space of Society*, Paris: Belin.
- McCulloch G. (2004) *Documentary Research: In Education, History and the Social Sciences*, New York: Routledge.
- Mishura A. V., Shiltsin E. A., Busygin S. V. (2019) Sotsial'nye aspekty vliyaniya kachestva shkol'nogo obrazovaniya na stoimost' zhil'ya v regional'nom tsentre Rossii [Social Aspects of Impact of School Quality on Housing Prices in Regional Centre of Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, no 7, pp. 52–72. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-52-72> (accessed 16 March 2022).
- Ozhegov E. M., Kosolapov N. A., Pozolotina Yu. A. (2017) O vzaimosvyazi mezhdru stoimost'yu zhil'ya i kharakteristikami blizlezhashchikh shkol [On Dependence between Housing Value and School Characteristics]. *Applied Econometrics = Prikladnaya ekonometrika*, vol. 47, pp. 28–48. Available at: <http://appliedeconometrics.cemi.rssi.ru/AppEc.files/contents.files/47.pdf> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Pinskaya M. A., Kosaretsky S. G. Frumin I. D. (2011) Shkoly, effektivno rabotayushchiye v slozhnykh sotsial'nykh kontekstakh [Effective Schools in Complex Social Contexts]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, vol. 4, pp. 148–177. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2011--4/98052392.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
- Roscigno V. J., Tomaskovic-Devey D., Crowley M. (2006) Education and the Inequalities of Place. *Social Forces*, vol. 84, no 4, pp. 2121-2145. Available at: <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0108> (accessed 16 March 2022).
- Roshchina Ya. A., Vashchenko T. I. (2020) Analiz vliyaniya kachestva shkol na tsenu zhil'ya v Moskve. Vestnik Moskovskogo universiteta [The Effect of School Quality on Housing Prices: Evidence from Moscow]. *Moscow University Economics Bulletin = Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 6, pp. 147–175. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ianina-Roshchina/publication/348024996_The_effect_of_school_quality_on_housing_prices_evidence_from_Moscow/

[links/60d199c9a6fdcc01d48e9015/The-effect-of-school-quality-on-housing-prices-evidence-from-Moscow.pdf](#) (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Séchet R., Veschambre V. (eds) (2006) *Thinking and Doing Social Geography: Contribution to an Epistemology of Social Geography*, Rennes: Presses universitaires de Rennes.

Smirnova N. A., Smirnov S. A. (2010) Perepis' naseleniya 2010: sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naseleniya RF [Nation Census 2010: Social-Demographic Picture of Russian Population]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* = *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, no 3, pp. 95–104. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3127/2892> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Sobkin V. S., Pisarsky P. S. (1998) *Tipy regional'nykh obrazovatel'nykh situatsiy* [Types of Regional Educational Situations], Moscow: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO (in Russian).

Sobkin V. S., Yanbekova D. V. (2014) K voprosu o postroyenii sotsiokul'turnoy tipologii regional'nykh obrazovatel'nykh situatsiy [On the Question of Constructing a Socio-Cultural Typology of Regional Educational Situations]. *Educational Policy Magazine = Obrazovatel'naya politika*, no 3 (65), pp. 48–56. Available at: https://edpolicy.ru/anons_03_2014 accessed 16 March 2022) (in Russian).

Soja E. W. (2013) *Seeking Spatial Justice*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Tsirulnikov A. M. (2009) Sotsiokul'turnyye osnovaniya razvitiya sistemy obrazovaniya. Metod sotsiokul'turnoy situatsii [Socio-Cultural Foundations of the Development of the Education System. The Socio-cultural Situation Method]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, vol. 2, pp. 40–66. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2009--2/26560358.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Tsirulnikov A. M. (2014) Razvitiye obrazovatel'nykh sistem. Metodologiya i metody sotsiokul'turnogo analiza. Chast' 1 [The Development of Educational Systems. Methodology and Methods of Social and Cultural Analysis. Part 1]. *Education Management Review = Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika*, no 4 (16), pp. 29–56. Available at: <https://emreview.ru/index.php/emr/issue/view/16> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Tsirulnikov A. (2020) *Sistema obrazovaniya v etnoregional'nom i sotsiokul'turnom izmerenii* [The System of Education in the Ethno-Regional and Socio-Cultural Dimension], St. Peterburg: Agentstvo obrazovatel'nogo sotrudnichestva. Available at: <https://books.google.ru/books?id=GCbyDwAAQBAJ> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Turley R. N. L. (2009) College Proximity: Mapping Access to Opportunity. *Sociology of Education*, vol. 82, no 2, pp. 126–146. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003804070908200202> (accessed 16 March 2022)

World Bank. (2018) *Rolling Back Russia's Spatial Disparities: Re-Assembling the Soviet Jigsaw Under a Market Economy*. Washington, DC: The World Bank Group. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities> (accessed 19 March 2022).

Yastrebov G. A., Bessudnov A. R., Pinskaya M. A., Kosaretsky S. G. (2013) Problema kontekstualizatsii obrazovatel'nykh rezul'tatov: shkoly, sotsial'nyy sostav uchashchikhsya i uroven' deprivatsii territoriy [The Issue of Educational Results' Contextualization: Schools, Their Social Structure and a Territory De-

privation Level]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, vol. 4, pp. 182–240. Available at <https://vo.hse.ru/en/2013--4%20/113210617.html> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Yoon E. S. (2020) School Choice Research and Politics with Pierre Bourdieu: New Possibilities. *Educational Policy*, vol. 34, no 1, pp. 193–210. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0895904819881153> (accessed 16 March 2022).

Yoon E. S., Lubienski C., Lee J. (2018). The Geography of School Choice in a City with Growing Inequality: The Case of Vancouver. *Journal of Education Policy*, vol. 33, no 2, pp. 279–298. Available at: <https://doi.org/10.1080/02680939.2017.1346203> (accessed 16 March 2022).

Zair-Bek S.I., Belikov A.A., Mertsalova T.A. (2016) Indeks obrazovatel'noy infrastruktury sub'yektov Rossiyskoy Federatsii v 2014 g. [Index of Educational Infrastructure of the Constituent Entities of the Russian Federation in 2014]. *Fakty obrazovaniya* [Educational Facts], no S1 (ed. V. Bolotov). Available at: <https://publications.hse.ru/books/199188056> (accessed 16 March 2022) (in Russian).

Zakharov A., Adamovich K. (2020) Regional'nye razlichiya v dostupe k obrazovatel'nym resursam, v akademicheskikh rezul'tatakh i v traektoriyakh rossiyskikh uchashchikhsya [Regional Differences in Access to Educational Resources, Academic Results and Students' Trajectories in Russia], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 1, pp. 60–80. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-60-80 (in Russian).

Received: September 2, 2021

Citation: Adamovich K. (2022) Conceptual Approaches to the Study of Spatial Inequality: The Case of Russian Education. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 2, pp. 147–161. Doi: 10.17323/1726-3247-2022-2-147-161 (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 2.
Март 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 23. No 2.
March 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>